

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
СЛУЖИЛОЕ КАЗАЧЕСТВО

И

ЕГО РОЛЬ ВЪ ОБСЛѢДОВАНИИ И ЗАНЯТИИ РУССКИМИ
СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
СЛУЖИЛОЕ КАЗАЧЕСТВО

И

ЕГО РОЛЬ ВЪ ОБСЛѢДОВАНІИ И ЗАНЯТИИ РУССКИМИ
СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

ВЫПУСКЪ I.

Конецъ шестнадцатаго и начало семнадцатаго столѣтій.

По архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ

Составилъ Г. Е. Катанаевъ.

Цѣна 75 коп.

Издатель В. Березовскій

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, соб. домъ, № 14.

1908.

ВЪ СКЛАДѢ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Записки Петра Кононовича Менькова. Въ 3-хъ томахъ.
Изданіе *В. А. Березовскаго*. Спб., 1898 г.

Томъ I. Дунай нѣмцы.

„ II. Дневникъ *П. К. Менькова*.

„ III. Сборникъ статей: 1) Краткій журналъ графа К. Ө. Толь о пребываніи его въ арміи во время Польской войны; 2) Очерки Польской кампаніи князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; 3) Фрейтагъ; 4) Отрывокъ изъ путешествія по Петербургу; 5) Севастопольскія рѣчи П. К. Менькова; 6) Киргизскія степи; 7) Матеріалы, относящіеся къ Венгерской войнѣ 1849 г.

Цѣна за три тома. 7 р.

II и III томы (I-й т. печатался въ „Изборникъ Развѣдчика“). 5 р.

Наша національная сила—казани (наброски). Составилъ
М. Н. Кіевъ, 1892 г. 70 к.

Казани. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта, въ общедоступномъ изложеніи для чтенія въ войскахъ, семьяхъ и школахъ; съ рисунками и винѣтками. 2-е изд., исправлен. и дополн. Состав. *К. К. Абаза*. Спб., 1899 г. 1 р. 25 к.

ОДОБРЕНО Цирк. Гл. Штаба 1903 г. № 104.

О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азиатскихъ народовъ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ. Сочиненіе *М. И. Иванова*, генеральнаго штаба ген.-лейтенанта, члена военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Съ 7-ю картами и 6-ю чертежами. Издано (по смерти автора) военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба, подъ редакціею генер.-лейтен. князя *Н. Н. Голицына*. Спб., 1875 г. 2 р.

Воспоминанія офицера Кобулетскаго отряда въ кампанію 1877—1878 гг. *Б. М. Колубакина*. Новое 2-е изданіе, дополненное обзоромъ театра войны, картинами, планами и рисунками. Спб., 1897 г. 2 р.

Красноводскій отрядъ. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ Каспійскаго моря по 1873 г. вклучительно, съ картою театра дѣйствій. Составилъ *В. Маркозовъ*. Изд. 2-е, дополненное. Слб., 1898 г. **2 р.**

По 1812 году. I. Набѣгъ Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу. II. Походный дневникъ офицера 25 пѣхотной Виртембергской дивизіи *Фаберъ-дю-Фора*. Съ рисунками съ натуры очевидца и участника событій *Фаберъ-дю-Фора*. Состав. *Б. Коллюбакинъ*. Слб., 1905 г. **1 р.**

Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 гг. *М. Иванкинъ*. Слб., 1874 г., 267 стр. и 14 листовъ рисунковъ. **2 р. 50 к.**

Завоеваніе Туркменіи (походъ въ Ахаль-Теке въ 1880—1881 гг.). Съ очеркомъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи съ 1839 по 1876 г. Состав. *А. Н. Куропаткинъ*. Съ картами, планами и рисунками. Слб., 1896 г. **2 р.**

Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II. (1773—1774 г.). По неизданнымъ источникамъ составилъ *Н. Дубровинъ*. Три тома съ картою театра дѣйствій. **9 р.**

Кавказская война. Въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Составилъ *В. Потто*.

- Томъ I. **Отъ древнѣйшихъ временъ до Ермолова.** 3-е изд. изъ 4 выпусковъ. 1896—1899 гг. **6 р.**
- „ II. **Ермоловское время.** Изъ 4-хъ выпусковъ 2-е изд. 1888 г. **6 р.**
- „ III. **Персидская война.** 1826—1828 гг. Изъ 4 вып. 2-е изд. 1888 г. **6 р.**
- „ IV. **Турецкая война.** Изъ 4 вып. 2-е изд., 1899 г. **6 р.**
- „ V. **Время Паскевича.** Изъ 4 выпусковъ. Вышли выпуски I, II и III. Тифлисъ, 1890—1891 гг. въ 8 д., за три выпуска. **4 р. 50 к.**

Третье изданіе 1-го тома и вторія изданія 2-го, 3-го и 4-го томовъ изящно отпечатаны на тоновой бумагѣ съ вышетами и заставками къ каждой главѣ.

ЗАКОНЧЕНО ИЗДАНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБ
СЪ ТЕКСТОМЪ,

излагающемъ всю исторію войны въ послѣдовательномъ
порядкѣ событій.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
НА СУШѢ и НА МОРѢ.

ИЗДАНИЕ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
ред.-изд. „Развѣдчика“.

РЕДАКТОРЪ
М. Н. фонъ-КРИТЬ
подполковникъ.

При участіи художниковъ-баталистовъ И. А. Владимірова, В. В. Игнаціуса († командиръ броненосца „Князь Суворовъ“), Н. Н. Каразина, Н. Н. Кравченко, И. И. Крылова, А. Г. Орлова, Н. С. Самокиша, А. П. Сафонова, В. А. Табурина, О. Шарлеманя и др.

Издание состоитъ изъ восьми выпусковъ,

съ планами, схемами, картинами на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, художественно выполненныхъ въ два тона (автотипія „Duplic“) и картинами въ краскахъ. Текстъ на веленовой бумагѣ съ портретами участниковъ войны и множествомъ иллюстрацій, всего 240 страницъ текста альбомнаго формата $9\frac{1}{2} \times 7$ вер., 753 портретовъ, рисунковъ и 56 отдѣльныхъ картинъ.

Цѣна всего изданія.

Изъ 8 выпусковъ, 15 р., съ перес. и упак. 17 р. Въ 2-хъ художеств. колен. перепл. 18 р. съ перес. и упак. 20 р.

Отдѣльные выпуски продаются по 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА допускается для частей войскъ и служащихъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

Въ складъ В. А. Березовскаго, Спб., Колокольная, 14.

В В Е Д Е Н І Е

О СИБИРСКИХ КАЗАЦКИХ И ДРУГИХ СЛУЖИВЫХ ЛЮДЯХ НЕРЕГУЛЯРНАГО КАЗАЦКАГО ЧИНА.

Въ шестнадцатомъ, семнадцатомъ и въ первую половину восемнадцатаго столѣтія, всѣ военно-служащіе въ Сибири назывались общимъ именемъ *служилыхъ людей*; въ частности-же всѣ служилые люди подраздѣлялись на дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, служилыхъ татаръ и казаковъ разныхъ наименованій. Послѣдніе составляли главную массу сибирскаго служилаго люда, особенно въ первые два изъ названныхъ столѣтій, такъ что слова „казакъ“ и „служилый человекъ“ на языкѣ и въ понятіяхъ того времени были какъ бы синонимами, и потому часто даже въ официальныхъ документахъ замѣнялись одно другимъ.

Общее названіе этихъ казаковъ было: „сибирскій казакъ“; въ частности-же они подраздѣлялись на болѣе или менѣе многочисленныя группы: по городамъ и мѣстностямъ, къ которымъ были приписаны, по роду относимой ими службы и по происхожденію. Такимъ образомъ, на примѣръ, были Тоболь-

Примѣчаніе. Первые главы настоящаго труда были уже частью напечатаны, въ нѣсколько иномъ видѣ, въ „Запискахъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1893-й годъ подъ названіемъ: „Еще объ Ермакѣ и его Сибирскомъ походѣ“ и „Киргизскія степи, Средняя Азія и Сѣверный Китай въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, по показаніямъ, развѣдкамъ, добѣжимъ записямъ, отчетамъ и изслѣдованіямъ западно-сибирскихъ казаковъ и прочихъ служилыхъ сибирскихъ людей“. Продолженіе этихъ главъ, по разнымъ обстоятельствамъ не могло появиться въ тѣхъ-же „Запискахъ“ названнаго Отдѣла Географическаго Общества. Въ виду этого, передѣлавъ ихъ значительно и дополнивъ соответственно задачамъ настоящаго изданія, я позволяю себѣ предложить ихъ вниманію читателей вновь, вмѣстѣ съ послѣдующими совершенно новыми главами моего труда, выясняющаго, по мѣрѣ возможности, роль западно-сибирскихъ казаковъ въ обследованіи и занятіи Сибири и Средней Азіи, не только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, какъ было намѣчено въ началѣ, но и за все время нашего знакомства съ этими странами, начиная съ XVI-го и кончая XX столѣтіемъ.

Г. Катанаевъ.

скіе, ядромъ которымъ послужила такъ называемая „старая сотня“ оставшихся въ живыхъ сподвижниковъ Ермака, Тюменскіе, Полымскіе, Березовскіе, Томскіе, Кузнецкіе городовые казаки; когда же съ начала XVIII столѣтія вновь возводимыя на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ русскія поселенія вмѣсто городковъ и острожковъ стали именоваться „крѣпостями“, то и водворяемые въ нихъ казаки стали именоваться *крѣпостными*; таковы напримѣръ — Омскіе, Желѣзінскіе, Ямышевскіе, Семипалатинскіе, Устькаменогорскіе крѣпостные казаки. По мѣрѣ сплоченія разбросанныхъ по разнымъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ въ болѣе многочисленныя группы по линіямъ и дистанціямъ и казаки ихъ населявшіе стали именоваться по тѣмъ линіямъ и дистанціямъ, — таковы Иртышскіе крѣпостные казаки, Колыванскіе (нынѣ Бійскіе), Кузнецкіе, Ишимскіе, Тарскіе (нынѣшняя Горькая линія), Тобольскіе (нынѣшняя Прѣсновская и Прѣсногорьковская станицы) и проч. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда всѣ крѣпостные казаки и большая часть выдворенныхъ на линіи городовыхъ тобольскихъ, тарскихъ, тюменскихъ, томскихъ казаковъ поступили подъ одну общую команду или атаманство, проживавшаго въ Омской крѣпости войскового атамана, они стали называться собирательнымъ именемъ „сибирскихъ линій казаковъ“. Когда же въ началѣ текущаго столѣтія сплоченіе разбросанныхъ по разнымъ западно-сибирскимъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ закончилось сформированіемъ изъ нихъ на линіяхъ 10-ти конныхъ полковъ и двухъ конныхъ же батарей, они образовали „Сибирское линейное казачье войско“, переименованное въ 1861 году, со включеніемъ въ него всѣхъ остатковъ тобольскихъ, томскихъ и сургутскихъ городовыхъ казаковъ, просто въ „Сибирское казачье войско“.

По роду относимой казаками службы, они дѣлились на *пѣшихъ и конныхъ*. Ермакъ и его сподвижники — всѣ были пѣшіе; но необходимость быстрыхъ передвиженій и погони за коннымъ непріятелемъ по его „сакамъ и воровскимъ перелазамъ“ заставили въ первые-же годы водворенія въ Сибири казаковъ, обратить ихъ въ конные, а затѣмъ, постепенно увеличивая число конниковъ, обратить и всѣхъ казаковъ въ конные. Крѣпостные и линейные казаки съ самаго ихъ образованія были уже конные. Служившіе при пушкахъ казаки

назывались „пушкарями“, а тѣ, которые блюли за исправностью и охраною острожныхъ или крѣпостныхъ входовъ, насыпей и тына, — „затинщиками“ и „воротниками“. Въ каждомъ городѣ или острогѣ были свои конные и пѣшіе казаки, свои пушкари, затинщики и воротники. Тѣ-же казаки несли за неимѣніемъ специалистовъ морскаго или рѣчнаго дѣла и такъ называемыя „стружную“ и „лыжную“ службы. Строгаго подраздѣленія на специальности военнаго дѣла, ни въ шестнадцатомъ, ни въ семнадцатомъ столѣтіяхъ еще не было, почему одни и тѣ-же люди, смотря по надобности, исполняли то ту, то другую, то третью изъ специальныхъ воинскихъ службъ. Въ челобитныхъ и донесеніяхъ за то время, постоянно встрѣчаются перечисленія службъ въ родѣ слѣдующаго: „И былъ я, Государь, во всякихъ твоихъ службахъ и въ службишкахъ и въ пѣшей, и въ конной, и въ лыжной, и въ стружной, и въ пушкаряхъ, и въ затинщикахъ, и у строенія остроговъ, и у сбора Твоего, Государева, ясака, и въ толмачахъ, и въ вожахъ, и у провѣдыванія новыхъ земель, и у подведенія невѣрныхъ подъ Твою высокую руку“ и т. д.

Недостатокъ специальныхъ родовъ оружія восполнялся, на сколько возможно, подборомъ, или „приборомъ“ въ служилые люди, не только начальническаго, но и рядоваго званія, всякаго рода „видальцевъ“ и „бывальцевъ“, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Въ противоположность „вольному“ Донскому, Яицкому и Запорожскому казачеству, пополнявшемуся по вольной волѣ всякими бѣглецами и недовольными московскими порядками людьми, сибирское „служилое“ казачество комплектовалось исключительно по Царскому указу и воеводскому наказу, не только нарядомъ потребныхъ людей, но и прямо ссылкой въ Сибирь какъ преступниковъ, такъ и всякаго рода плѣнныхъ „черкасъ“ (малороссовъ и запорожцевъ), „литвы“ (поляковъ) и „нѣмцевъ“. Составъ сибирскихъ служилыхъ людей, можно сказать, переполненъ былъ всякими иноземцами, до „французянъ“ включительно. Поляки даже составляли особья команды „казаковъ литовскаго списка“; „черкасы“ также. Разъ попавши въ казаки, эти иноземцы обыкновенно навсегда въ казакахъ и оставались со всеѣмъ своимъ потомствомъ, принимавшимъ православіе и мѣнявшимъ даже свою фамилію

Янъ Березуцкій, напрімѣръ, дѣлался Иваномъ Березовскимъ, Іозефъ Кобылянскій—Осипомъ Кобылиннымъ или даже просто Осьюкой Поляковымъ, Панковымъ, Литвиновымъ и т. д. Малороссы или черкасы переименовывались въ Черкасовыхъ, Хохловыхъ, Подольскихъ и проч. Сосланный въ 1618 г. и поверстанный въ томскіе казаки запорожскій атаманъ Михайло Скиба, обратился въ Михалку Скибина. Въ 1619 году поверстано въ пѣшіе казаки 40 „выѣзжихъ запорожскихъ черкасъ“. Не прекращалась подобная высылка и зачисленія иноземцевъ и въ болѣе позднія времена, напр. въ 1770 г., когда въ сибирскіе линейные казаки были зачислены 137 запорожцевъ, захваченныхъ съ Желѣзнякомъ и Швачкою послѣ Уманьской рѣзни въ польской Украинѣ; при этомъ запорожець Иванъ Найда обратился въ Ваньку Найдина, Грицко Таранъ — въ Гришку Таранова, Петро Бородавка — въ Петуньку Бородавкина, Иванъ Негода—въ Негодина, Задирака—въ Задиракина, Денисъ Носъ—въ Носова и т. д. Не мало попало въ линейные сибирскіе казаки и сосланныхъ въ Сибирь за то-же время и польскихъ конфердатовъ. Въ 1813 году сюда-же выслано болѣе сотни польскихъ плѣнныхъ „великой арміи“ Наполеона I-го. Сотни польскихъ и малороссійскихъ фамилій, встрѣчающихся и по сіе время въ средѣ современныхъ намъ сибирскихъ казаковъ, показываютъ, что иноземное дерево, посаженное на здѣшнюю почву не заглохло, а напротивъ, укоренившись дало хорошіе ростки. „И ссылаются въ Сибирь съ Москвы и изъ городовъ (писалъ извѣстный Котошихинъ въ своей книгѣ) на вѣчное житѣ всякаго чина люди за вины; а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ (т. е. въ сибирскихъ) городахъ верстають въ службы, смотря по человетку, въ дворяне, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки, и въ стрѣльцы“. Грамотные и многобывалые люди при зачисленіи въ службу цѣнились всегда высоко и получали болѣе видныя назначенія въ качествѣ казацкихъ или стрѣлецкихъ и татарскихъ пятидесятниковъ, сотниковъ, атамановъ и головъ.

Служилые дворяне и дѣти боярскіе въ Сибири, не составляя особо организованнаго рода войска или сословія, служили, какъ сказано, съ тѣми-же казаками и стрѣльцами въ качествѣ болѣе или менѣе начальственныхъ людей; многіе изъ нихъ совмѣстно съ званіемъ дворянина или боярскаго сына, носили и званіе казацкихъ или стрѣлецкихъ головъ и атама-

новъ. Въ свою очередь и казаки со стрѣльцами „за свои и своихъ предковъ службы“ нерѣдко жаловались въ дѣти боярскія и дворяне. Исторію нѣкоторыхъ изъ старинныхъ казачьихъ родовъ можно прослѣдить по архивнымъ документамъ и челобитнымъ; при чемъ оказывается, напримѣръ, что прадѣдъ челобитчика былъ зачисленъ въ казаки „по прибору“ изъ „гулящихъ людей“; сыновья его, одинъ служитъ казакомъ-же, а другой за сверхкомплектъ и неспособностью числится до старости „въ дѣтяхъ казачьихъ“; внуки родоначальника семьи, частью продолжаютъ служить казаками-же въ рядовомъ и пятидесятничкомъ званіи, часть-же за грамотность и распорядительность жалуются въ дѣти боярскія; ихъ-же дѣти или правнуки родоначальнаго казака служатъ: трое по прежнему въ казакахъ разныхъ ранговъ до атамана включительно, а четвертый, пройдя званіе десятника, пятидесятника и сотника „за многія его службы“ жалуются въ дворяне съ назначеніемъ казацкимъ головою; два сына этого послѣдняго служатъ одинъ въ дѣтяхъ боярскихъ, а другой пятидесятникомъ казацкимъ и т. д.

Дворянства и казачества, какъ строго обособленныхъ сословій, въ старинной Сибири не было. Какъ казаки, такъ и дѣти боярскія, стрѣльцы и дворяне были просто служилыми людьми разныхъ ранговъ, обязанными *постоянной и безсрочной* службой „доколѣ въ силахъ“. за опредѣленное (очень ничтожное) „денежное и хлѣбное жалованіе“. За время нахождения при своихъ домахъ большинство ихъ довольствовалося съ своихъ-же земельныхъ надѣловъ или пашень и отводныхъ луговъ. Избы или дворы, въ которыхъ эти служилые люди съ своими семьями проживали въ мѣстахъ своей приписки, были на половину не ихъ собственные, а казенные-же, построенные тѣми-же служилыми людьми по наряду и располагались около остроговъ и крѣпостей особыми служилыми, стрѣлецкими и казачьими слободами. Такой способъ расквартированія или размѣщенія служилыхъ людей при городахъ, острогахъ и крѣпостяхъ сохранился и въ болѣе позднее время, послѣ сформированія, взамѣнъ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ-солдатскихъ и драгунскихъ полковъ; только вмѣсто служилыхъ и стрѣлецкихъ, тѣ слободки получили наименованіе солдатскихъ и драгунскихъ; въ тѣхъ-же солдатскихъ слободахъ, въ первое время по возведеніи ли-

нейныхъ крѣпостей, форпостовъ и редутовъ, помѣщались и приписанные къ тѣмъ укрѣпленіямъ казаки. Земельные надѣлы ихъ не превышали обыкновенно шести десятинъ на душу, „дабы не отвлекать казаковъ отъ службы“, также были общіе съ солдатскими пайками.

Преобразованія Петра I въ составѣ и организаціи всей русской арміи не могли, конечно, не отразиться и на Сибири. И здѣсь, какъ въ Европейской Руси, первыми исчезли изъ рядовъ служилыхъ людей прежняго типа—стрѣльцы; за ними вскорѣ упразднились дѣти боярскія и дворяне; остались только одни казаки, хотя и на нихъ стремленіе обратить все прежнее служилое населеніе „въ регулярство“ отразилось, въ первое время, крайнимъ истощеніемъ служилаго состава. Всѣ вновь сформированные драгунскіе и солдатскіе полки—Тобольскій, Сибирскій и Новоучрежденный, равно какъ и гарнизонныя команды всѣхъ иртышскихъ крѣпостей, были укомплектованы исключительно тѣми-же сибирскими служилыми людьми: дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и дѣтьми казачьими. При этомъ многіе изъ дворянъ, казачьихъ и стрѣleckихъ головъ, атамановъ и сотниковъ переименовались въ полковники, подполковники, капитаны и поручики; дѣти-же боярскія и пятидесятники казачьіе—въ сержанты и капралы, а всѣ прочіе стрѣльцы, казаки и ихъ дѣти—въ драгуны и солдаты.

Оставшіеся свободными отъ регулярства дворяне и дѣти боярскія, совмѣстно съ таковыми-же казаками вносятся, съ этого времени, въ общую рубрику „нерегулярныхъ казачьихъ чиновъ“; а къ концу XVIII столѣтія и совсѣмъ исчезаютъ изъ списковъ воинскихъ званій.

Сильно порѣдѣвшіе ряды сибирскаго казачества скоро, впрочемъ, снова укомплектовываются, какъ естественнымъ приростомъ „самихъ въ себѣ“, такъ и всякаго рода вольными и невольными (какъ сказано выше) причисленіями извнѣ; такъ что уже къ шестидесятымъ годамъ XVIII-го столѣтія, служилый составъ ихъ вновь достигаетъ двухъ тысячъ человѣкъ, а къ началу минувшаго столѣтія и пяти тысячъ. И замѣчательно, при этомъ, что въ противоположность тому, что дѣлалось въ началѣ XVIII столѣтія, когда по волѣ Петра I-го, такъ сказать, совсѣмъ выкуривался изъ арміи духъ казачества, къ концу того-же столѣтія, существеннѣйшимъ контингентомъ для усиленія сибирскаго казачества, послужило зачисленіе въ

составъ его двухъ тысячъ солдатскихъ и драгунскихъ малолѣтокъ изъ полковъ и командъ, расположенныхъ на пограничной линіи совмѣстно съ казаками. Въ 1808 году регулярные полки совсѣмъ выведены съ линіи и изъ Сибири внутрь Европейской Россіи, а охрана сибирской границы отъ вторженія кочевниковъ и вся внутренняя служба возложены исключительно на сибирскихъ линейныхъ казаковъ, съ предоставленіемъ за то въ ихъ исключительное пользованіе всѣхъ земельныхъ „казенныхъ“ угодій, находившихся до того времени въ пользованіи драгунъ, въ томъ числѣ и такъ называемой „десятиверстной полосы“ земель, тянувшихся вдоль всей линіи пограничныхъ укрѣпленій, послужившей впоследствии главнѣйшимъ источникомъ для надѣленія землями сибирскихъ казаковъ и образованія нынѣшней территоріи Сибирскаго войска.

Перечисленіе всѣхъ до крайности разнообразныхъ „службъ“, которыя выпали на долю сибирскихъ казаковъ и вообще служивыхъ людей нерегулярнаго строя, за ихъ болѣе чѣмъ трехвѣковую исторію, не входитъ въ задачи настоящаго труда; а потому, ограничиваясь сказаннымъ выше объ организаци и способѣ комплектованія служивыхъ людей, замѣтимъ вообще, что какъ въ первые два столѣтія ихъ самостоятельной дѣятельности, такъ и въ послѣдующую совмѣстную службу съ регулярными частями, на долю этихъ людей выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеровъ всякихъ начинаній и мѣропріятій правительства по разслѣдованію, занятію, покоренію, умиротворенію и устройству необъятной Сибири съ ея многоязычнымъ населеніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать: не было такой службы, такого порученія, такого дѣла, которое-бы „волею начальства“ — не возлагалось на этихъ присяжныхъ исполнителей предначертаній свыше. Многообразіе всякаго рода послугъ соединенное съ безропотностью ихъ выполненія составляетъ, можно сказать, отличительную особенность сибирскаго „служилага“ казачества, рѣзко выдѣляющую его изъ рядовъ прочаго „вольнаго“ казачества, сложившагося въ самостоятельныя общины съ особымъ укладомъ жизни и порядковъ, шедшихъ въ XVI-мъ, XVII-мъ и частью XVIII столѣтіяхъ чаще въ разрѣзъ требованіямъ правительства, чѣмъ согласно съ ними. Но что особенно выдѣляетъ „службы“ сибирскихъ казаковъ, изъ тако-

выхъ-же вольно-казачьихъ,—это ихъ, такъ сказать, культурность и гражданственность. Будучи классомъ собственно военнымъ или боевымъ, сибирскіе казаки въ то-же время, по необходимости, за невозможностью замѣниться кѣмъ либо другимъ, исполняли зачастую порученія, ничего общаго съ воинскимъ дѣломъ не имѣвшія. Таковы, напримѣръ, въ длинномъ ряду всякаго рода другихъ службъ, службы „у казенной или Государевой пашни“, служба „въ толмачахъ и переводчикахъ“, служба „у провѣдыванія новыхъ землицъ“ и составленія имъ „росписей“ и „чертежей“, „развѣдки о заграничныхъ обстоятельствахъ“, посольская служба и т. д.

Многообразіе, самостоятельность и отвѣтственность всякаго рода ближнихъ и дальнихъ командировокъ, по вѣдомымъ и невѣдомымъ, русскимъ и иноплеменнымъ краямъ обширной и далеко еще не мирной въ тѣ времена Сибири, требовало отъ тогдашнихъ казаковъ необычайной энергіи, выносливости, расторопности, находчивости, рѣшимости и даже самоотверженія, соединенныхъ съ способностью къ инициативѣ и готовностью принять на собственный страхъ и отвѣтственность всѣ послѣдствія тѣхъ или иныхъ своихъ дѣйствій. Спрашивать постоянно начальственныхъ указаній за сотни и тысячи верстъ было нельзя; нужно было все брать на себя и брать притомъ не на день — на два, а на цѣлые мѣсяцы и годы, ибо не только дальнія, но и сравнительно ближнія командировки для „провѣдыванія новыхъ землицъ“, — развѣдокъ „о заграничныхъ обстоятельствахъ“ и многія другія продолжались нерѣдко цѣлые годы, вдали не только отъ русскихъ, но и отъ всякихъ другихъ живыхъ людей. Требовалась наблюдательность и умѣніе не только передать или пересказать подлежащему начальству о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за время продолжительныхъ странствій по пустынямъ и населеннымъ странамъ, но нерѣдко и описать все это на бумагѣ; нужно было время отъ времени давать знать далекому начальству о положеніи, въ какомъ находятся командированные, съ приложеніемъ „росписи“ о всѣхъ обстоятельствахъ; нужно было, однимъ словомъ, умѣть грамотѣ, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ ближайшимъ начальникамъ и при томъ не только старшимъ, но и самымъ младшимъ, такъ какъ командированныя самостоятельныя партіи были въ большинствѣ случаевъ очень малы, всего въ пять, десять, двадцать человѣкъ.

Зная условія сибирской службы и требованія, предъявляемыя тамошнему служилому человѣку, правительство наше и сибирскіе воеводы, какъ въ московскій періодъ, такъ и въ петербургскій, всегда придавали должное значеніе надлежащему „прибору“ сибирскихъ служилыхъ людей изъ „нетяглыхъ“ — „добрыхъ молодцовъ къ воинскому дѣлу обычныхъ и стрѣлять умѣлыхъ“; особенно при назначеніяхъ въ должности мелкихъ начальниковъ, въ званіи десятниковъ, пятидесятниковъ, дѣтей боярскихъ и т. д.

Знаніе грамоты всегда высоко цѣнилось между сибирскими служилыми людьми, прокладывая имъ дорогу ко всякаго рода служебнымъ повышеніямъ и усиленію Государева денежнаго и хлѣбнаго жалованія. Отсюда понятно и то стремленіе къ верстанію въ служилые люди, въ дѣти боярскія и конные казаки всякаго рода выѣзжихъ и плѣнныхъ „черкасъ“ и „литвы“, какъ людей болѣе грамотныхъ, бывалыхъ и выдающихся; понятно формированіе изъ нихъ цѣлыхъ командъ „литовскаго списка“ и послышки во всякія болѣе или менѣе видныя и отвѣтственныя командировки.

Читая и просматривая сохранившіеся въ архивахъ документы за первыя столѣтія занятія русскими Сибири, поражаешься массою всякаго рода донесеній, челобитныхъ, отчетовъ, отписокъ, росписей, доѣзжихъ записей, сказокъ, статейныхъ списковъ, писанныхъ простыми казаками безъ посредства писарей или подъячихъ; немало встрѣчается — приложенныхъ къ тѣмъ же донесеніямъ — чертежей, маршрутовъ, картъ пройденныхъ и осмотрѣнныхъ казаками странъ. Невольно рождается вопросъ, гдѣ, у кого и когда учились эти рядовые казаки книжному искусству въ эпоху, когда это искусство по господствовавшему до сего времени взгляду съ великимъ трудомъ давалось только духовенству, и то не всему, да профессиональнымъ дякамъ и подъячимъ разныхъ ранговъ, когда даже для именитыхъ и титулованныхъ бояръ грамота не считалась обязательною? Приходится предположить, что или свѣдѣнія наши о поголовной, такъ сказать, безграмотности русскихъ людей до-петровскаго времени недостаточно вѣрны: или, какъ сказано выше, что подборъ служилыхъ людей для Сибири былъ особенно строгъ; или что правительство и мѣстная сибирская администрація прилагали особое стараніе къ под-

готовкѣ грамотныхъ людей на мѣстѣ. Повидимому, всѣ эти предположенія имѣютъ свое значеніе, а сравнительное обиліе, въ средѣ сибирскихъ служилыхъ людей, если необразованныхъ, то достаточно грамотныхъ людей, есть результатъ того и другого и третьяго.

Оставляя, пока, въ сторонѣ первое и второе изъ приведенныхъ обстоятельствъ, бросимъ здѣсь лишь бѣглый взглядъ на исторію послѣдняго, т. е., на стараніе сибирскихъ властей подготовить для служебнаго поприща грамотныхъ людей. Собственно о XVII-мъ столѣтіи мы по этой части знаемъ очень мало, или лучше сказать ничего не знаемъ, такъ какъ какихъ бы то ни было общественныхъ или правительственныхъ школъ за это время въ Сибири, сколько извѣстно, еще не существовало. Не было ихъ даже и въ болѣе позднее время— во всю первую четверть XVIII столѣтія. Необходимые для службы грамотные люди комплектовались почти исключительно высылкою съ Москвы и плѣнными грамотѣями изъ черкасъ и литвы. Изъ желанія удержать въ потомствѣ приобрѣтенное дѣдами и отцами видное служебное положеніе, учили грамотѣ своихъ дѣтей и многіе изъ служилыхъ дворянъ, головъ и атамановъ; подготовляли себѣ свѣдущихъ помощниковъ, переписчиковъ и преемниковъ также и дьяки съ подъячими, при воеводскихъ приказныхъ избахъ. Все это было однако-же болѣе или менѣе случайная подготовка. Болѣе систематически поставлено это дѣло только съ открытіемъ такъ называемыхъ „гарнизонныхъ школъ“ въ Tobольскѣ и Томскѣ, имѣвшихъ цѣлью заполнить недостатокъ грамотныхъ людей въ войскахъ. Конечно, двухъ школъ было совершенно недостаточно, сравнительно съ существовавшею потребностью въ грамотныхъ людяхъ; но и ихъ вліяніе не замедлило сказаться на быстромъ повышеніи образовательнаго уровня ближайшихъ — низшихъ начальниковъ служилыхъ людей. Просматривая списки десятниковъ, капраловъ и пятидесятниковъ казацкихъ половины прошлаго столѣтія, нельзя не обратить вниманія съ одной стороны на чрезвычайно молодой составъ этихъ лицъ, а съ другой—на ихъ грамотность. Такимъ образомъ, на примѣръ, изъ списковъ старшинъ и казаковъ, находившихся въ 1761 году въ службѣ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ, видно, что къ этому году здѣсь состояло: 2607 служащихъ сибирскихъ казаковъ, при 18-ти старшинахъ офицерскаго

званія и 78-ми унтеръ-офицераго или урядничьяго. О грамотности нижнихъ чиновъ рядоваго званія въ тѣхъ спискахъ нѣтъ свѣдѣній; изъ *урядниковъ-же* (капраловъ и пятидесятниковъ) грамотныхъ было 47 человекъ или больше 60%; *сотники же и атаманы, т. е. офицеры, всѣ были грамотные.* Чтобы составить себѣ ясное понятіе о значеніи этихъ цифръ, достаточно сравнить ихъ съ таковыми же цифрами, выражающими грамотность у донскихъ казаковъ и башкирь-мещеряковъ, находившихся на службѣ по тѣмъ же линіямъ и въ тотъ же 1761 годъ. Не считая нижнихъ чиновъ, оказывается, что въ этотъ годъ на нашихъ линіяхъ находилось 35 донскихъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ, изъ которыхъ умѣли грамотъ всего только 6 человекъ, или только 17%. Изъ состава же 9-ти башкирскихъ и мещерякскихъ атамановъ, есауловъ и сотниковъ грамотный былъ только одинъ! Сравнивая этихъ донскихъ и оренбургскихъ офицеровъ съ сибирскими казаками нижняго или урядничьяго званія (не говоря ужъ объ офицерахъ) оказывается, что грамотность этихъ послѣднихъ, т. е. сибирскихъ урядниковъ, въ 3½ раза превосходила офицерскую грамотность донскихъ казаковъ и въ 5½ разъ башкирскихъ и мещерякскихъ. Фактъ поистинѣ изумительный.

Съ назначеніемъ начальникомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, расположенныхъ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ дѣятельнаго и просвѣщеннаго генераль-поручика *Шпрингера*, дѣло развитія грамотности въ сибирскихъ войскахъ еще болѣе двинулось впередъ. По ходатайству его, независимо отъ Тобольской и Тарской гарнизонныхъ школъ, въ 1765 году таковыя-же были открыты и на линіяхъ, въ крѣпостяхъ Омской, Петропавловской, Ямышевской и Бійской, всего на 450 школьниковъ изъ солдатскихъ дѣтей мѣстныхъ войскъ. Тогда-же, впрочемъ, оказалось, что всего этого комплекта школьниковъ заполнить исключительно солдатскими дѣтьми нельзя. Съ разрѣшенія Шпрингера, въ гарнизонныя школы, охотно стали принимать и казачать. Мало того: даже начальникомъ главнѣйшей изъ школъ Омской, былъ назначенъ никто другой, какъ казакъ-же, казацкій атаманъ *Анниферовъ*, изъ Желѣзенской крѣпости, на котораго возложено было и завѣдываніе хозяйственною частью всѣхъ прочихъ линейныхъ гарнизонныхъ школъ. Въ первый-же годъ открытія школъ, въ нихъ поступило казачать: въ Омскую школу—98;

въ Петропавловскую—60; Ямышевскую—83 и Бійскую—65, а всего 306 казачьихъ мальчиковъ. На дѣтей-же линейныхъ драгунъ и гарнизонныхъ солдатъ, осталось всего 144 вакансіи.

Понятно, что столь быстрое приращеніе учащихся казачать, незамедлило отразиться на быстромъ повышеніи грамотности въ средѣ сибирскаго казачества; и хотя съ 1777 года доступъ въ гарнизонныя школы для дѣтей казаковъ былъ закрытъ, тѣмъ не менѣе и 12-ти лѣтній періодъ безпрепятственнаго допуса казачать къ школамъ, ясно сказался на служиломъ составѣ „сибирскихъ линій казаковъ“. Въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба, сохранился полный именной и формулярный списокъ старшинъ и казаковъ Сибирскаго казацкаго войска за 1793 годъ, съ точными отмѣтками противъ каждаго казака его лѣтъ, наружныхъ примѣтъ, роста, грамотности, прохожденія службы и семейнаго положенія. Изъ списка этого видно, что въ 1793 году въ Сибирскомъ казацкомъ войскѣ состояло на дѣйствительной службѣ — 37 атамановъ, сотниковъ и старшинъ офицерскаго ранга и 2745 человекъ пятидесятицкаго, капральскаго, десятицкаго и просто казачьяго званія.

Изъ 37 офицеровъ, всѣ, за исключеніемъ одного, были грамотные, и въ томъ числѣ нѣкоторые съ познаніями въ ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и даже „практикѣ“, т. е. топографіи.

Изъ казаковъ нижняго званія *грамотныхъ было 405 человекъ!* т. е. 15%; или столько, сколько въ большинствѣ регулярныхъ войскъ не имѣется даже и теперь, не говоря уже о прошломъ столѣтіи, когда грамотности въ войскахъ, можно сказать, почти не существовало. О „вольныхъ“ казакахъ того времени нечего и говорить, достаточно сказать, что напр. въ Уральскомъ войскѣ за эти года самъ Войсковой Атаманъ *Донсковъ* русской грамоты совсѣмъ не зналъ и могъ только съ большимъ трудомъ крупными іероглифами подписывать свою фамилію! Изъ 7-ми войсковыхъ старшинъ, одинъ былъ тоже неграмотный, изъ 6-ти старшинъ, неграмотныхъ двое, а изъ 36-ти сотниковъ неграмотныхъ даже 12! Въ Астраханскомъ войскѣ изъ 4-хъ войсковыхъ старшинъ съ войсковымъ атаманомъ неграмотныхъ было двое; изъ 18-ти станичныхъ старшинъ грамотныхъ было всего 6 человекъ!

Въ цѣляхъ подготовки *переводчиковъ* и *толмачей* для сно-

шеній съ сосѣдними азіятскими народами въ 1789 году въ Омскѣ открыта такъ называемая „*Азіятская школа*“, комплектованная исключительно дѣтьми казаковъ. Въ школѣ этой, кромѣ русской грамоты и основъ математики, преподавались языки татарскій, турецкій, арабскій и персидскій. Со временемъ въ этой-же школѣ открыто отдѣленіе для подготовки съемщиковъ и *топографовъ*, комплектовавшееся, опять таки исключительно казачатами. Въ 1813 году, стараніемъ тогдашнихъ войсковыхъ атамановъ Сибирскаго войска *Телятникова* и *Набокова*, въ Омскѣ на войсковой счетъ открывается родъ средняго учебнаго заведенія для казаковъ, получившаго названіе „*Войсковаго училища*“. Въ училищѣ этомъ преподавались: Законъ Божій, чтеніе, чистописаніе, русскій языкъ, понятіе о должности человѣка и гражданина, ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, географія, исторія, полевая фортификація, артиллерія, черченіе плановъ и рисованіе.

Благодаря существованію трехъ названныхъ училищъ, сибирскіе казаки явились, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ тогдашній главный начальникъ Западной Сибири— „истинною силою правительства“— давая краю достаточно образованныхъ по тому времени мѣстныхъ офицеровъ, переводчиковъ, толмачей, топографовъ, не говоря уже о грамотныхъ, сообразительныхъ и всюду пригодныхъ урядникахъ и казакахъ. По свѣдѣніямъ за 1812 годъ видно, что изъ общаго числа 5950-ти состоявшихъ тогда на службѣ сибирскихъ линейныхъ казаковъ нижняго званія грамотныхъ было 745 человѣкъ; изъ 43-хъ офицеровъ, за исключеніемъ одного, всѣ были грамотные, съ знаніемъ многими изъ нихъ алгебры и геометріи и черченія плановъ.

Замѣчательно уваженіе, съ какимъ относились въ то время, въ средѣ сибирскаго казачества къ образованію, не только высшіе его представители, но и всѣ мало-мальски выдѣлявшіеся изъ народной неграмотной среды люди.

Просматривая послужные списки казачьихъ офицеровъ, начала текущаго столѣтія, поражаетъ тою старательностію, съ которой отмѣчается въ этихъ спискахъ всякое малѣйшее свѣдѣніе, могущее показать хотя-бы самую слабую прикосновенность того или иного изъ офицеровъ къ наукѣ. Тщательность отмѣтокъ по этой части доходитъ въ нѣкоторыхъ изъ формуляровъ до смѣшного; напримѣръ про одного офицера

въ его формулярѣ значитя, что онъ въ числѣ прочей книжной мудрости знаетъ „Географію Россіи до торговли“, про другого пишется, что онъ превзошелъ ту-же науку, „до сѣверной полосы“; третій знаетъ— „артиллерійскія записки первую главу“; четвертый усвоилъ алгебру „до пропорцій гармоническихъ“, „россійскую грамматику до спряженій“ и т. д. Противъ нѣкоторыхъ значитя, что они знаютъ „науку сельскаго хозяйства и гражданскую архитектуру“. Чаще всего у лицъ прошедшихъ войсковое училище отмѣчается знакомство ихъ съ арифметикою, алгеброю, геометріею, тригонометріею и практикою (т. е. топографіею и геодезіею). Особенно цѣнилось умѣніе чертить, рисовать и иллюминовать планы и разнаго рода техническіе чертежи. Отмѣтки:— „черченію ситуаціи перомъ, черченію и иллюминованію артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ плановъ, искусствамъ рисованія рашкулемъ и кистью знаетъ“—встрѣчаются весьма часто. Противъ офицеровъ, непроходившихъ школьнаго ученія, писалось обыкновенно, что они „россійской грамотѣ читать и писать умѣютъ, по-киргизски говорятъ“. Значеніе киргизскаго языка между офицерами этой категоріи, какъ и вообще между сибирскими казаками, очевидно, было очень распространено.

Сибирское пограничное начальство издавна умѣло пользоваться разнообразіемъ учебно-практической подготовки казачкаго офицерства и служилаго состава войска вообще. Не говоря о чисто военной службѣ и вооруженныхъ экспедиціяхъ казаковъ въ степь, что составляло, такъ сказать, специальное ихъ назначеніе, помянутое начальство съ неменьшимъ успѣхомъ пользовалось услугами и знаніями казаковъ и на болѣе мирномъ поприщѣ,—въ сношеніяхъ съ киргизскими ордами, въ развѣдкахъ о томъ, что дѣлается въ степи и за границею, въ изслѣдованіяхъ топографическихъ, естество-историческихъ и проч. Одинъ голый перечень именъ и главнѣйшихъ командировокъ казаковъ съ сказанными цѣлями, можетъ уже дать понятіе о той видной роли участія, какая выпала на долю западно-сибирскихъ казаковъ въ обширной области землеисслѣдованія вообще и изученія Азіятской Россіи въ частности. Не будемъ говорить о землепроходцахъ-открывателяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевателяхъ Восточной Сибири; это не входитъ въ задачи настоящаго труда. Кто не слыхалъ объ открытіяхъ и приключеніяхъ *Пояркова, Хабарова, Бузы, Дежнева, Стаду-*

хина, Атласова, Анциферова и других любителей необъятных пространствъ къ востоку отъ Енисея? Донесеніями ихъ о пройденныхъ странахъ, а еще болѣе о вооруженномъ поведеніи тѣхъ странъ подъ высокую царскую руку, переполнены цѣлые томы „Актвъ Историческихъ“ и сборниковъ ученыхъ и неученыхъ разсказовъ о подвигахъ русскихъ людей въ далекихъ странахъ. Ограничиваясь болѣе скромною задачею обзора русскихъ казацкихъ развѣдокъ и присоединеній собственно въ Западной Сибири, Средней Азии и Джунгаро-Киргизіи, мы напомнимъ здѣсь о болѣе скромныхъ, но въ смыслѣ услугъ собственно географіи, несомнѣнно болѣе почтенныхъ дѣятеляхъ, каковы были напримѣръ: первый изъ русскихъ служилыхъ развѣдчиковъ, посѣтившихъ Сибирь въ 1567 году казацкій атаманъ Иванъ *Петровъ* „съ товариши“; Тарскій казацкій атаманъ Василій *Тюменецъ*, посѣтившій въ 1616 году Среднюю Сибирь и Сѣверо-Западную Монголію; первый изъ русскихъ людей, пробравшихся чрезъ пустыни Гоби во Внутренній Китай (1618—1620 г.) Томскій казакъ Иванъ *Петлинь* съ Андреемъ *Мундовымъ* и другими „товарищи“ —чрезвычайно интересно и занимательно (по тому времени), описавшій свой длинный путь и все видѣнное и слышанное при этомъ; Тарскій казачій атаманъ Гроза *Ивановъ*, съ боярскимъ сыномъ Дмитріемъ *Черкасовымъ*, двукратно посѣтившіе въ 1624—1626 г. и описавшіе знаменитое Ямышъ озеро и Верхній Иртышъ, до нынѣшней станицы Семіарской, и впервые привезшіе отсюда отличнѣйшій слоистый и кристаллическій алебастръ. Боярскій сынъ Петръ *Сабанскій* съ атаманомъ *Дорофеевымъ*, двукратно проникавшіе съ томскими казаками въ 1633—1642 г. къ слиянію рѣкъ Біи и Катуня, открывшіе при этомъ Телецкое озеро и описавшіе его и окрестныхъ обитателей. Дѣти боярскіе *Гречанинь* и *Старииковъ* съ томскими атаманами и казаками, неоднократно, начиная съ 1633 года, проникавшіе въ Сѣверно-Западную Монголію къ тамошнимъ Алтынъ-Ханамъ въ качествѣ русскихъ посланцевъ и обстоятельно описавшіе все ими видѣнное и слышанное въ тамошнихъ странахъ. Тарскій боярскій сынъ Федоръ *Байковъ*, съ тарскими казаками проѣхавшій въ 1654 году и описавшій свой путь отъ Тары по Иртышу къ озеру Норъ-Зайсану и далѣе по Монголіи во внутренній Китай и Пекинъ. Послѣдователи Байкова —казаки *Маликинъ* и *Пер-*

фильевъ, одинъ за другимъ проникающіе въ Китай по тѣмъ-же путямъ. Многократныя казачкія экспедиціи вверхъ по Иртышу къ сказанному Ямышь озеру въ теченіе всего XVII столѣтія. Посольство въ 1691 году изъ Тобольска къ киргизь-кайсацкому хану Тявѣ въ Туркестанъ сына боярскаго Андрея *Неприпасова*, съ казаками Василиемъ *Кобяковымъ* и *Алемасовымъ*. Вторичное посольство туда-же въ 1694 году казаковъ Федора *Скибина* и Матвѣя *Трошина*, подробно описавшихъ свое крайне интересное странствіе черезъ нынѣшнюю Киргизскую степь къ Туркестану и отсюда черезъ Бухару и Хиву на Яикъ, Волгу и оттуда, чрезъ Уфу, обратно въ Тобольскъ.

Въ XVIII-мъ столѣтіи нельзя не отмѣтить двукратныхъ поѣздокъ внутрь Джунгаріи въ 1713 и 1720 г.г., въ качествѣ посла къ тогдашнему Коптайшѣ, тарскаго казачкаго головы Ивана *Чередова*, подробно имъ описанныхъ въ донесеніяхъ начальству. Путешествіе въ 1714—1716 г.г. изъ Тобольска въ Сѣверный Тибетъ къ прославленному нынѣ путешествіями Н. М. Пржевальскаго озеру Куку-Норъ и въ страну Тангутовъ тобольскаго служилаго дворянина *Трушникова* съ казаками. Двѣ посольскіихъ-же поѣздки внутрь киргизскихъ степей въ 1716—1717 г.г. къ тогдашнимъ киргизскимъ ханамъ Каицу и Абулхаиру боярскихъ дѣтей *Бълоусова* и *Брянцева* съ казаками. Посольство къ Аблай-хану сотника *Ерофеева* въ 1745 году. Поѣздка на рѣку Бухтарму къ китайскимъ пограничнымъ пикетамъ сотника *Волошанина* въ 1769 году и его-же замѣчательная поѣздка внутрь Семирѣчья и въ Кульджу въ 1771 году, весьма подробно, интересно и обстоятельно описанная имъ въ путевоиъ журналѣ. Наконецъ научная поѣздка въ киргизскія степи въ 1789 г. казачкаго „въ минералогіи свѣдущаго“ атамана *Гелятникова* и его-же посольство, въ тѣхъ-же цѣляхъ изысканія рудныхъ богатствъ въ Ташкентъ и окружающія его страны, въ 1797 г. и вызванная этимъ посольствомъ научная командировка туда-же въ 1800 году *Бурнашева* и *Постьлова* съ казаками.

За минувшее столѣтіе укажемъ на поѣздку въ Кульджу въ 1804 году переводчика *Безносикова*, доставившаго весьма обстоятельный маршрутъ своего слѣдованія въ названный городъ. Командировку туда-же въ 1811 году другого сибирскаго казака—переводчика *Путинцева*, составившаго весьма обстоя-

тельное описаніе пройденнаго имъ пути и всего при этомъ видѣннаго и слышаннаго, съ картою этого пути. Путешествіе въ Коканъ въ 1813—1814 г. переводчика изъ казаковъ *Назарова* въ сопутствіи нѣсколькихъ простыхъ казаковъ съ сотникомъ *Безязыковымъ* во главѣ, представившихъ также крайне любопытный отчетъ о тогдашнемъ состояніи киргизскихъ степей и средне-азиатскихъ ханствъ. Поѣздку съ торговымъ караваномъ въ Кашгаръ казака — переводчика *Бубенова* въ 1814 году въ сопутствіи другихъ казаковъ съ сотникомъ *Старковымъ* во главѣ, также представившихъ обстоятельный маршрутъ своего путешествія и описаніе Тянь-Шаня. Странствія по киргизскимъ степямъ горныхъ ученыхъ экспедицій въ 1815—1816 г. подъ руководствомъ извѣдывшаго и осмотрѣвшаго тѣ степи во всевозможныхъ направленіяхъ есаула *Набокова*. Рекогносцировки и научно-дипломатическія командировки казачьихъ офицеровъ и отрядовъ внутри степи, въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія при открытіи такъ называемыхъ внѣшнихъ округовъ, подъ руководствомъ тогдашняго просвѣщеннаго войсковаго атамана *Броневскаго*, оставившаго совместно съ своими офицерами нѣсколько (частью напечатанныхъ) записокъ и замѣтокъ о степи, ея достопримѣчательностяхъ и жизни и хозяйствѣ тогдашнихъ казаковъ. Чрезвычайно интересную поѣздку въ Ташкентъ и Коканъ въ 1829 году, подробно описанную съ приложеніемъ маршрутной карты пройденнаго пути хорунжаго *Потанина*, отца современнаго намъ знаменитаго сибирскаго казака-землеислѣдователя сотника *Г. Н. Потанина*. Труды сибирскихъ казаковъ-топографовъ въ извѣстной экспедиціи въ степь въ 1832 году *Бутовскаго* и въ послѣдующихъ степныхъ экспедиціяхъ, какъ научнаго, такъ и военнаго характера. Укажемъ на съемки Голодной степи казака-топографа *Бородина*; участіе въ съемкахъ экспедиціи *Чихачева* на Алтаѣ—*Боярскаго*; съемки *Ваганова* въ зимнюю экспедицію академика Миддендорфа къ Сѣверо-Восточному мысу Сибири; съемка *Крутикова* на Амурѣ; съемка и описанія озеръ: Зайсана, Балхаша и Иссыккула—*Нифантьева* и многихъ топографовъ-казаковъ, менѣе извѣстныхъ, но такъ или иначе вложившихъ свои крупныя въ сокровищницу науки землевѣдѣнія. Упомянемъ также о войсковомъ старшинѣ *Усовѣ*—статистикѣ-ислѣдователѣ и историкѣ сибирскаго войска и знаменитомъ современномъ намъ земле-

ислѣдователѣ и ученомъ путешественникѣ по киргизскимъ степямъ, Китаю и Монголіи, отставномъ сотникѣ того-же войска *Г. Н. Потанинъ*, разнообразные ученые труды котораго по землевѣдѣнію извѣстны всякому, сколько либо причастному къ этой наукѣ, человѣку. Умолчимъ, пока, о прочихъ современныхъ намъ сибирскихъ казакахъ-дѣятеляхъ въ области географіи и исторіи.

Слѣдомъ за этими передовыми развѣдчиками новыхъ земель и народовъ, и параллельно имъ шли и болѣе или менѣе сильныя вооруженныя дружины, команды и отряды служилыхъ, большею частью тоже „нерегулярнаго чина“ людей-занимателей-завоевателей и колонизаторовъ вновь провѣданныхъ странъ. Первымъ изъ этихъ занимаателей и покорителей былъ, какъ извѣстно, Ермакъ съ его дружиною. За нимъ двинулись и многія другія дружины „казаковъ“ — „стрѣльцовъ“ и прочихъ служилыхъ людей, предводимыхъ царскими воеводами и военачальниками, посланными въ Сибирь волею Московскаго Правительства. Не прославлены были лѣтописцами и историками подвиги этихъ людей. Безвѣстно, безъимянно и безъ особаго поощренія свыше, борясь не столько съ людьми, сколько съ суровою природою, страшными морозами и непроходимыми снѣгами, безводными пустынями и палящимъ солнцемъ, занимали они и покоряли подъ высокую царскую руку, землю за землю... Извели Кучума царя, разсѣяли и полонили ближайшихъ его сородичей и радѣтелей на сѣверѣ Сибири и въ киргизско-калмыцкихъ степяхъ; усмирили и обложили ясакомъ въ царскую казну сѣверныхъ инородцевъ; вытѣснили изъ Сибири когда-то грозныхъ раззорителей русскихъ поселеній въ Томской губерніи сибирскихъ „киргизъ“; оберегли отъ набѣговъ калмыцкихъ и киргизъ-кайсацкихъ всю степную границу Сибири съ Джунгаріей; вторгнулись прочными поселеніями въ самое нутро киргизіи; усмирили орду силою оружія когда она вздумала было противиться такому внедренію русскихъ въ степи; заняли съ оружіемъ въ рукахъ всю нынѣшнюю Семипалатинскую и Семирѣчинскую области; способствовали покоренію подъ русскую державу — Ташкента, Бухары, Хивы, Кокана и проч. Дѣятельно участвовали и въ послѣдней русско-японской войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, когда Сибирскимъ казачьимъ войскомъ выставлено было болѣе девяти конныхъ полковъ въ составѣ десяти тысячъ душъ въ

возрастѣ отъ 20-ти до 38-ми лѣтъ. Не ихъ, конечно, вина въ томъ что компанія эта такъ печально закончилась; четыре Георгіевскихъ знамени, одно Георгіевское-же общевойсковое знамя и болѣе тысячи знаковъ отличій военнаго ордена полученныхъ западно-сибирскими казаками за это время, достаточно краснорѣчиво подтверждаютъ сказанное.

Задача настоящаго труда: сгруппировать, по возможности и изложить въ болѣе или менѣе связномъ разсказѣ всѣ мелкія и крупныя казачкія „развѣдки“—поѣздки и экспедиціи; всѣ краткія и пространныя, словесныя и письменныя ихъ показанія о поѣздкахъ въ Сибирь, Киргизскія степи, Джунгарію, Среднюю Азію, Дальній Востокъ и описать, наконецъ, хотя кратко, мало извѣстныя и недостаточно оцѣненные военныя дѣйствія этихъ людей въ названныхъ странахъ, повлекшія за собою присоединеніе къ Россіи части Азіи превосходящей своєю площадью въ 6-ть разъ нынѣшнюю Германію и Францію взятыя въ отдѣльности.

Источниками, изъ которыхъ извлекались данныя о поѣздкахъ и развѣдкахъ всѣхъ названныхъ и неназванныхъ еще казаковъ-ислѣдователей, равно какъ и дѣйствій ихъ по присоединенію къ Россіи Западной Сибири, Джунгаріи, Киргизскихъ степей и Средней Азіи, служили частью уже появившіяся въ свѣтъ болѣе или менѣе извѣстныя и неизвѣстныя рѣдкія изданія, помянутыя ниже въ выноскахъ, а частью (преимущественно при описаніи событій XVIII и XIX столѣтій), архивныя дѣла, рукописи и карты, которыми авторъ имѣлъ возможность пользоваться, занимаясь въ разное время въ Императорской публичной библиотекѣ, библиотекахъ Императорскаго Географическаго Общества и Главнаго Штаба, въ Ученомъ архивѣ того-же Штаба, въ архивѣ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, въ Московскихъ архивахъ Главнаго Штаба, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и мѣстныхъ западно-сибирскихъ архивахъ города Омска — бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири, Областнаго правленія, бывшаго Корпуснаго Штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, Войскового Правленія Сибирскаго казачьяго войска и др.

Г л а в а I-я.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ СИБИРЬЮ И НАБѢГЪ ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ ВОЛЬНИЦЫ.

Начальныя сношенія русскихъ съ аборигенами Сѣверо-Западной Сибири.— Новгородскіе и Московскіе походы въ Югру.— Строгановы и ихъ роль въ занятіи русскими при-Камскаго и за-Уральскаго края.— Волжско-Камская вольница Ермака.— Кто былъ Ермакъ.— Сибирскій походъ Ермака и занятіе Искера.

Баснословныя, издревле, богатства Сибири всякаго рода пушнымъ звѣремъ давно уже (болѣе чѣмъ за 400 лѣтъ до включенія при-Уральской части этой страны въ составъ Московскаго государства), привлекали къ себѣ вниманіе русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Еще въ XI столѣтіи извѣстные провѣдыватели и извлекатели всякихъ богатствъ, новгородцы, завели въ сѣверо-западныхъ ея частяхъ торговыя сношенія съ югричами и обдорою, нынѣшними остяками и самоѣдами, промышленявшими пушшиной. Новгородскіе развѣдчики и „данщики“ большими и малыми партіями рыскали по всей югріи и симояди; съ ними шли промышленные и торговые люди, а затѣмъ и Новгородскія рати дѣтей боярскихъ и всякаго рода вольницы или ушеуйниковъ, этихъ предтечъ будущихъ вольныхъ казаковъ. Въ древнихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ не разъ упоминается о болѣе или менѣе удачныхъ поискахъ какъ мирнаго, такъ и военнаго характера; извѣстна, напримѣръ, посылка Новгородскимъ купцомъ Гурытой Роговичемъ своего „отрока“ съ товарищи для развѣдокъ Мугазеи въ XII столѣтіи. Въ хронографахъ XIV столѣтія упоминается подъ 1364 годомъ о возвратѣ въ Новгородъ изъ югорской земли (т. е. съ низовья Оби) многихъ дѣтей бояр-

скихъ и разныхъ „молодыхъ людей“ съ воеводами Александромъ Абакумовичемъ и Стеланомъ Ляпою, ходившихъ въ югорскую землю для завоеваній и для сбора дани. Эти новгородцы дѣйствовали въ Югріи двумя отрядами, одинъ изъ которыхъ шель по нижнему теченію Оби вплоть до Ледовитаго океана, а другой ходилъ вверхъ по Оби. Походъ былъ удачный.

По имѣющимся даннымъ въ архивахъ мы даже можемъ въ настоящее время прослѣдить тѣ пути, которыми русскіе въ XII—XVI столѣтіяхъ проникали въ только что помянутыя части Сѣверо-западной Сибири; пути эти теперь уже заброшены, а въ тѣ давнопрошедшія времена были настолько проторены, что даже встрѣчавшіяся на нихъ тѣ или иныя природныя урочища носили русскія, а не инородческія (какъ теперь) названія. Морской путь шель отъ устьевъ Печеры „моремъ окіяномъ“ въ Югорскій шаръ (проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка Европы) по „Нярзомскому“ (Карскому) морю къ устью Мутной рѣки (нынѣ — Созбея), этою рѣкою до ея верховьевъ, волокомъ на Зеленую рѣку (нынѣ — Ивога подь 70° сѣверной широты), поперегъ Обской губы до мыса Поворотнаго, Тазовскою губою и въ устья Таза въ Мулгазею или Мангазею тогдашнюю Колхиду пушной рухляди. Рѣчными путями чаще всего выходили изъ Печеры на Усу и Елецъ къ волоку чрезъ Югорскій камень, гдѣ находилось становище, носившее названіе Роговаго городка. быть можетъ, въ память только что помянутаго новгородца Гуряты Роговича, въ р. Собь, впадающую въ Обь и далѣе по Оби внизъ до Губы или вверхъ въ Сибирское ханство на Иртышѣ, Турѣ и Тоболѣ. Третій, еще болѣе южный и не менѣе древній, чѣмъ только что упомянутые пути, шель еще южнѣе и носилъ названіе Югорскаго и, выходя изъ за Югорскаго камня на востокъ, упирался въ рѣчку Киртасъ, противъ Сыгвы, впадающей въ Сосву и далѣе въ Обь. И здѣсь на волокъ чрезъ Югорскій камень устроено было издавна русское Сыгвенское зимовище, а тамъ, гдѣ впоследствии появился Березовскій острогъ, другое становище.

Съ паденіемъ Великаго Новгорода и переходомъ его наслѣдія въ руки Москвы, переходитъ и роль его по отношенію къ Югрѣ и Обдорѣ къ москвичамъ. Московскіе великіе князья также собирали дань съ югричей и не разъ посылали

свои рати за „камень“ (т. е. за Уралъ) и „волокъ“ какъ для усмиренія строптивыхъ, такъ и просто для „памяти“ о томъ съ кѣмъ, тѣ имѣють дѣло. Такимъ образомъ, напримѣръ, извѣстенъ походъ за Уралъ Василья Скрябы въ 1465 году; походъ московскихъ воеводъ кн. Курбскаго-Чернаго и Салтыка-Травника въ 1483 году, имѣвшій послѣдствіемъ прибытіе въ Москву въ слѣдующемъ году съ покорною князей Югорскаго, Вогульскаго и „Сибирскаго“. Походъ князей Курбскаго и Ушатаго въ 1499 г. и проч.

Всѣ это были, несомнѣнно, походы къ низовьямъ Оби на вогуличей и остяковъ, не касаясь сдѣлавшагося извѣстнымъ впоследствии „Сибирскаго царства“, расположившагося по притокамъ Тобола и среднему Иртышу. Сюда проложенъ былъ еще болѣе южный рѣчной путь, чѣмъ только что названное, а именно: съ верховьевъ Печеры волокомъ чрезъ Уральскій хребетъ къ истокамъ Лозвы: далѣе Лозвою въ Тавду и Тоболь. По отношенію къ прочимъ сѣвернымъ инородцамъ царство это занимало первенствующую роль вершителя ихъ судебъ; хотя, само собою, по дальности разстояній и крайней рѣдкости населенія сѣверныхъ необъятныхъ пространствъ, не могло выражать свою власть особенно рѣзко и настойчиво. Несомнѣнно, что даже само оно, при всемъ своемъ главенствѣ надъ прочею ниже и средне-Иртышскою инородческою населенностью, чувствуя свое безсиліе предъ свободно распорядившимися на сѣверѣ русскими промышленными и воинскими людьми, заискивало предъ московскимъ правительствомъ, посылая даже время отъ времени къ тамошнему Двору подарки или „дань“. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ грамотъ царя Федора Иоанновича къ сбитому уже тогда съ насиженнаго куреня Кучуму (1597 г.) между прочимъ читаемъ: „Изъ давнихъ лѣтъ Сибирское государство было вотчиною прародителей нашихъ блаженныя памяти великихъ государей русскихъ царей, какъ еще на сибирскомъ государствѣ былъ дѣдъ твой Ибакъ-царь, и съ сибирскія-земли великую дань давали нашимъ прародителямъ великимъ государямъ-царямъ; а послѣ дѣда твоего Ибака-царя были на сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, Магметъ князь, послѣ него Казый князь, а послѣ Казыя Едигеръ князь, и тѣ всѣ князи дѣду нашему блаженныя памяти великому государю-царю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси и съ сибирскія

земли дань давали“. Не даромъ знаменитѣйшій изъ московскихъ собирателей русской земли Иванъ Васильевичъ III влючилъ въ свой длинный титулъ званіе „Югорскаго“, а сынъ его Василій Ивановичъ „Кондинскаго и Обдорскаго“, а Иванъ IV и „Сибирскаго“.

Полуданническія и торговыя отношенія Сибирскаго царства къ Москвѣ, всегда поддерживались довольно энергично. Бывали даже дружественныя посольства какъ съ той, такъ и съ другой стороны. По свидѣтельству одного изъ нашихъ посланцевъ, Дмитрія Непейцина, отправленнаго въ 1555 году Иваномъ IV въ Сибирское царство для приведенія жителей его къ присягѣ и переписки черныхъ (т. е. податныхъ) людей, число таковыхъ простиралось до 30.700 душъ; дань-же на нихъ при этомъ наложена въ 1000 соболей ежегодно. До какой степени сильна была увѣренность Московскихъ правителей въ безсиліи Кучумовскаго ханства лучше всего показываетъ возможность безпрепятственной отправки въ 1567 году русскихъ развѣдчиковъ не только въ Юргу и Обдору, но даже и за нихъ и за самую „Сибирь“ въ Китай. Развѣдчики эти были „атаманъ *Иванъ Петровъ* съ подъячими и мурзы Бурнашъ Алышевъ съ товарищи 20 человекъ“, поѣхавшіе, какъ выражается одинъ изъ старинныхъ сибирскихъ бытописателей боярскій сынъ Ремезовъ, — „на востокъ и сѣверъ для провѣдыванія земель сосѣднихъ царствъ и языкъ и орды и волостей, въ какомъ разстояніи отъ Москвы и сколь далеко подлегли къ Московскому государству. И тогда отъ части въ путѣхъ вразумишася и видѣша прилежація страны, державства, языкъ, орды къ Московскому царству и пріѣхавши подаша доѣздъ по наказу своему и таковой ихъ доѣздъ въ Сибири и до днесь (т. е. до конца XVII столѣтія) въ Тобольску у снискателей носится ¹⁾“.

Къ сожалѣнію, этотъ крайне любопытный „доѣздъ“ до насъ не дошелъ, хотя часто за него и выдается позднѣйшій доѣздъ (1620 г.) сибирскаго казака *Петлина* съ товарищами, въ числѣ которыхъ также находился соименникъ перваго атамана-ислѣдователя, казакъ Петровъ и также Иванъ. Объ этой-же, такъ сказать, первой русской ученой экспедиціи въ

¹⁾ Прилож. къ Чертежн. кн. Сибири *Ремезова*. „Обращеніе до ласковаго читателя“ 1701 г.

Сибирь, повидимому, упоминаетъ въ своемъ описаніи Сибири и долго проживавшій въ Россіи въ началѣ XVII столѣтія иностранецъ Исаакъ Масса, который, говоря между прочимъ о при-Камскихъ богачахъ Аписопу (очевидно извѣстныхъ Строгановыхъ съ вліятельнымъ родоначальникомъ своимъ Аникою) и сношеніяхъ ихъ съ самоѣдами, остяками и вогуличами, пишетъ „былъ у нихъ другъ, пользовавшійся при дворѣ большимъ фаворомъ, звали его Борисъ Годуновъ“. Обратились они къ нему за содѣйствіемъ по развѣдкѣ богатствъ тѣхъ странъ. Борисъ, воспламенившись разказами Строгановскихъ посланцевъ о неизчерпаемыхъ источникахъ пушнины, доложилъ о томъ Государю, результатомъ чего было посольство „нѣсколькихъ придворныхъ и съ ними нѣсколько бѣдныхъ благородныхъ людей (дѣти боярскія?), къ которымъ благоволилъ (Борисъ?) и приказалъ имъ отправляться вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ присоединять имъ Строгановы. Къ нимъ онъ присоединилъ еще нѣсколько военныхъ людей (атаманъ Иванъ Петровъ, Ялышевъ и др.?) и снабдилъ ихъ вещами изъ мелочи для подарковъ туземцамъ, наказывая строго замѣчать всѣ дороги, рѣки, лѣса и мѣста, которыя встрѣтятся имъ по пути и спрашивать объ ихъ названіяхъ. Съ жителями онъ приказалъ имъ обходиться мягко, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впоследствии можно было бы построить укрѣпленія. Обовсемъ этомъ по возвращеніи въ Москву дать отчетъ. Такимъ образомъ, хорошо снабженные платьемъ, деньгами, оружіемъ и подарками, они отправились изъ Москвы въ Вычегду, гдѣ Строгановы (Аписопу) также снарядили народъ для отправления. Съ ними отправилось много молодыхъ людей и друзей“ ¹⁾ и т. д.

Выдающаяся роль „именитыхъ людей“ *Строгановыхъ* въ исторіи начальныхъ нашихъ сношеній съ зауральемъ и самомъ его покореніи не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ много уже было писано во всѣхъ исторіяхъ Сибири и Камско-Уральскаго края, а потому, не распространяясь здѣсь далѣе о роли Строгановыхъ, скажемъ только, что облеченные отъ царей властью обратить всѣ эти обширныя, хотя и малолюдныя

¹⁾ И. Т. Ж. Н. О. Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка.

страны чуть не въ свою вотчину ¹⁾, Строгановы распоряжались здѣсь полновластно: строили городки и острожки, селили крестьянъ, нанимали къ себѣ въ службу для охраны своего достоянія отъ мѣстныхъ и сибирскихъ инородцевъ, разнаго званія служилыхъ людей и казаковъ. Еще въ 1572 году царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ о истребленіи инородцами 87 нашихъ торговыхъ людей и ватажчиковъ, писалъ Строгановымъ: „А вы бы жили съ великимъ береженіемъ, выбрали „у себя голову добраго да съ нимъ *охочихъ казаковъ*, сколько „приберется, со всякимъ оружіемъ, ручницами и саадаками; „велѣли бы прибрать также остяковъ и вогуличей, которые „намъ прямятъ, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли-бы жить въ „острогѣ. Этыхъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, *казаками*, Остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и „воевать нашихъ измѣнниковъ—Черемису, Вотяковъ, Остяковъ, „Ногаевъ, которые намъ измѣнили ²⁾“. Имѣя торговья связи повсюду и содержа агентовъ какъ во внутреннихъ, такъ и въ окраинныхъ городахъ Московскаго государства, Строгановы, конечно, старались воспользоваться предоставленными имъ правами гдѣ и какъ только могли. Вольница и „гулящіе люди“ призывались къ нимъ на службу повсюду. Естественно, что въ охотникахъ откликнуться на такой призывъ недостатка не было и ряды строгановскихъ вольно-служилыхъ людей пополнялись безостановочно. Особенно обильнымъ запасомъ или источникомъ для поставки такого рода добровольцевъ служилъ ближайшій къ мѣсту призыва центръ тогдашней Камско-Волжской вольницы, въ пространствѣ между знаменитою въ исторіи русскаго разбойничества Самарскою лукою и устьемъ Камы. Хотя здѣсь въ то время совсѣмъ еще не было русскихъ поселеній ³⁾, но средствъ для поддержанія всякаго рода „воровскихъ“ промысловъ было изобиліе, такъ какъ близость къ изстари богатой Казани и отчасти къ Нижнему, служившимъ центромъ торговли всей Восточной Россіи, всегда привлекала въ тѣ мѣста, если не на постоянное жительство, то хотя

¹⁾ См. особенно: „Лѣтопись Сибирская“, такъ наз. Строгановская, изд. Спасскаго — 1821 г. и доп. къ „Акт. Историческ.“ изд. Археогр. комиссіи т. I-й и „Кунгурскую Лѣтопись“ Ремезова.

²⁾ Доп. къ Акт. Историч.—т. I.

³⁾ Самара построена въ 1586 году въ предупрежденіе дальнѣйшаго казачкаго „воровства“ при Самарской лукѣ.

проѣздомъ всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ людей, какъ русскихъ, такъ и азіятцевъ. Здѣсь съ низовьевъ Волги и Каспія провозились Персидскіе, Ордобазарскіе и Астраханскіе восточные товары; здѣсь проѣзжали царскіе послы съ караванами подарковъ изъ Москвы и обратно; здѣсь проходила давнишняя Ногайская дорога съ бродомъ черезъ Волгу, гдѣ провозились татарско-сибирскіе товары изъ за Уральскаго хребта и Уфимскаго края; здѣсь-же съ Камы провозились и Строгановскіе товары. Строгановы въ Казани, по новѣйшимъ изысканіямъ, имѣли даже собственные торговые склады и дома, а слѣдовательно и торговыхъ агентовъ ¹⁾. Черезъ этихъ-же агентовъ, конечно, всегда поддерживалась и связь именитыхъ при-Камскихъ богачей съ помянутою нужною и въ тоже время опасною вольницею. Строгановымъ волей и неволей приходилось съ одной стороны за добривать волжско-камскихъ удалцовъ, а съ другой, въ собственныхъ выгодахъ, искать для нихъ, не рискуя собственнымъ товаромъ, вольнаго и неособенно преступнаго заработка. Благо „воровскія“ похождения этихъ удалцовъ, обративъ на себя вниманіе Московскаго правительства, грозили уже разразиться воеводскимъ погромомъ. Служба въ при-Камскихъ городкахъ и острожкахъ и отдача на разграбленіе вольницѣ повинныхъ передъ Московскимъ царемъ (какъ сказано выше), Ногаевъ, Черемисъ, Вотяковъ, Остяковъ и пр. и являлись въ такихъ обстоятельствахъ тѣмъ желаннымъ исходомъ, къ которому, быть можетъ, невольно стремились обѣ стороны. Можетъ быть постепенно и частями, а можетъ быть и разомъ въ составѣ 540 удалцовъ (какъ говорятъ лѣтописи) въ 1579 году появилась Волжская вольница на Камѣ и Бѣлой въ районѣ господства Строгановыхъ. Въ числѣ главнѣйшихъ атамановъ снявшагося изъ подъ Самарской луки и Ногайскаго брода казацкаго сброда, лѣтописи называютъ Ермака Тимофеева, Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвѣя Мещеряка. Память о подвигахъ ихъ и особенно первыхъ двухъ, на насиженныхъ ими разбойничьихъ мѣстахъ еще долго жила въ мѣстныхъ преданіяхъ и даже увѣковѣчена названіемъ двухъ изъ деревень, расположенныхъ по р. Усѣ, пересѣкающей Самарскую луку

¹⁾ Н. Д. Чечулинъ. „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. Спб. 1889 года.

въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ — „Ермаковкою“ и „Кольцовкою¹⁾“.

Два съ лишкомъ года пробыли „Волжскіе казаки“ у Строганова на „службѣ“ въ при-Уральскомъ краѣ. Не знаемъ въ подробностяхъ въ чемъ заключалась эта служба. Судя-же по тѣмъ немногимъ и сбивчивымъ даннымъ, которые дошли до насъ, есть основаніе предполагать, что она мало чѣмъ отличалась отъ той „службы въ полѣ“, какую эти казаки несли и подѣ Самарской лукой²⁾. По Строгановской лѣтописи „Семень и Максимъ и Никита Строгановы приняша ихъ (казакъ) съ честью и даяху имъ дары многи и брашны и питіе изобильно ихъ наслаждаху. Атаманы-же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянь (т. е. Чусовскихъ и при-Уральскихъ иногородцевъ) буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкѣхъ (т. е. съ строгановскими наемными служилыми людьми и „охочими казаками“) и бѣяхуся съ безбожными Агаряны сурово и не милостиво и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся: пожиста-же они атаманы и казаки въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два“. По Тобольской или Кунгурской Ремезовской лѣтописи—пришедшіе съ Волги казаки также пробыли въ при-Камскомъ краѣ два лѣта и двѣ зимы, при чемъ идучи по Сыльвѣ — „у жителей обирали хлѣбы и запасы и тутъ (у Ермакова городища) зимовали и по за-Камени Вогуличъ воевали и обогатѣли. А хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“. Вторую зиму зимовали „на Бую городищѣ“—и кормилися Вогуличами птицею, рыбою и звѣремъ, якожь и они и многіе бо и улусы ихъ погромили и рухледи (т. е. пушнины) много взяли и многіе суды легкіе вновь dospѣли довольно“.

Въ переводѣ на современный намъ языкъ и понятія, эти лѣтописныя извѣстія, мнѣ кажется, означаютъ, что казаки, пользуясь своей численностью, подѣ видомъ „службы“ Строгановымъ, два года вольничали и грабили въ при-Камскомъ краѣ, какъ только могли. Быть можетъ этимъ-же безобразіямъ обязаны были Чусовскіе городки и поселенія Строгановыхъ. приходомъ сильной партіи Вогуличей и Остяковъ (въ 1581 г.)

¹⁾ Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI ст. Одесса, 1882 г.

²⁾ По словамъ одного изъ сподвижниковъ Ермака, выраженнымъ въ просьбѣ къ Царю въ 1623 году, онъ „служилъ Государю на полѣ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ и съ пшыми атаманы“.

подъ начальствомъ Мурзы Бегбелія Атикова, произведшей въ при-Камскомъ краѣ значительныя опустошенія, хотя и отбитой тогда-же казаками въ 22-й день іюля ¹⁾, и въ 1582 году Пелымскаго князя съ окрестными инородцами. По крайней мѣрѣ во второй грозной грамотѣ Ивана IV къ Максиму и Никитѣ Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 года по этому поводу мы читаемъ: „Это случилось по вашей измѣнѣ: въ Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ *задирали*, войною на нихъ приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ сибирскимъ салтаномъ; потомъ призвали къ себѣ *волжскихъ* атамановъ, воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа, а эти атаманы и казаки и прежде ссорили насъ съ Ногайскою ордою, пословъ Ногайскихъ на Волгѣ на перевозахъ побивали, ордобазарцевъ грабили и побивали и нашимъ людямъ много грабежей и убитковъ чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что нашу Пермскую землю оберегать; а они вмѣстѣ съ вами сдѣлали точно такъ же какъ на Волгѣ“ и далѣе „Мы послали въ Пермь воина Оничкова, велѣли ему этихъ казаковъ Ермака съ товарищи взять и отвести въ Пермь и въ Камское Усолъе, тутъ велѣли имъ стоять, *раздѣлясь* и зимою на нартахъ ходить на Пелымскаго князя вмѣстѣ съ пермичами и вятчанами“ ... ²⁾).

Но казаковъ этотъ указъ, какъ извѣстно, уже не засталъ въ при-Камскомъ краѣ; они въ это время и безъ царскаго указа, разграбивъ Вогуличей и Вотяковъ съ Пелымцами стояли уже за Уральскимъ хребтомъ на Турѣ, въ Чингидинѣ городкѣ, что теперь городъ Тюмень ³⁾).

¹⁾ См. Грамоту *Іоанна I* къ Никитѣ Строганову отъ 6-го ноября 1581 г.—Мил. Сиб. Ист. 144.

²⁾ Дополненіе къ актамъ историческимъ, т. I-й ст. 128.

³⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи событій по завоеванію Сибирскаго ханства мы держимся не сбивчивыхъ и противорѣчащихъ одно другому лѣтописныхъ сказаній, а официальныхъ даныхъ утверждающихъ, что отплытіе Ермака съ дружиною въ Сибирь совершилось согласно опальной грамоты отъ 16 ноября 1582 г. не въ 1581 году, какъ полагали историки Соловьевъ, Майковъ и др., а въ 1582 году, какъ то полагаетъ Костомаровъ и занятіе столицы этого ханства состоялось не въ тотъ-же годъ, въ который Ермакъ выступилъ въ Сибирь, а въ слѣдующій, какъ то думаютъ историки Иловайскій и Буцинскій. Исторіографъ нашъ Карамзинъ, какъ извѣстно, колебался въ датахъ того и другого событія и потому въ своей Исторіи Государства Россійскаго приводитъ параллельно какъ тѣ, такъ и другія даты. Миллеръ слѣдуетъ большею частью Тобольскому лѣтописцу Ре-

Сибирскій походъ волжскихъ казаковъ, какъ и всякое, выходящее изъ ряда обычныхъ рамокъ, дѣло, облеченъ массою разнаго рода сказокъ и небылицъ, въ которыхъ весьма трудно распутаться: что ни исторія—то и несогласица, что ни историкъ—то и особое мнѣніе.

Кто такой былъ Ермакъ? Этотъ вопросъ задавали и задаютъ себѣ всѣ, кто только не интересовался этой легендарною личностью и никто, за неимѣніемъ достаточныхъ для того фактическихъ данныхъ, не можетъ разрѣшить съ увѣренностью, что онъ правъ. Одни называютъ его донскимъ казакомъ и даже, какъ напримѣръ, Броневскій, историкъ этого войска, указываетъ *Канальническую* станицу, какъ мѣсто его рожденія; другіе, какъ Костомаровъ, считаютъ его „служилымъ“ казакомъ восточныхъ окраинъ, хотя въ то-же самое время добавляетъ, что имя его находится въ спискахъ атамановъ, находившихся подъ Могилевымъ на Днѣпрѣ, какъ разъ въ годъ, когда Ермакъ по лѣтописнымъ сказаніямъ выступилъ уже въ Сибирь. Третьи, основываясь на грамотѣ царя Ивана Васильевича къ Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 года и Строгановской лѣтописи, называютъ его Волжскимъ казакомъ. Мы, въ виду всего сказаннаго выше о разбояхъ ермаковскихъ удалцовъ на Ногайскомъ перевозѣ и подъ Самарскою лукою, склонны къ послѣднему предположенію, хотя не можемъ въ то-же время не замѣтить, что названіе Ермака „Волжскимъ“ казакомъ еще не есть опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о его происхожденіи. Волжскимъ казакомъ могъ быть всякій „гулящій“ человекъ и съ Волги, и съ Камы, и съ Суры, и съ Свіаги и проч. и проч.... Есть впрочемъ сказаніе ¹⁾, что дѣдъ Ермака былъ посадскій человекъ города Суздаля, переѣхавшій впоследствии во Владиміръ, гдѣ и пропитывался съ своими дѣтьми сначала извозомъ, а потомъ доставкою въ нужныя мѣста разбойниковъ Муромскихъ лѣсовъ, гдѣ и попался властямъ, засадившимъ его въ

мезову, который будучи вообще весьма послѣдовательнымъ и плодovitымъ въ изложеніи событій покоренія Сибири, тѣмъ не менѣе допускаетъ, можно сказать, самыя невѣроятныя ошибки въ датахъ *годовъ* или иного частнаго событія. Замѣчательно однако-же, что *числа* и *мѣсяцы* каждаго изъ болѣе выдающихся событій завоеванія Сибири, при всемъ несогласіи лѣтописей и грамотъ царскихъ въ годахъ, поразительно сходятся.

¹⁾ Лѣтопись Тобольскаго ямщика *Черепанова*, хранящаяся въ Академіи Наукъ.

тюрьму. Бѣжавши изъ тюрьмы онъ поселился въ Юрьевцѣ Повольскомъ гдѣ и умеръ. Дѣти его переѣхали для промысловъ на столь извѣстную въ исторіи при-Камскаго края и будущихъ подвиговъ Ермака, рѣку *Чусовую*, получивъ прозвище Повольскихъ. Отъ одного изъ нихъ Тимофея и родился будущій покоритель ханства Сибирскаго, названный въ помянутомъ сказаніи Васильемъ по прозванью *Ермакъ*, что будто бы на языкѣ Волжской вольницы означало артельный котель, ибо сначала Ермакъ исправлялъ должность разбойничьяго кашевара. Оставляя пока въ сторонѣ послѣднюю добавку о „котлѣ“, замѣтимъ, что если Чусовское происхождение Ермакаспраседливо, то тогда тѣмъ болѣе становится понятнымъ приходъ Ермака съ своею вольницею съ Волги именно на Каму и Чусовую свою родину, послѣ того какъ ему на первой стало угрожать правительственное преслѣдованіе и плаха; понятны и сношенія съ Строгановыми и походъ въ Сибирь именно по Чусовой. Эти мѣста ему были хорошо знакомы; здѣсь онъ былъ свой человѣкъ¹⁾.

Что касается имени Ермака, то въ настоящее время кажется уже не подлежатъ сомнѣнію, что слово это не обозначаетъ какого-либо прозвища въ родѣ артельнаго „котла“ или жерноваго камня и азійской монеты, а есть христіанское имя Ермилъ, Ермолай или Германъ, переименованное въ обыденной рѣчи, въ родѣ того какъ въ настоящее время Дмитрій зовется—Митькой, Федоръ—Федькой, Георгій—Егоромъ, или Юрьемъ и т. п. И въ старину христіанскія имена на Руси часто, даже болѣе часто, чѣмъ теперь, переименовывались на русскій ладъ, напримѣръ Ивашко (Иванъ, Іоаннъ), Якушко (Яковъ, Іаковъ), Матюшко (Матвѣй, Матфій), Куземка (Кузьма, Косьма), Нечай, Сарычъ, Дружина, Гроза, Баженка и т. д. и т. д. Не рѣдко такіа переименованныя христіанскія имена получали характеръ, прозвищъ, замѣнявшихъ фамиліи (которыя, кстати сказать; въ то время не многіе и имѣли). Просматривая всѣ старинныя грамоты и акты, приходится весьма часто встрѣчаться съ случаями, когда имя какого-либо лица, приводимое въ началѣ акта вмѣстѣ съ величаніемъ и фамиліею, въ послѣдующемъ изложеніи берется уже только одно, совершенно замѣняя фамилію. Напримѣръ Сарычъ Шеста-

¹⁾ См. *Небольсинъ*.—Покореніе Сибири, 1849 г.

ковъ, обращается просто въ Сарыча; Дружина Ивановъ просто въ Дружину; Нечай Собольщиковъ просто въ Нечая и проч. Къ числу такихъ же переименованныхъ именъ, замѣнившихъ фамилію, принадлежало несомнѣнно и Ермакъ. По мнѣнію Карамзина ¹⁾ Ермакъ значитъ Германъ. Профессоръ Никитскій и Е. Кузнецовъ производятъ его отъ Ермолай (Ермошка, Ермачко, Ермачекъ ²⁾, Буцинскій ³⁾ отъ Ермилъ. Послѣдній между прочимъ пишетъ: „Съ этимъ именемъ намъ не разъ приходилось встрѣчаться, когда мы въ „Сибирскомъ приказѣ“ (Архивъ Минист. Юстиціи въ Москвѣ), прочитывали такъ называемые „именные списки“ разнаго чина сибирскихъ людей. Изъ этихъ списковъ оказывается, что имя Ермакъ носилъ не одинъ побѣдитель Кучума, а многіе казаки, посадскіе люди и крестьяне, даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича... два казака были ему тезками; одинъ остяцкій князь, принявшій при крещеніи имя Ермила, также назывался Ермакомъ“... и далѣе: „имя это варьируется на разные лады: Ермакъ, Ермачекъ, Ермачко и Ермачишко“. Еще далѣе тотъ же авторъ пишетъ: „Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что имя Ермакъ нельзя производить отъ имени Ермолая: въ спискахъ казаковъ и крестьянъ это имя встрѣчается или въ своемъ настоящемъ видѣ, или въ испорченномъ „Ермошка“ и „Ермолка“. Въ Сибири есть деревня „Ермилкина“; туринскій татаринъ, принявшій христіанство и получившій при крещеніи имя Ермолай, такъ и писался Ермолаевъ, а юрты его при рѣкѣ Ницѣ назывались „Ермолаевыми“. Но имени Ермилъ мы ни разу не встрѣчали въ спискахъ сибирскихъ обывателей, хотя намъ пришлось просмотрѣть болѣе сотни именныхъ списковъ казаковъ, посадскихъ людей и крестьянъ; не встрѣчали, очевидно, потому что оно всегда замѣнялось „Ермакомъ и Ермачкомъ“ и т. п. Поэтому въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ покорителю Сибирскаго царства, онъ совершенно вѣрно называется Ерми-

¹⁾ Пущило. Къ вопросу кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ. Русск. Вѣстн. 1881 г. Ноябрь. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. IX.

²⁾ Никитскій. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1882 г. Май. Е. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Tob. Губ. Вѣдом. 1890 г.

³⁾ Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ, 1889 г.

ломъ: „Атаманомъ быть Ермилу Тимофеичу“ читаемъ въ одной пѣснѣ; или въ другой—„говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимофеевичъ: ужъ вы слушайте братцы послушайте, дайте мнѣ Ермилу думушку придумати“ и т. д. (См. „Пѣсни“ собр. Кирѣевскимъ. Вып. 6-й стр. 25, 28, 36 и 37).

Исходя изъ всего вышеизложеннаго и принимая имя Ермакъ за христіанское Ермилъ, Ермолай или Германъ, для насъ станетъ совершенно понятно почему по историческимъ даннымъ и сказаніямъ въ одинъ и тотъ-же 1581 годъ на Руси случились разомъ три Ермака: одинъ на Дону въ составѣ тамошнихъ атамановъ (отъ 1581 по 1584 годъ); другой Костомаровскій въ Могилевѣ на Днѣпрѣ (Іюль 1581 г.) и третій историческій Ермакъ на Чусовой и въ Уральскихъ горахъ (Сентябрь 1581 г.). Г. Иловайскій въ своей статьѣ „Ермакъ и покореніе Сибири“ (Русск. Вѣстн. 1889 г. № 9-й) между прочимъ пишетъ: „Въ Новочеркасскѣ рѣшено воздвигнуть памятникъ Ермаку, какъ донскому казаку и покорителю Сибири... Въ виду этого предпріятія пользуюсь случаемъ указать на то обстоятельство, что историческій Ермакъ является волжскимъ, а не донскимъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ-же пишетъ: „нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермакъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству, скорѣе это былъ уроженецъ сѣверо-восточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣвѣрною природою, своею предпріимчивостью, опытностью и удалью вполне воскресившій древняго Новгородскаго повольника“.

Разобравшись такимъ образомъ, насколько то возможно при имѣющихся скудныхъ данныхъ, въ вопросѣ о томъ, кто былъ Ермакъ и какъ его слѣдуетъ звать по христіански, интересно задать вопросъ: въ какомъ свѣтѣ вырисовывается при настоящихъ данныхъ его личность, какъ историческаго дѣятеля? Былъ-ли онъ по имѣющимся даннымъ, дѣйствительно герой, ознаменовавшій себя подвигомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ, или-же это былъ обыкновенный авантюристъ, случайно попавшій въ исторію?

И на эти вопросы, къ сожалѣнію, за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, мы до сихъ поръ не можемъ дать ясно опредѣленнаго отвѣта. И здѣсь существуетъ масса всевозможныхъ и противорѣчащихъ одно другому мнѣній, въ которыхъ

крайне трудно ориентироваться. Одни, исходя из части главъ Тобольской (Кунгурской) Ремезовской лѣтописи, готовы видѣть въ немъ чуть не полубога, сопутствуемаго сонмомъ ангеловъ блюдушихъ его во всѣхъ путѣхъ его и отстраняющихъ отъ избранника Божія „тучи“ стрѣлъ, пускаемыхъ въ казаковъ „нечестивыми агарянами“; даже могила его, по сказанію вѣрующихъ поклонниковъ героя, долго издавала отъ себя по ночамъ чудный свѣтъ, а приходящіе къ ней въ спасительномъ страхѣ инородцы получали исцѣленіе отъ многихъ недуговъ. Другіе, слѣдя Строгановской лѣтописи, готовы видѣть въ немъ просто наемника Строгановыхъ и слѣпого исполнителя ихъ велѣній. Третьи, какъ Небольсинъ, ссылаясь на Савву Есипова, видятъ въ немъ разбойника, надѣленнаго государственнымъ умомъ и дѣйствовавшаго вездѣ и всегда по личному почину и за свой личный страхъ.

Не претендуя, въ свою очередь, сказать по этому вопросу что либо неопровержимо вѣрное, мы думаемъ, что истина въ этомъ, какъ то часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ, лежитъ въ серединѣ. Ермакъ, судя по тому, что высказано нами выше и что еще болѣе подробно будетъ сказано ниже о его походѣ въ Сибирь, былъ несомнѣнно человѣкъ выдающагося ума и характера; человѣкъ, если можно такъ выразиться, съ государственнымъ складомъ ума, хотя въ то же время не болѣе какъ разбойникъ и разбойникъ при томъ со всѣми несимпатичными особенностями человѣка этого ремесла. Поведеніе его на Волгѣ и затѣмъ „на службѣ“ у Строгановыхъ мы уже знаемъ; таковымъ-же онъ остался и „на службѣ“ за Ураломъ въ Сибири. Видъ рыцаря безъ страха и упрека, каковымъ стараются выставить Ермака многіе, особенно изъ старыхъ нашихъ историковъ, совсѣмъ ему не къ лицу. „Обѣтъ доблести и цѣломудрія“ будто-бы наложенный имъ на себя съ дружиною при выступленіи въ Сибирь, равно какъ и клятву „честнымъ людямъ“ Строгановымъ— „идти съ миромъ очистить землю сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума“, дабы тѣмъ самымъ „свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною и промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблестныхъ воиновъ отечества“¹⁾, какъ то краснорѣчиво повѣствуетъ между прочимъ и знаменитый

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. IX. Спб. 1852 г.

исторіографъ нашъ Карамзинъ, хотя-бы то и на основаніи нѣкоторыхъ изъ лѣтописныхъ данныхъ, слѣдуетъ признать несомнѣнно не болѣе какъ красивыми фразами, неимѣющими никакой исторической достовѣрности. Нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы допустить мысль, что издавна извѣстный своимъ беззащѣтчивымъ удалствомъ разбойничій атаманъ Ермакъ вдругъ по какому-то волшебству обратился въ доблестнаго рыцаря безъ страха и упрека. Такія чудныя обращенія возможны только въ сказкахъ и поэтическихъ мечтаніяхъ, а не въ дѣйствительной жизни.

Смотря на дѣло проще, можно допустить развѣ только соглашеніе волжскихъ удалцовъ съ Строгановыми относительно захвата за-Уральско-Сибирской страны общими силами, захвата, конечно, не въ высоко-государственныхъ цѣляхъ и не въ видахъ царскаго прощенія, въ которомъ Ермакъ, забравшись въ недосыгаемая для царскихъ войскъ при-Уральскія дебри, совсѣмъ не нуждался, а для собственныхъ выгодъ той и другой изъ согласившихся сторонъ. Конечно, Ермакъ и его сподвижники не прочь были въ своихъ походахъ прикрыться знаменемъ царскихъ слугъ, прикрыться съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что, какъ мы знаемъ, Строгановымъ царскимъ указомъ разрѣшено было какъ набирать къ себѣ въ службу „вольныхъ казаковъ“, такъ и подводить при посредствѣ ихъ, окрестныхъ инородцевъ подъ русскую власть. Личныя и несомнѣнно вполне себялюбивыя цѣли казаковъ и ихъ главы въ данномъ случаѣ вполне сходились съ государственными и потому несомнѣнно, что забирая и обирая то тѣхъ, то другихъ изъ сибирскихъ и при-уральскихъ инородцевъ, Ермакъ съ неподдѣльной гордостью могъ думать и говорить, что онъ дѣлаетъ дѣло по меньшей мѣрѣ не противное царскимъ видамъ и чѣмъ дальше онъ шелъ въ глубь страны, чѣмъ больше покорялъ и облагалъ инородцевъ ясакомъ, тѣмъ больше укоренялся въ этой мысли; несомнѣнно, что Ермакъ къ концу похода былъ уже далеко не тотъ Ермакъ, котораго мы знали на Волгѣ и даже въ при-Уральскомъ краѣ. Тѣми же глазами людей, покоряемыхъ невольными разбойниками, а царскими слугами, смотрѣли на Ермака и его сподвижниковъ и сами инородцы съ ихъ властителемъ Кучумомъ. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного случая гдѣ бы Кучумъ печаловался передъ Московскимъ царемъ на подвиги

ермаковцевъ, подобно тому, какъ сосѣди его ногайцы неоднократно жаловались въ Москву на самовольныя походы донскихъ и яицкихъ казаковъ на Волгѣ, Уралѣ и въ степяхъ¹⁾). Сознаніе совпаденія въ данномъ случаѣ личныхъ желаній вольницы съ пользами государства и было той мощной силой, которая поддерживала Ермака съ его дружиною во всѣхъ трудныхъ случаяхъ дѣйствительно замѣчательнаго ихъ похода въ Сибирь.

Судя по лѣтописнымъ сказаніямъ, за-Уральско-Сибирская экспедиція Ермака обставлена была весьма предусмотрительно, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ чисто военномъ отношеніяхъ, и по части продовольствія, и по части оружія. Даже въ военно-административномъ отношеніи сподвижники Ермака были подѣлены, если вѣрить лѣтописцамъ, на сотни или атаманства во главѣ съ атаманами, при особыхъ знаменахъ, полусотни съ пятидесятниками и десятки съ десятниками. Численность отряда при переходѣ за Уралъ, повидимому, не превышала 800 человекъ, въ числѣ которыхъ до 500 человекъ были волжскіе пришельцы, а 300 человекъ Строгановскіе служилые люди: разныхъ наименованій казаки, бѣглые литовцы, плѣнные нѣмцы и прочій призывной или приборный сбродъ при-Камскихъ именитыхъ людей²⁾). Нечего говорить о томъ, что какъ самъ Ермакъ, такъ и всѣ его сподвижники были пѣшіе, а не конные. Передвиженіе совершалось на стругахъ или лодкахъ, которыхъ, полагая примѣрно по 15—20 человекъ на стругъ, понадобилось до 60-ти штукъ. На нихъ же везся и весь воинскій и продовольственный запасъ оружія, доспѣховъ, свинца, зелья, хлѣба, соли и проч. Вооруженіе было несомнѣнно смѣшанное, кому что Богъ послалъ, кто что промыслилъ; и огнестрѣльное и холодное, пищали, копья, топоры, саадаки. Большимъ заблужденіемъ будетъ, основываясь на наивныхъ завѣреніяхъ лѣтописцевъ, предполагать,

¹⁾ См. ист. Нарамзинъ, примѣч. 633: „Приходили государевы казаки сего лѣта (1580—1581 г.) и Сарайчикъ (на р. Уралѣ близъ ея устья) воевали и сожгли, не токмо что людей живыхъ сѣкли и мертвыхъ изъ земли вынимали и гроба ихъ разоряли“. Дѣла Ногайскія 1581 г.

²⁾ На мнѣніи сибирскаго исторіографа Миллера о томъ, что начальная численность дружины Ермака доходила до 6000 и болѣе человекъ, мы не останавливаемся, въ виду ея очевидной несообразности для похода въ пустынь, каковую представляла собою тогдашняя Сибирь. Такой отрядъ, не говоря о крайней его неповоротливости, можно сказать, самъ-бы себя съблъ.

что Ермакъ и его сподвижники являлись въ Сибирь какъ нѣчто необычайное, наводившее на мѣстныхъ дикарей не только панической, но и суевѣрный страхъ. Разказами о русскомъ оружїи какъ дарѣ боговъ поражающемъ „огнемъ и громомъ смертоноснымъ безъ видимыхъ стрѣлъ“—могли конечно наводить религиозный страхъ только на женщинъ, ничего не видавшихъ и не слыхавшихъ, или лучше сказать не хотѣвшихъ слышать объ этомъ оружїи. Большинство-же при-Обскаго и при-Уральскаго населенїя несомнѣнно если само не видѣло и не испытало его, то знало объ немъ по слухамъ.

Не говоря о мелкихъ случаяхъ заноса и завоза ружей съ Руси, нужно не забывать, что огнестрѣльнымъ оружіемъ были вооружены всѣ при-Камскїе и Чусовскїе городки и острожки Строгановыхъ; городки эти не разъ осаждались и зорились не только ногайцами и сибирскими татарами, но и тамошними вогуличами, пелымцами и проч.; не мало, конечно, захвачено было этого оружїя сибирцами съ собою и съ плѣнными. По разсказамъ тѣхъ-же лѣтописцевъ, въ одинъ изъ татарскихъ набѣговъ на Строгановскїе острожки въ числѣ прочаго оружїя захваченнаго въ качествѣ трофеевъ, было увезено нѣсколько пушекъ и пицалей, говорятъ, даже дѣйствовавшихъ противъ Ермака во время приступовъ его подъ Чуваши. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что боевыя качества тогдашняго ружья почти ничѣмъ не превосходили стрѣльбы изъ лука, ибо возни съ ружьемъ при заряданїи и самой стрѣльбѣ было несравненно больше, чѣмъ съ колчаномъ и стрѣлами; лукомъ можно было дѣйствовать всегда, а фитильное ружье въ ненастную погоду почти не дѣйствовало; дальность полета пули едва-ли превосходила дальность боя стрѣлою; неговоря уже о вѣроятности попаданїя...

Запасы продовольствїя взятаго въ путь, по всей вѣроятности, были не велики, такъ какъ несомнѣнно дружина Ермака добывала себѣ пропитанїе главнымъ образомъ охотою, рыбною ловлею и тѣмъ, что на военномъ языкѣ нынѣ называется реквизиціей, а по тогдашнему—грабежемъ.

Переваливши за Уральъ осенью 1582 года, ермаковцы сѣли въ переташенные съ собою-же волокомъ изъ Чусовой струги и поплыли внизъ по Тагилу и Турѣ и дойдя безъ особаго сопротивленїя со стороны „не вопстыхъ“ прибрежныхъ инородцевъ до стариннаго татарскаго городка Чингидина (нынѣ

г. Тюмень), зазимовали „яко видя множество бусурманскаго языка по Турѣ и не смѣяша плыть до Тобольска“¹⁾.

Весною 1583 г., со вскрытіемъ рѣкъ, лишившись за зиму многихъ изъ своихъ сподвижниковъ отъ столкновенія съ мѣстными инородцами, цинги и поносовъ, Ермакъ съ дружиною „поплыль внизъ по Турѣ со всякимъ искусомъ не постѣшно“. Найдя (по видимому противъ ожиданія) берега Туры довольно густо населенными, казаки шли съ опаскою, безъ особаго задиранія инородцевъ. По словамъ лѣтописей, Ермакъ даже сдѣлалъ попытку привлеченія на свою сторону мѣстныхъ жителей и самихъ правителей страны, путемъ, такъ сказать, дипломатическихъ переговоровъ и задариванія; присланный въ Чингидинъ и Тарханскій городокъ, еще не знавшимъ о приходѣ русскихъ Кучумомъ сборщикъ податей, былъ принятъ Ермакомъ чрезвычайно предупредительно и, одаренный подарками для болѣе вліятельныхъ мурзъ и женъ Кучума, отпущенъ во-свояси съ миромъ и завѣреніями, что русскіе скоро возвратятся за Уралъ въ свои предѣлы.

Однако-же движеніе внизъ по Турѣ, хотя и медленное, не могло не взволновать какъ мѣстныхъ, проживающихъ по пути слѣдованія казаковъ, татаръ, такъ и самого Кучума. Чѣмъ дальше въ страну подвигался Ермакъ, тѣмъ больше и больше разгоралось волненіе и желаніе жителей преградить дальнѣйшій путь русскимъ. Первое довольно серьезное столкновеніе ермаковцевъ съ татарами произошло въ устьѣ Туры при впаденіи ея въ Тоболь. Здѣсь Ермака ожидали шесть мѣстныхъ князьковъ съ подвластными имъ родами. Нѣсколько дней пытались они остановить казаковъ силою, но тѣ, прогнавши скопища князьковъ, захватили на свои струги часть ихъ болѣе цѣннаго имущества и въ первой половинѣ іюня вошли въ Тоболь. И здѣсь, сопровождаемые береговыми татарами и другими инородцами, которые „яко птицы изъ гнѣздъ своихъ стрекосе“ — казаки, отстрѣливаясь отъ ордынцевъ, слѣдовали шагъ за шагомъ съ крайней осторожностью. Нѣ-

¹⁾ Ремезовская Лѣтопись, ст. 15. По другому преданію, едва-ли не болѣе вѣрному, Ермакъ зимовалъ не близъ Чингидина, а значительно выше на Тагилѣ въ 128 верстахъ отъ его впаденія въ Туру, въ мѣстѣ, гдѣ водруженъ и теперь еще стоитъ каменный столбъ съ надписью: „Здѣсь по преданію зимовалъ Ермакъ съ дружиною въ 1582 году, по переходѣ черезъ Уралъ“.

сколько десятковъ верстъ отъ устья Туры до Караульнаго яра, на Тоболѣ были пройдены ими въ 21 день ¹⁾. Близъ Караульнаго яра, въ узкомъ мѣстѣ Тобола, кучумляне устроили сильную запруду въ рѣкѣ, надѣясь задержать русскихъ; но послѣдніе, послѣ ожесточенной трехдневной битвы подъ прикрытіемъ таловыхъ кустовъ, прорвались черезъ запруду и двинулись далѣе.

Постоянное преслѣдованіе, безпокойство и бой съ татарами, однако-же настолько утомили и истощили казаковъ, что когда они черезъ нѣсколько дней прибыли къ устью рѣки Тавды, то невольно остановились тутъ въ раздумьи: плыть-ли имъ далѣе, или повернувши въ эту рѣку, плыть ею назадъ (старымъ посольскимъ путемъ) въ Лозву и черезъ „камень“ опять на Каму въ Чердынъ и Соликамсь къ Строгановымъ? Простоявъ здѣсь цѣлую недѣлю, казаки, однако-же, послѣ многократныхъ совѣщаній, порѣшили плыть далѣе внизъ по Тоболу ²⁾. Но далѣе препятствій и сопротивленія, какъ со стороны мѣстныхъ прибрежныхъ жителей, такъ и самого владѣльца страны Кучума, встрѣтилось еще болѣе чѣмъ до сихъ поръ. Встревоженный настойчивостью слѣдованія казаковъ внутрь страны, вопреки начальнымъ завѣреніямъ о немедленномъ возвратѣ на русь, Кучумъ, до собственнаго главнаго кишлака, котораго при устьѣ Тобола оставалось уже всего около 60-ти верстъ, стаянулъ для защиты своихъ угрожаемыхъ „животовъ“ всѣ способныя къ вооруженному сопротивленію силы своего, хотя и довольно обширнаго, но рѣдко заселеннаго „царства“. Были тутъ и остяки, и вогуличи, и кондинцы, и целымцы; но главный центръ всего составляли, конечно, татары одноплеменники Кучума, которыми, собственно и держалось его эфемерное „царство“ безъ опредѣленныхъ границъ и строга обусловленныхъ отношеній подданства. Будучи (по преданію) одержимъ недугомъ глазъ, или слѣпотою, Кучумъ поручилъ главенство надъ своими скопищами своему племяннику (по другимъ сыну) Маметкулу. Едва-ли мы преувеличимъ, сказавши, что численность маметкуловыхъ сподвижниковъ въ общей сложности доходила до 4—5-ти тыс. всадниковъ и пѣшихъ людей, разбросанныхъ на сравнительно

¹⁾ Ремезовъ, стр. 37 и 38.

²⁾ Ремезовъ, ст. 39.

небольшомъ пространствѣ въ 60—80 верстѣ. Противъ этихъ-то скопищъ, то разбрасываемыхъ, то сосредоточиваемыхъ въ одномъ пунктѣ, и приходилось сподвижникамъ Ермака дѣйствовать въ составѣ всего нѣсколькихъ сотъ человекъ. Понятно, что при такой несоразмѣрности силъ борющихся сторонъ, русскимъ удалцамъ нужно было быть всегда на сторожѣ и вкупѣ. Такъ они и дѣлали. Медленно и осмотрительно подвигаясь на своихъ стружкахъ по Тоболу, они въ 20-хъ числахъ іюля дошли до урочища Бабаса въ Долгомъ яру, гдѣ ихъ поджидалъ Маметеуль съ главною массою своихъ силъ. Произошло кровопролитное столкновение, продолжавшееся, говорятъ, цѣлыхъ пять дней, въ теченіе которыхъ казаки, съ рѣдкимъ упорствомъ отражая наступы кучумовцевъ, продолжали подвигать свои струги все впередъ, пока, наконецъ, 26-го іюля не достигли до устья р. Турбы, гдѣ они, подавленные численностью непріятеля, должны были остановиться, а по показаніямъ Ремезовской лѣтописи (ст. 44) даже обратиться назадъ и кинуться, съ цѣлью пробраться на Русь, вверхъ по р. Тавдѣ. Последнее, впрочемъ, мало вѣроятно, такъ какъ отступленіе при подобной обстановкѣ, какъ и во всѣхъ военныхъ дѣлахъ съ азіятцами (чего Ермакъ и его дружина не могли не знать изъ практики многолѣтнихъ дѣлъ съ ногайцами) было-бы разнесильно обреченію себя на вѣрную гибель. Да и зачѣмъ было Ермаку (разъ допустить мысль, что онъ бѣжалъ по Тавдѣ на Русь) возвращаться къ зимѣ опять къ устью Турбы и улусамъ Карачи (какъ повѣствуетъ тотъ-же Ремезовъ), когда въ этомъ случаѣ онъ, съ несравненно большими удобствами и ближе къ русской границѣ могъ-бы перезимовать въ верховьяхъ той-же Тавды или Лозвы. Очевидно, лѣтописецъ перепуталъ бѣгство Ермака по Тавдѣ съ походомъ его-же на эту рѣку въ слѣдующемъ 1584 году.

Болѣе двухъ недѣль простояли казаки близъ Турбы въ виду одного изъ наиболѣе населенныхъ кишлаковъ Кучумова царства „Карачина улуса“. Положеніе было поистинѣ критическое: пойти назадъ, значить погубить все дѣло; впередъ—силъ не хватаетъ: орда окружила со всѣхъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ „аки вода колебающаяся“. Что дѣлать? Госпожинъ постъ. Съ большимъ чѣмъ когда либо усердіемъ молились казаки Владычицѣ о спасеніи грѣшныхъ душъ своихъ; строгій

постъ, говорить лѣтописецъ, вмѣсто 15-ти дней былъ продолженъ казаками до 40 дней. Состояніе самое угнетенное. Но съ другой стороны, центральное становище врага уже недалеко; до Кучумова „Искера“ всего нѣсколько верстъ; еще одно усиліе и быть можетъ, врагъ будетъ сломленъ.... двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать... смѣлымъ Богъ владавѣть.... И казаки, собравшись съ послѣдними силами, дружно ударили на скопища у Карачина улуса и врагъ не выдержавъ, побѣжалъ, очищая дорогу къ Кучумову становищу. Вознаградивъ себя за труды и терпѣніе чѣмъ только можно изъ не захваченнаго татарами съ собою при Карачинѣ имущества и подбавивъ въ обильно нагруженные уже струги болѣе цѣнное захваченное добро, казаки двинулись дальше къ устью Тобола. Нѣсколько оправившіеся послѣ Карачинскаго побоища, кучумовцы стянулись къ засѣкамъ передъ главнымъ кышлакомъ своего владѣльца. Высокій яръ Иртыша, выше устья Тобола, укрѣпленъ былъ чѣмъ только можно. Самъ Кучумъ съ своими приближенными засѣлъ въ наиболѣе возвышенномъ и, такъ сказать, командующемъ надъ всею окрестностью, укрѣпленіи Подчувашномъ. Доплывши до устья Тобола и очутившись въ виду главныхъ твердынь Кучумова царства, казаки повернули вправо, т. е. вверхъ по Иртышу и, занявъ безъ особаго труда лежащій вблизи устья Тобола на лѣвомъ берегу Иртыша городокъ мурзы Атика, остановились здѣсь въ раздумьи—что дѣлать дальше? Приближалась зима; нѣтъ, нѣтъ и рѣки замерзнуть; двигаться дальше нельзя; впередъ и сзади непріятель; добра всякаго съ собою забрано много, а прокормиться зимою будетъ нечѣмъ. Мелѣе смѣлые и настойчивые опять заговорили о возвратѣ на родину, о бѣгствѣ изъ Сибири. Опять начались совѣщанія и споры о томъ, что предпринять. Лѣтописное преданіе говоритъ, что много потребовалось со стороны Ермака Тимофеевича упорства, рѣшимости и краснорѣчія, чтобы убѣдить своихъ соратниковъ, не поддаваясь унынію, собрать послѣднія силы и попытаться занять на зиму лежащее на противоположномъ берегу болѣе удобное и надежное къ продолжительной защитѣ Кучумово городище Подчуваша. Болѣе двадцати дней стояли казаки въ виду татарскихъ укрѣпленій, не зная на что рѣшиться. Не предпринимали ничего и кучумовцы, видимо ожидая нападенія со стороны Ермака. Наконецъ 23-го октября казаки рѣши-

лись и, быстро переплывъ черезъ Иртышъ, кинулись на приступъ къ кучумовскимъ укрѣпленіямъ. Обороной руководилъ Маметкулъ; самъ-же слѣпой Кучумъ, какъ говоритъ лѣтописное преданіе, стоя въ занятомъ имъ подь Чувашиами командующемъ пунктѣ, возносилъ въ сослуженіи съ своими муллами молитвы къ Аллаху о защитѣ сѣвернаго царства правовѣрныхъ отъ нашествія московитовъ. Казаки, не-смотря на громадныя потери (по сѣнодику Епископа Кипріяна ихъ пало подь Чувашиами изъ 400—500 человекъ 107 душъ), напирали всѣми своими силами. Маметкулъ былъ раненъ и оставилъ поле сраженія; подвассальные татары, остяки и вогуличи, видя это, пали духомъ и, не сознавая цѣли упорной борьбы за владычество иновѣрца Кучума, стали мало по малу тоже оставлять поле сраженія; сначала ушли остяки, а за ними и вогуличи. Къ вечеру 25-го октября для сибирскаго владѣльца окончательно выяснилось, что дальнѣйшее сопротивление, послѣ бѣгства союзниковъ, для татаръ невозможно. Спасая что было можно, татары въ ночь на 26-е октября бѣжали вверхъ по Иртышу, оставивъ побѣдителямъ, какъ главный кучумовскій кишлакъ (по однимъ „Сибирь“, а по другимъ „Искеръ“), такъ и другіе окрестные кишлаки: Сузгунъ, Абалакъ, Бешке... Утромъ 26-го октября Ермакъ занялъ опустѣвшіе кишлаки уже безъ всякаго сопротивленія со стороны татаръ. Масса оставленнаго въ торопяхъ имущества, дорогой пушнины и всякаго рода продовольствія, послужили наградою побѣдителямъ за долгое терпѣніе и все до сихъ поръ ими содѣянное.

Далѣе слѣдовать, пока, было не куда, да и не зачѣмъ. Казаки остановились зимовать. Напуганные татары, очистивъ окрестности, присмирѣли. Съ другой стороны, подначальные до сихъ поръ татарамъ мѣстные и сѣверные инородцы, остяки и вогуличи, послѣшили признать владычество новыхъ, какъ оказалось болѣе сильныхъ пришельцевъ — русскихъ. На третій-же день послѣ бѣгства татаръ, къ Ермаку явился съ выраженіемъ вѣрнопреданническихъ чувствъ и ясакомъ князецъ Баяръ, а за нимъ вскорѣ и Яскалбинскихъ и Суклемскихъ заболотныхъ волостей владѣльцы Ишбердей и Суклемъ съ товарищами¹⁾. Ермакъ сразу очутился въ положеніи, если не

¹⁾ Ремезовъ, ст. 82.

самостоятельнаго, то по меньшей мѣрѣ уполномоченнаго посланца отъ издавна страшнаго для за-уральскихъ странъ своимъ могуществомъ Московскаго Царя. И Ермакъ, какъ оказалось, сѣумѣлъ поставить себя въ глазахъ инородческихъ князьковъ и держаться достойно въ роли царскаго посланца. Все дальнѣйшее его поведеніе въ странѣ и дѣйствія рисуютъ его уже далеко не тѣмъ разбойничьимъ предводителемъ, какимъ онъ былъ на Волгѣ и по ту сторону Уральскаго хребта, а скорѣе какъ царскаго воеводу. Гордый, быть можетъ, сознаніемъ совершеннаго имъ подвига, а также предвидя неизбѣжность обращенія, если не къ царской, то по крайней мѣрѣ къ строгановской помощи, Ермакъ рѣшительно входитъ въ роль какъ-бы официальнаго представителя Московскаго Государства. Дѣятельно заводитъ и поддерживаеетъ съ инородцами дружественныя сношенія, успокаиваеетъ ихъ, уговариваеетъ жить какъ и при Кучумѣ, приводитъ ихъ отъ имени Московскаго царя къ шерти или присягѣ, облагаеетъ ихъ яскомъ и т. д. и т. д. Выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, умъ этого человѣка, при новой, почетной для него обстановкѣ, сталъ проявляться все болѣе и болѣе. Дружа и задабривая чѣмъ можно не только подневольныхъ инородцевъ финскихъ племенъ, но и бывшихъ доселѣ ихъ властителей татаръ, Ермакъ сталъ устраиваться въ занятой странѣ, возможно прочнѣе. Долгимъ опытомъ предшествовавшихъ своихъ походовъ онъ отлично понималъ, что взятіе у полукочеваго и бродячаго народа центральнаго кишлака или, какъ громко его называютъ наши историки, „столицы“ Сибири, представлявшей въ сущности не болѣе какъ зимовое стойбище кочевниковъ, легко возводимое гдѣ угодно, далеко еще не было концомъ дѣла; покорились, и то только до первой неудачи, одни ближайшіе бродячіе и кочевые инородцы; все же, что было подале — признавало, какъ и до сихъ поръ, Кучума или не подчинялось никому; до Руси было болѣе тысячи верстъ; Ермакъ находился какъ на островѣ среди обширнаго, волнующагося, непокойнаго и могущаго его затопить, моря.

Г Л А В А II-я.

ПРИНЯТИЕ СИБИРИ ПОДЪ ВЫСОКУЮ ЦАРСКУЮ РУКУ И ПЕРВЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ЭКСПЕДИЦИИ.

Официальное включеніе Кучумова ханства въ составъ Московскаго государства; признаніе Ермака и его вольницы служилою ратью. — Дѣятельность Ермака въ Сибири до прихода князя Болховскаго. — Смерть Болховскаго и гибель Ермака. — Дальнѣйшая судьба сподвижниковъ Ермака и первые преемники его дѣла: Мансуровъ, Сукинъ, Чулковъ.

Несомнѣнно, что молва о всемъ содѣянномъ Волжскою вольницею съ служилыми людьми Строгановыхъ „за камнемъ“ быстро разнеслась повсюду и скорѣе всѣхъ достигла до главнѣйшихъ виновниковъ всего этого „заворуя“ (какъ выражаеся Сибирскій лѣтописецъ Ремезовъ). Стараясь оправдаться предъ грознымъ царемъ, всего годъ тому назадъ выразившимъ свой гнѣвъ на самоуправство при-Камскихъ богачей и стремленіе посорить Его съ Сибирскимъ владѣльцемъ, богачи эти постѣшили, конечно, дать знать въ Москву о покореніи этого владѣльца. Лѣтописцы говорятъ, что и самъ Ермакъ, пользуясь дружественными отношеніями къ помянутому выше князю Ишбирдею, предложившему ему свои услуги по дачѣ „вожей“ на Русь, снарядилъ, вскорѣ по занятіи Искера, свое легкое посольство, которое въ ту-же зиму „волчьею дорогою“ (т. е. нужно полагать кратчайшею) пробралось на лыжахъ сначала въ Пермь, а затѣмъ и въ самую Москву. По показаніямъ Ремезова, во главѣ посольства былъ отправленъ знаменитый атаманъ Иванъ Кольцо. Въ Строгановской и Есиповской названія главы нѣтъ. Мы тоже склонны думать, что имя Кольцо въ лѣтописномъ сказаніи Ремезова поставлено только для красоты, или изъ естественнаго стремленія приставить ко всѣмъ

сколько-либо замѣтнымъ дѣламъ имена лицъ, такъ или иначе себя прославившихъ. Едва-ли Ермакъ могъ рѣшиться отправить или выдать главнѣйшаго своего сподвижника на волю грознаго и своенравнаго царя, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ присудившаго Кольцо за разбои къ смертной казни.

Посольство это, по словамъ лѣтописцевъ, особенно такъ называемаго „новаго“ или Черепанова, встрѣчено было въ Москвѣ съ необыкновенною радостью и торжествомъ. Вездѣ (яко-бы) служили благодарственные молебны и звонили въ колокола. Самъ Царь Грозный Иванъ Васильевичъ въ торжественной аудіенціи посланцамъ ермаковымъ объявилъ имъ прощеніе и милость; всѣмъ казакамъ опредѣлилъ свое великое жалованье и дары, а Ермаку пожаловалъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. „Въ ласковой грамотѣ (говоритъ Карамзинъ), Царь объявилъ казакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за великую услугу; назвалъ Ермака *Княземъ Сибирскимъ*“. Строгановымъ, по словамъ ихъ лѣтописца, Государь за ихъ службу и радѣніе пожаловалъ: Семену — два мѣстечка Большую и Малую Соль на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ — право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безопасно.

Трудно, конечно, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ судить, насколько въ этихъ сказаніяхъ правды, но несомнѣнно, кажется, что радость царская и народная по этому случаю раздута поклонниками Ермака далеко болѣе, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Ни въ одномъ изъ официальныхъ данныхъ мы не встрѣчаемъ этому подтвержденія; даже, напротивъ, единственный дошедшій до насъ правительственный документъ, относящійся къ рассматриваемой эпохѣ, указъ Царя Ивана Васильевича Строгановымъ, отъ 7-го января 1584 года рисуетъ далеко не ласковое отношеніе его къ виновникамъ сибирскаго похода. Увѣдомляя Строгановыхъ о распоряженіи своемъ послать въ Сибирь правительственную рать, царь строго обязываетъ ихъ сначала дать посылаемому туда князю Семену Болховскому съ ихъ острожковъ въ *зимній* сибирскій походъ „пятьдесятъ человекъ на коняхъ“; а потомъ, убѣдившись, что зимній походъ въ Сибирь невозможенъ, приказываетъ тѣмъ-же Строгановымъ дать по вскрытіи водъ „подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ“; а въ концѣ добавляетъ: „Такъ вы бы тотъ-

часть велѣли изготавить къ веснѣ струги, чтобъ за ними воеводамъ въ нашихъ острожкахъ и часу не мѣшкать. *А не дадите судовъ тотчасъ и нашему дѣлу учинится поруха, то вамъ отъ насъ быть въ великой опалѣ*“. Лицамъ, оказавшимъ великую услугу и тѣмъ на кого сыплются царскія милости, такъ не пишутъ. Очевидно, царь былъ неособенно доволенъ тѣмъ, что Строгановы, ради своихъ выгодъ, прикрываясь услугами государству, втянули его въ сибирскія дѣла, которыя еще Богъ вѣсть чѣмъ окончатся, въ то время, какъ серьезная война на западѣ требовала всѣхъ наличныхъ воинскихъ силъ государства. Еще менѣе правдоподобно идущее въ разрѣзъ со всѣми установившимися въ тѣ времена обычаями и порядками преданіе о пожалованіи въ князья человека столь „подлаго“ рода, какъ Ермакъ¹⁾.

Уже въ февралѣ слѣдующаго, за полученіемъ извѣстія о сибирскихъ дѣлахъ года, къ Ермаку прискакалъ изъ Москвы, по выраженію лѣтописца, „вѣрный человекъ царевъ, аки слуга христовъ пернатъ перелетѣвъ“ съ радостною вѣстью о царскихъ милостяхъ и рѣшеніи отправить на помощь къ Ермаку царскихъ ратниковъ. Означенная здѣсь версія о времени отправленія и возврата посольства Ермака, совершенно устраняетъ, повергавшій въ недоумѣніе почти всѣхъ историковъ, вопросъ, почему Ермакъ, очутившійся съ малымъ отрядомъ среди инородческаго моря, вдали отъ Руси, съ изсякнувшими пороховыми запасами, такъ долго медлилъ посылкою извѣстія въ Москву о занятіи Искера и почему затѣмъ такъ долго, почти два года Московское правительство медлило отправкою подкрѣпленія къ Ермаку. Допустивъ предположеніе, что Ермакъ отправился въ Сибирь въ 1582 г. и занялъ Искеръ въ 1583 г., а не въ 1581 или 1582, какъ думали (по моему мнѣнію, совершенно невѣрно) до сихъ поръ, вопросы эти сами собою падаютъ. Оказывается, что Ермакъ далъ знать о своихъ завоеваніяхъ немедленно-же по занятіи Искера, а царь Иванъ Васильевичъ въ *ту-же зиму* распорядился отправить подкрѣпленіе на коняхъ, и только убѣдившись, что конный зимній походъ въ Сибирь невозможенъ, отложилъ походъ до

¹⁾ Н. Н. Балкашинъ. Былъ-ли Ермакъ пожалованъ въ князья? Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Геогр. Общ. 1880 г. кн. II. М. Пущинъ. Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимофеевъ, покоритель Сибири. Русск. Вѣстн. 1881 г. № 11.

весны, предписывая, какъ сказано выше, отправить людей на стругахъ по водополю „тотчасъ“ и „часу не мѣшкать“. (Указъ отъ 7-го января 1584 г.).

Между тѣмъ Ермакъ всю зиму 1583—1584 г. провель въ занятыхъ имъ кишлакахъ близъ устья Тобола, укрѣпляясь и обезпечиваясь отъ всякихъ случайностей на будущее время. Разстроенные и „сбитые съ куреня“ татары, подавшись вверхъ по Иртышу, тоже сидѣли, собираясь съ силами на весну. Только разъ еще въ началѣ зимы, воспользовавшись оплошностью 20-ти казаковъ, ловившихъ рыбу близъ Абалацкаго зимовья, какъ говорятъ, подъ водительствомъ самого Маметкула, напали на неосторожныхъ и перерѣзали всѣхъ ихъ на мѣстѣ. Въ отмѣстку за такую дерзость, казаки, по указанію одного изъ дружественныхъ имъ мурзь, выслѣдили Маметкула и напавъ на него близъ Куларова зимовья (верстахъ въ 50 отъ Искера вверхъ по Иртышу, не доѣзжая устья Вагая), также неожиданно, ночью, перерубили множество татаръ и захватили самого Маметкула въ плѣнъ. Это было въ февралѣ мѣсяцѣ. Около того-же времени, съ цѣлью удостовѣренія въ дѣйствительности мирныхъ завѣреній остяцкихъ князьковъ и для объясненія таковыхъ на мѣстѣ, Ермакъ командировалъ внизъ по Иртышу въ Демьянскія и Назымскія юрты одного изъ своихъ атамановъ Никиту Пана съ пятидесятникомъ Демьяномъ *Брязгою*. Первый изъ нихъ, впрочемъ, вскорѣ въ одной изъ кровопролитныхъ стычекъ съ объясчаемаыми инородцами былъ убитъ и весь дальнѣйшій поискъ къ устьямъ Иртыша (впередъ лыжно, а обратно стружно) свершилъ одинъ Брязга съ полусотнею казаковъ¹⁾. Судя по даннымъ Ремезовской лѣтописи, Брязга дѣйствовалъ смотря по обстоятельствамъ — то убѣжденіями, то силою... Покорные приносили

¹⁾ Относительно этого похода, или вѣрнѣе поиска, наши историки, исходя изъ двухъ разнорѣчныхъ показаній Ремезовской и Строгановской лѣтописей не сходятся. Одни, не упоминая ни объ Ермакѣ, ни о Панѣ, приписывали все Брязгѣ; другіе, совѣтъ не упоминая о Брязгѣ, ставятъ во главѣ самого Ермака съ Паномъ, котораго онъ лишился въ этомъ походѣ. Мы придерживаясь ближе къ Ремезову, до извѣстной степени миримъ двѣ крайности, ставя во главѣ сначала Пана, а послѣ его смерти Брязгу. Главенство самого Ермака для насъ мало вѣроятно, какъ потому, что посланный на сѣверъ отрядъ былъ очень не великъ, такъ и потому, что Ермакъ не могъ не понимать, въ виду плѣненія Маметкула и близости Кучума, что его мѣсто не тамъ на остяцкомъ сѣверѣ, а здѣсь на югѣ у Искера фронтомъ къ татарамъ.

ему что могли сами, а непокорные принуждались къ тому копьями, саблями и пищалями; наиболѣе-же строптивые разстрѣливались и вѣшались казаками за ноги внизъ головою. Гибель сильнѣйшихъ, устрашая слабыхъ, заставляла однихъ изъ нихъ отдавать пришельцамъ все, что тѣ требовали, а другихъ бѣжать—въ дальнія тундры, оставляя на волю и милость побѣдителей женъ и дѣтей своихъ... Брязга возвратился въ Искеръ въ концѣ мая 1584 г., привезя съ собою обильные запасы всего, что только можно было такъ или иначе добыть отъ при-Иртышскихъ и при-Обскихъ инородцев¹⁾.

Между тѣмъ Ермакъ, захвативши Маметкула, тщетно ожидалъ со стороны Кучума сколько либо рѣшительныхъ дѣйствій. Сбитый съ куреня, сибирскій владѣлецъ, вмѣсто того чтобы съ наступленіемъ весны съ новыми силами ринуться на русскихъ пришельцевъ, откочевалъ еще дальше къ югу. Причина этого заключалась въ возгорѣвшейся вновь борьбѣ двухъ владѣтельныхъ родовъ—Шейбанидовъ и Тайбугидовъ. Последніе, во главѣ съ Сейдякомъ, двинулись изъ Ишимскихъ степей на сѣверъ и заставили обезсиленныхъ уже русскими кучумовцевъ-шейбанидовъ отойти за Вагай въ при-Омскія степи.

Убѣдившись въ достаточной безопасности съ этой стороны, но беспокоясь въ то же время съ другой стороны о долгомъ не приходѣ обѣщаннаго еще зимою подкрѣпленія съ Руси, Ермакъ Тимофеевъ, какъ только возвратился изъ своего поиска Брязга, самъ двинулся съ устьевъ Тобола вверхъ по этой рѣкѣ и Тавдѣ на встрѣчу ожидаемой русской рати князя Болховского. Въ Искерѣ остались атаманы Кольцо и Михайловъ съ товарищами.

Тавда съ впадающею въ нее Лозвою, были давними извѣданными путями для сношеній какъ русскихъ съ Сибирью, такъ и, наоборотъ, сибиряковъ съ русскими. И въ этотъ разъ, какъ предполагалъ Ермакъ, Болховской съ своею ратью дѣйствительно, переваливъ черезъ Уральскій хребетъ, вышелъ на Лозву, которою и поплылъ на заготовленныхъ по царскому указу Строгановыми стругахъ. Только явился сюда онъ далеко позже, чѣмъ предполагалъ Ермакъ и чѣмъ то обѣщано было Царемъ тотчасъ по полученіи извѣстія о положеніи казаковъ въ Сибири.

¹⁾ Ремезовъ, ст. 73—80.

Слѣшно поднявшись вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья при Паченкѣ встрѣтилъ многолюдное скопище вогуловъ Лабутана князца, заградившихъ было ему дальнѣйшій путь къ соединенію съ идущими поддержаніями, но послѣ упорнаго кровопролитнаго боя очистившихъ загражденный путь и пропустившихъ Ермака далѣе. Быстро слѣдуя все выше и выше, Ермакъ старался не задерживаться въ пути мелкими дѣлами съ попутными вогуличами; а потому— „что мимоходомъ урвалъ, то и наша добыча“, какъ выражается лѣтописецъ ¹⁾).

Но какъ онъ не слѣшилъ, а къ началу заморозковъ въ этихъ сѣверныхъ, холодныхъ мѣстахъ никого изъ русскихъ не встрѣтилъ. Пришлось остановиться въ раздумьи, что дѣлать. Лѣтописецъ говоритъ, что въ столь неопредѣленныхъ обстоятельствахъ, завоеватель „Сибири“ прибѣгъ къ содѣйствию одного изъ мѣстныхъ прорицателей будущаго, вогульскому шаману, или „шайтанщику“. Послѣдній объявилъ, что о дальнѣйшемъ слѣдованіи на Лозву, за позднимъ временемъ нечего и думать, ибо горы занесло уже снѣгомъ; лучше возвратиться къ своимъ сотоварищамъ на Тоболь, гдѣ его ждетъ окончательное покореніе Кучума. Ермакъ возвратился, но вынужденъ былъ за остановкою замерзшихъ уже рѣкъ бросить на поль-пути струги и продолжать дальнѣйшее слѣдованіе къ Искеру пѣшкомъ, преодолевая, конечно, при этомъ всѣ неудобства такого похода въ холодную пору и таща на себѣ все путевое продовольствіе и захваченный у вогуловъ ясакъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ тѣ времена сѣверная Сибирь очень мало знала лошадей; да и не одна сѣверная, но и средняя, гдѣ еще въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія лошади за дорогія цѣны пріобрѣтались изъ монгольскихъ, ногайскихъ и „киргизскихъ“ степей. Сухопутныхъ сообщеній почти не существовало и единственнымъ сколько либо сноснымъ путемъ могли служить (и служили все XVI и XVII столѣтія) только многоводныя сибирскія рѣки.

Истомленный труднымъ походомъ и разочарованный въ посылкѣ поддержанія съ Руси, Ермакъ не на радость явился и въ Искеръ. Въ его отсутствіе здѣсь все сильно измѣнилось къ худшему. Кольцо и Михайловъ, оставленные наблюдать за

¹⁾ Ремезовъ, ст. 49—52.

кучумовцами, какъ оказалось, не сдумѣли соблюсти должной осторожности въ сношеніяхъ съ ордынцами и чуть не погубили всего начатаго Ермакомъ дѣла. Первый изъ этихъ атамановъ, довѣрившись ложнымъ завѣреніямъ помянутаго выше Карачи въ дружбѣ къ русскимъ, отправился къ послѣднему всего съ 40-ка человекѣми для подачи помощи противъ ногайцевъ и палъ жертвою своей довѣрчивости, вмѣстѣ со всѣми своими сподвижниками. Другой атаманъ Михайловъ, отправившійся было на выручку товарищей, также попалъ въ засаду и погибъ со многими казаками. Кучумовцы, ободренные такою успѣшностью своихъ дѣйствій противъ пришельцевъ, сдѣлались смѣлѣе и перешли въ наступленіе. Какъ разъ къ этому времени возвратился въ Искеръ и Ермакъ¹⁾.

Поправивъ дѣло насколько то было возможно, Ермакъ сталъ устраиваться къ новой зимовкѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда повидимому была уже совершенно потеряна надежда на приходъ подкрѣпленій съ Руси, явился въ Искеръ князь Болховской съ стрѣльцами и прочими „служилыми людьми“, посланными изъ Москвы съ царскимъ „жалованьемъ“ казакамъ за ихъ сибирскую службу. Можно представить радость Ермака и уцѣлѣвшихъ казаковъ столь давно ожидаемому подкрѣпленію. Съ приходомъ правительственныхъ ратниковъ ермаковская вольница уже окончательно становилась въ ряды царскихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію, трудный походъ по пустынямъ Сибири, населеннымъ бѣдными и къ тому-же враждебными пришельцамъ инородцами, сильно разстроилъ московскую рать какъ физически и матеріально, такъ и нравственно. По сказанію лѣтописцевъ, и въ самомъ Искерѣ московская рать Болховского, не встрѣтила необходимыхъ, послѣ множества лишеній, удобствъ и обеспеченнаго продовольствія. Вскорѣ этотъ недостатокъ продовольствія обратился даже въ голодъ и при томъ настолько сильный, что люди стали мерѣть десятками; откры-

¹⁾ Предлагаемая здѣсь версія разсказа о гибели Кольцо и Михайлова въ отсутствіе Ермака, а не при немъ, какъ повѣствуютъ лѣтописцы, кажется автору, настоящаго изслѣдованія болѣе вѣроятною, потому что время гибели названныхъ атамановъ по лѣтописцамъ совпадаетъ какъ разъ съ временемъ похода Ермака на Тавду; да и свидѣтельствуемый тѣми-же лѣтописцами неожиданный переходъ кучумовцевъ въ наступленіе болѣе понятенъ при маломъ отрядѣ Кольца съ Михайловымъ, чѣмъ при самомъ Ермакѣ съ главными силами, хотя-бы то и на половину уничтоженными.

лись болѣзни—цинга, лихорадки, тифъ. Самъ Болховской, не вынеся страшныхъ лишеній, тоже умеръ. Мѣсто его заступилъ ближайшій помощникъ его Иванъ Глуховъ.

Видя крайнюю затруднительность положенія русскихъ, татары, въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1585 года, во главѣ съ Карачею, облегли русскій станъ со всѣхъ сторонъ. Положеніе русскихъ стало еще болѣе затруднительнымъ. По словамъ лѣтописца Ремезова, имъ пришлось даже ѣсть трупы своихъ умирающихъ товарищей... Только съ наступленіемъ весны, когда вскрылись рѣки и появилась трава, русскіе вздохнули свободнѣе. Приверженные къ нимъ остяки и вогуличи, явились съ наловленною по водополью рыбою, а тѣснившіеся до того времени въ душныхъ и зараженныхъ сакляхъ ратники вышли на свѣжій воздухъ. Съ возстановленными физическими силами, воспрянулъ и духъ уцѣлѣвшихъ отъ голода и лишеній русскихъ. Въ маѣ мѣсяцѣ (а по словамъ Строгановскаго лѣтописца въ іюнѣ) атаманъ Матвѣй Мещерякъ, воспользовавшись одною изъ удобныхъ къ нападенію ночей, сдѣлалъ смѣлую вылазку въ лагерь осаждающихъ, и проникнувъ до стана самого Карачи, близъ Саускана, перерѣзалъ массу спавшихъ татаръ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями Карачи. Эта смѣлая вылазка, поддержавшая и прочіе осажденные русскіе гарнизоны, такъ устарила татаръ, что они нашлись вынужденными снять осаду и снова удалиться на югъ за Вагай въ низовья Оми, гдѣ въ это время съ своими приверженцами скитался и самъ Кучумъ.

Удача, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ободрила русскихъ и вселила въ нихъ новыя надежды на успѣхъ и поддержку съ Руси, тѣмъ болѣе, что по сказанію лѣтописцевъ, вскорѣ-же по прибытіи въ Сибирь Болховскаго, въ Москву былъ отправленъ плѣнный въ 1583 г. Маметкуль, съ завѣреніемъ самого Болховскаго, что дѣло Ермака дѣйствительно обѣщаетъ за Москвою обширною и богатой страны и потому заслуживаетъ всякой поддержки. Въ слѣдующую-же весну, т. е., въ 1585 г., какъ только вскрылись рѣки, изъ Москвы отправленъ былъ въ Сибирь, подъ начальствомъ воеводы Матвѣя *Мансурова*, новый небольшой отрядъ въ сотню человекъ. Рать эта однако-же, какъ увидимъ ниже, застала русскихъ уже далеко не въ томъ положеніи, какъ доносилъ о семъ Болховской.

Укрѣпляя въ Сибири русскую власть, Ермакъ Тимофеевъ старался показать передъ мѣстными инородцами не только воинскую мощь русскихъ, но и, такъ сказать, культурное ихъ превосходство. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что покоряя этихъ инородцевъ, онъ тотчасъ-же старался вселить въ нихъ увѣренность и въ томъ, что въ лицѣ русскихъ они встрѣчаютъ властителей не только сильныхъ и справедливыхъ, но и способныхъ поддержать всякіе ихъ труды и начинанія въ области хозяйства, ремесла и торговли. Быстро освоившись съ ролью царскаго служилаго человѣка, облеченнаго (или, лучше сказать, облекшаго себя) властью какъ-бы воеводы (особенно послѣ смерти Болховскаго), Ермакъ съ удивительнымъ, для человѣка его первоначальной профессіи, административнымъ тактомъ, велъ устройство занятой русскими страны. Авторитетъ и главенство его признавались въ странѣ и войскѣ даже съ приходомъ царскихъ войскъ, подчиненныхъ лицу съ княжескимъ титуломъ и боярскимъ званіемъ. По крайней мѣрѣ ни въ одной изъ лѣтописей мы нигдѣ не встрѣчаемъ не только проявленія какой-либо инициативы въ дѣлахъ со стороны Болховскаго или Глухова, но даже и вообще упоминанія о какихъ либо дѣйствіяхъ ихъ и вновь прибывшихъ въ Сибирь войскъ. Вездѣ и все приписывается Ермаку Тимофеевичу. Даже всѣ пришлые ратники въ показаніяхъ лѣтописцевъ обращаются въ казаковъ; ни въ одномъ изъ сказаній о дѣйствіяхъ русскихъ послѣ прихода князя Болховскаго и Глухова, мы не встрѣчаемъ названій „стрѣльцы“ или даже вообще „служилые люди“, хотя несомнѣнно, что сколь ни разстроеною явилась въ Сибирь правительственная рать и какъ ни порѣдѣла она отъ болѣзней и голода въ самомъ Искерѣ, все-таки, численность ея по меньшей мѣрѣ равнялась еще болѣе порѣдѣвшей къ тому времени казацкой рати.

Желая насколько возможно обезпечить занятія русскими мѣста отъ повтореній только что отраженнаго нашествія татаръ подъ водительство Карачи (а можетъ быть и наказать его), Ермакъ въ то же лѣто, не удовлетворившись раззореніемъ главнаго становища Карачи при Саусканѣ, плавалъ съ частью своихъ „казаковъ“ вверхъ по Иртышу и, какъ говорятъ, проникнувъ за Ишимъ, опустошилъ на своемъ пути все, что было возможно. Съ устья р. Шишъ (недалеко отъ нынѣшняго города Тары), гдѣ, повидимому, уже кончались поселенія полу-

осѣдлыхъ сибирскихъ татаръ и начинались степи кочевниковъ-ногаевъ, въ средѣ которыхъ искалъ теперь приверженцевъ Кучумъ, Ермакъ возвратился обратно. Но не доплывая устьевъ Вагая, онъ получилъ извѣстіе, что въ ишимскихъ степяхъ, бухарскій караванъ, желавшій проникнуть съ товарами въ занятый русскими Искеръ, былъ задержанъ кучумовцами ¹⁾. Желая помочь каравану въ преодоленіи встрѣченныхъ препятствій и въ то-же время показать съ какою охотою новыя хозяева готовы вступить въ торговыя сношенія съ представителями богатаго и промышленнаго юга, Ермакъ быстро повернулъ въ Вагай и поплылъ вверхъ по нему до пункта пересѣченія его съ караванною дорогою (по однимъ урочища Атбашъ, а по другимъ Агитскаго городка). Простоявъ здѣсь нѣсколько дней въ тщетномъ ожиданіи каравана и убѣдившись изъ произведенныхъ развѣдокъ, что извѣстіе о бухарцахъ было ложью или, что быть можетъ, они вынуждены кучумовцами оставить свое намѣреніе дойти до Искера, Ермакъ повернулъ обратно внизъ по Вагаю. Въ устьѣ этой рѣки, не зная, что далеко еще не усмиренный, но лукавый врагъ устроилъ для русскихъ родъ засады, Ермакъ съ своими товарищами остановился на ночлегъ, какъ оказалось безъ принятія должной предосторожности. Такое пренебреженіе казаковъ къ бдительности и рѣшимости татаръ и погубило Ермака, послѣ столькихъ, свершенныхъ имъ подвиговъ и испытанной казалось бы его предусмотрительности. Темною дождливою ночью 6-го августа 1585 г., во время крѣпкаго сна казаковъ, татары окружили ихъ превосходными силами, вырѣзали почти всѣхъ до одного, прежде чѣмъ они могли прійти въ себя отъ неожиданности нападенія. Самъ Ермакъ, говорятъ лѣтописцы, благополучно отбившись отъ массы насѣдавшихъ на него противниковъ, достигнулъ берега и прыгнулъ уже было на одинъ изъ близъ стоящихъ струговъ, но промахнулся, упалъ въ воду и подавленный тяжестью своихъ металлическихъ доспѣховъ, утонулъ въ Иртышѣ.

¹⁾ Бухарцы были издавна почти единственными представителями торговли во всей Западной части Сибири. Торговые караваны ихъ, какъ до появленія здѣсь русскихъ, такъ и послѣ, вплоть до минуваго столѣтія проникали и на Иртышъ, и на Тоболь, и на Туру, и Омь, и Обь. Главнѣйшій путь этихъ каравановъ на Искеръ шель сначала вдоль праваго берега Иртыша: нѣсколько сѣвернѣе Оми пересѣгаль Иртышъ и шель прямо Ишимскою и Вагайскою степью къ устью Тобола. См. ст. Г. Н. Потанина „Бухарская торговля въ Сибири“.

Большинство историковъ Сибири, если не сказать всѣ кто писалъ о смерти Ермака на основаніи лѣтописныхъ сказаній объ этомъ событіи, относятъ его не къ началу августа 1585 года, какъ только что приведено здѣсь, а къ началу августа предшествовавшаго 1584 года. Съ цифрами оффиціальныхъ датъ позволяемъ себѣ оспаривать это мнѣніе. Еще Карамзинъ, смущенный противорѣчивостью лѣтописныхъ и оффиціальныхъ данныхъ, писалъ въ примѣчаніи 703-мъ къ IX тому своей Исторіи Государства Россійскаго: „Если принять за основаніе хронологию царскихъ грамотъ, то Ермакъ отплылъ въ Сибирь осенью 1582 года, послалъ вѣсть въ Москву въ 1583 году, а Болховской пришелъ къ нему въ 1584 году; но сей воевода въ *слѣдующую* зиму умеръ, Ермакъ въ *слѣдующее* лѣто погибъ, и въ 1584 году, какъ извѣстно по всѣмъ сибирскимъ записямъ и памятникамъ. Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ, или году Ермаковской смерти; т. е. вопреки лѣтописямъ, полагать ее въ 1585 г.“.

Допустить послѣдняго Карамзинъ однако-же почему-то не рѣшился и въ текстѣ своего изложенія покоренія Сибири, смерть Ермака отнесъ къ 1584 году ¹⁾. Костомаровъ, повѣствуя о послѣдней вылазкѣ Ермака и гибели его въ устьѣ Вагая, скромно замѣчаетъ въ выноскѣ противъ этого мѣста: „Вѣроятно это было уже въ 1585 году“ ²⁾. Г. Иловайскій не даетъ точной даты о времени гибели Ермака, но между прочимъ пишетъ: „Только *осенью 1584 года* наконецъ приплыли на стругахъ Болховской и Глуховъ; но они привели съ собою не болѣе 300 человекъ“..., т. е. выходитъ, что какъ будто Болховской пришелъ въ Сибирь послѣ смерти Ермака (разъ допустить, что эта смерть случилась въ августѣ 1584 года ³⁾). А между тѣмъ далѣе тотъ-же историкъ продолжаетъ: „Со сметью Болховского, соперничество устранилось; Ермакъ снова и окончательно сталъ во главѣ соединеннаго казацко-московскаго отряда“. А еще далѣе тотъ-же авторъ говоритъ: „Еще не зная о гибели Ермака и уходѣ русской дружины изъ Сибири, Московское правительство лѣтомъ 1585 года

¹⁾ Ист. Госуд. Россійскаго т. IX, изд. шестое. С.-П.-б. 1852 г.

²⁾ Русская Ист. въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. I. С.-П.-б. 1880 года.

³⁾ Что Болховской дѣйствительно посланъ и прибылъ въ Сибирь именно въ 1584 году, подтверждается и приведенной выше Грамотою Царя Ивана Васильевича къ Строгановымъ отъ 6-го января 1584 года.

послало ей на помощь воеводу Ивана Мансурова съ сотней стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, и что особенно важно съ пушкою ¹⁾“... То есть выходить, что какъ будто-бы г. Иловайскій допускаетъ мысль, что Ермакъ погибъ если и не въ августѣ 1584 года (чего очевидно по его датѣ о приходѣ Болховского быть не могло), то во всякомъ случаѣ не позже начала лѣта 1585 года. Намъ кажется, что отправка Мансурова въ 1585 году въ Сибирь всего съ сотней человѣкъ именно и доказываетъ, что Ермакъ погибъ никакъ не ранѣ августа 1585 года; ибо никоимъ образомъ нельзя допустить мысли, чтобы столь важное событіе какъ смерть Ермака и ѡбѣство изъ Искера его дружины (разъ это случилось въ началѣ августа 1584 г.), оставалось не извѣстнымъ въ Москвѣ чуть не цѣлый годъ. Въ виду этого: если Московское правительство отправило въ 1585 году въ Сибирь Мансурова всего лишь съ сотней человѣкъ, то вовсе не потому что не знало о смерти Ермака, а потому что тогда Ермакъ совсѣмъ не умиралъ, и требовалось отправить въ Сибирь не столько собственно войскъ для поддержанія (такъ какъ таковыхъ въ Сибири за соединеніемъ Ермака съ Глуховымъ было совершенно достаточно), сколько новаго воеводу съ конвоемъ, для замѣны князя Болховского.

Вѣсть о страшной катастрофѣ близъ устья Вагая и гибели главнаго предводителя русскихъ въ Сибири, быстро разнеслась повсюду, произведя между татарами неописанную радость, а между оставшимися въ Искерѣ русскими панической страхъ. Глуховъ и Мещерякъ, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ противникомъ, одолѣвшимъ Ермака, быстро собрались и посадивъ на струги уцѣлѣвшихъ еще отъ всѣхъ сибирскихъ невзгодъ сотоварищей (говорятъ числомъ всего до 150 чел.), не ожидая уже близко слѣдовавшаго съ Руси подкрѣпленія Мансурова съ служилыми людьми, отплыли внизъ по Иртышу, торопясь еще до рѣкостава проникнуть рѣдко населеннымъ остяцкимъ краемъ въ Обь и далѣе по Кондѣ и Лозвѣ или Сосвѣ за Камень.

Очищенный русскими Искеръ немедленно-же былъ занятъ надвинувшимися съ верховьевъ Иртыша татарами съ сыномъ Кучума царевичемъ Алеемъ впереди.

¹⁾ Русск. Вѣстн. 1889 г. № 9-й.

Приплывшій вскорѣ послѣ этого къ Искеру ничтожный русскій отрядъ Мансурова, узнавъ о крутой переменѣ обстоятельствъ, только что происшедшей здѣсь, не рѣшился испробовать своихъ силъ въ борьбѣ съ вновь взявшими засилье татарами и повернувъ съ Тобола на Иртышъ, быстро прослѣдовалъ мимо Искера этой рѣкою внизъ по слѣдамъ Мещеряка и Глухова. Только доплывъ до устьевъ Иртыша при впаденіи его въ Обь, отрядъ Мансурова повидимому настигъ остатки первыхъ покорителей Сибири и соединившись здѣсь съ ними, за позднимъ временемъ зазимовалъ, въ такъ называемомъ Обскомъ городкѣ.

Мѣстные остяки попробовали было осадить и напасть на новыхъ непрощенныхъ русскихъ пришельцевъ; но испробовавъ силу огнестрѣльнаго оружія послѣднихъ и бой единственной ихъ пушки, должны были отступить. Въ ту-же зиму остяки подъ водительство князька своего Лугуя отправили посольство въ Москву съ покорною просьбою, чтобы царскіе ратники, засѣвшіе въ Обскомъ городкѣ не разоряли ихъ становищъ, а они-бы, остяки, привозили дань „въ Вымскую землю царскимъ приказнымъ людямъ“, что имъ и было разрѣшено въ 1586 году.

Въ томъ-же 1586 году, очевидно, узнавъ уже о случившейся въ Сибири катастрофѣ, Московское правительство во главѣ съ будущимъ царемъ московскимъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ отправило туда въ помощь Глухову, Мансурову и Мещеряку трехъ-сотенный отрядъ подъ начальствомъ двухъ воеводъ: Василя Сукина и Ивана Мясного съ письменнымъ головою Данилой Чулковымъ. Отрядъ этотъ соединившись, повидимому, съ остатками дружины Ермака и отрядовъ Болховского и Мансурова въ верховьяхъ р. Лозвы, двинулся внизъ по этой рѣкѣ и Тавдѣ, давно знакомымъ русскимъ посланцамъ и ратникамъ путемъ, ведшимъ къ бывшей ставкѣ Сибирскихъ хановъ—Искеру.

Не достигнувъ однако-же намѣченной цѣли въ тотъ-же годъ, названные воеводы зазимовали въ устьѣ Туры и Тюмени, въ томъ-же самомъ татарскомъ кишлакѣ, въ которомъ останавливался въ зиму 1582—1583 годовъ Ермакъ съ своею вольницею. Здѣсь было положено начало прочному и невозвратному владычеству русскихъ въ Сибири, заложениемъ *Тюменскаго* острога. Это было начало образованія по восточную

сторону Уральского хребта первых достаточно прочно осѣвшихъ на мѣстѣ сибирскихъ казаковъ *Тюменскихъ* ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1587 году въ Сибирь была вновь отправлена уже солидная рать въ составѣ 500 человекъ, съ наказомъ остановившемся въ Тюмени письменному Головѣ *Чулкову*, отправиться съ этою ратью въ покинутую русскими столицу Кучумова царства и занять ее вновь возможно прочно. Исполняя это порученіе Чулковъ дѣйствительно двинулся въ указанномъ ему направленіи и основался прочно особымъ городкомъ вблизи Искера, такъ какъ послѣдній занятъ былъ уже въ то время завладѣвшимъ этою частью Сибири помянутымъ выше Кучумовымъ соперникомъ Сейдякомъ. Это былъ г. *Тобольскъ*, съ первыхъ же лѣтъ его основанія занявшій выдающуюся роль въ покореніи и устройствѣ новой страны. Годъ заложения Тобольска слѣдуетъ принять и за годъ возникновенія такъ называемыхъ *Тобольскихъ казаковъ*.

Первый Тобольскій воевода Чулковъ, какъ и слѣдовало бывшему *письменному* головѣ, и ставленнику царскаго шурина Бориса Годунова повелѣ дѣло покоренія страны не какъ воинъ, а какъ Московскій политикъ, и не столько мечемъ, сколько хитростью и коварствомъ. По сказанію Тобольскаго лѣтописца, узнавъ о сосѣдствѣ Сейдяка, Чулковъ зазвалъ его вмѣстѣ съ бывшими при немъ извѣстнымъ Мурзою Карачею и киргиз-

¹⁾ Новѣйшій историкъ заселенія русскими Сибири г. *Буинскій*, по поводу только что изложенныхъ событій пишетъ: „Если не считать построеннаго около 1585 г. Мансуровымъ при устьяхъ рѣки Иртыша Обскаго городка, не имѣвшаго будущности, то Тюмень является древнѣйшимъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ основанныхъ русскими людьми. Это первая опора русскаго владычества въ Сибири,—базисъ, опираясь на который, русскіе начали вторично, послѣ смерти Ермака завоевывать Сибирское царство...“ „Несомнѣнно, что *Мансуровъ* отправился въ Сибирь въ 1585 году и ему вѣроятно удалось совершить большой переходъ прежде чѣмъ *Глуховъ* прибылъ въ Москву съ печальною вѣстью; въ противномъ случаѣ онъ былъ-бы подкрѣпленъ новыми силами; не могли-же въ Москвѣ разсчитывать, что Мансуровъ съ сотнею казаковъ будетъ имѣть успѣхъ въ Сибири, когда тамъ уже не оставалось никакого другого русскаго войска..... А новая экспедиція для завоеванія Сибири отправлена только черезъ годъ послѣ возвращенія Глухова..... почти въ теченіи цѣлаго года оно (правительство) не предпринимало ничего чтобы подать помощь Мансурову и вообще поддержать престижъ своей власти въ новопокоренной странѣ“.— Вѣроятно этихъ строкъ почтенный историкъ не написалъ-бы если-бы хотя на минуту отрубившись или по крайней мѣрѣ усомнившись (подобно *Карамзину* и *Костомарову*) въ правильности лѣтописныхъ датъ, принялъ бы даты царскихъ грамотъ.

Буинскій. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1889 года.

скимъ султаномъ Уразмахомедомъ, яко-бы для переговоровъ по мирному урегулированію интересовъ русскихъ пришельцевъ съ туземцами страны, и во время самыхъ переговоровъ приказалъ схватить своихъ почетныхъ гостей вмѣстѣ съ ихъ свитою и въ качествѣ полонятниковъ отправить въ Москву. Тамъ они были поверстаны въ царскую службу. Избавившись такимъ образомъ разомъ отъ трехъ главарей наиболѣе воинственныхъ татарскихъ племенъ мѣстныхъ инородцевъ, московскій „письменный“ администраторъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ могъ утвердиться среди менѣе воинственныхъ угорскихъ племенъ сѣверной Сибири.

Съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ отбиваясь отъ насѣдавшаго съ юга Кучума и его сродниковъ и не двигаясь пока южнѣе Тюмени и Тобольска, московскіе воеводы, присланные въ Сибирь съ служилыми людьми разныхъ наименованій и всякими воинскими доспѣхами и продовольственными припасами, уже въ 1593 году успѣли достаточно прочно укорениться (заложениемъ острожковъ) въ *Березовѣ, Сургутѣ и Пелымѣ*. Основаніе острожковъ въ названныхъ пунктахъ послужило началомъ къ образованію въ Сибири *Березовскихъ, Пелымскихъ и Сургутскихъ казаковъ*.

Но куда же, могутъ спросить, дѣвались сподвижники первыхъ покорителей Сибири: Ермака, Мещеряка, Глухова и Мансурова, заложившихъ въ 1585 году Обской городокъ послѣ оставленія ими Искера?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большая часть ихъ въ Сибири и осталась навсегда, послуживъ тѣмъ *кементомъ*, который связалъ между собою традиціями первыхъ покорителей вновь образованныя казачьи „станицы“ въ Тюмени, Тобольскѣ, Пелымѣ, Березовѣ и Сургутѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что первый Архіепископъ Тобольскій Кипріанъ въ 1621 году еще засталъ въ Сибири многихъ изъ сподвижниковъ Ермака, помогшихъ ему своими показаніями составить для вѣчнаго поминовенія извѣстный синодикъ сподвижниковъ Ермака, на брани съ кучумлянами животъ свой положившихъ.

П. Н. Будинскій отыскалъ въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи, въ дѣлахъ Сибирскаго приказа, ссылки на существованіе въ началѣ 1600-хъ годовъ въ Тобольскѣ какъ называемой „старой сотни“ казаковъ, бывшихъ Ермаковыхъ сподвижниковъ. Въ дѣлахъ названнаго архива есть

челобитная казаковъ этой „старой сотни“, жаловавшихся Царю Михаилу Федоровичу на назначеніе къ нимъ начальникомъ Тобольскаго боярскаго сына Богдана Аршинскаго, вмѣсто бывшаго у нихъ въ „атаманахъ“ Гаврилы Ильина. — „Служать они (писалось въ той челобитной) Государю въ Сибири въ Тобольскѣ отъ Ермакова взятыя лѣтъ по 40 и по 50 съ атаманами, а не съ головами“ и т. д. ¹⁾ Челобитная ихъ, какъ оказывается, была уважена и въ атаманахъ у нихъ по прежнему оставленъ Гаврило Ильинъ, сподвижникъ Ермака.

Въ „Русской Исторической Библіотекѣ“ ²⁾ приводится Указъ Царя Михаила Федоровича отъ 27-го февраля 1623 г. къ Тюменскимъ воеводамъ по челобитной Тюменскаго коннаго казака *Гаврилы Иванова*, о томъ что „служилъ-де онъ блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи и царю Борису Федоровичу всеа Русіи, и царю Василью Ивановичу всеа Русіи, и намъ великому государю въ Сибири сорокъ два года, а прежде де того онъ служилъ намъ на полѣ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ, и съ иными атаманы;—и какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучума царя съ куреня сбили, и царство Сибирское намъ взяли, и мурзъ и татаръ разорили и онъ-де былъ посыланъ съ Ондреемъ съ Воейковымъ на нашу службу на того-же Кучума на Обѣ рѣкѣ погромили и его убили, и жены его и дѣти взяли (1598 г.); да его-же де посылали на Алея царя бояринъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ съ воеводою съ Назарьемъ Изъѣдиновымъ, и того-же де Алея царя взяли и женъ и дѣтей поймали; да онъ-же де въ Сибири ставилъ Томской городъ (1604 г.) при воеводѣ при Гаврилѣ Писемскомъ; да онъ же де ставилъ городъ Тюмень при воеводѣ Васильѣ Сукинѣ (1586 г.) ³⁾; онъ-же де посыланъ былъ въ Кузнецкъ для нашего ясаку и первой де ясакъ взяли (1618 г.); да онъ-же де Тобольской городъ ставилъ при воеводѣ Данилѣ Чулковѣ (1587 г.); да онъ-же де

¹⁾ Буцинскій. Заселеніе Сибири.—1889 г.

²⁾ Русск. Истор. Библіотека т. II. 1875 г.

³⁾ Ссылка на участіе этого дружинника Ермака въ заложеніи Тюмени, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ то что отрядъ Мансурова встрѣтился въ 1586 году съ отрядомъ Сукина и многіе изъ бывшихъ ермаковцевъ возвратились въ Сибирь и участвовали во вторичномъ занятіи Сибири и окончательномъ „истѣсненіи Кучума царя“.

Тарской городъ ставиль при воеводѣ при князѣ Андреѣ Елецкомъ (1594 г.); да онъ-же де ставиль Пелымскій городокъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ (1593 г.); да его-же де посылалъ на нашу службу бояринъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ головствомъ на калмыцкихъ людей и они де калмыцкихъ людей погромили (1620 г.), и жонъ и дѣтей въ полонъ взяли; а нынѣ де на Тюмени у нихъ у конныхъ казаковъ атамана нѣтъ; и намъ бы пожаловати, велѣти ему быти въ Тюменскомъ городѣ у конныхъ казаковъ въ атаманѣхъ на Степаново мѣсто Онтропьева, а Степанъ-де нынѣ служить на Тюмени въ дѣтахъ боярскихъ...!!“ Просьба Гаврилы Иванова была уважена и въ слѣдующемъ 1624 году мы видимъ его уже въ званіи Тюменскаго казачкаго Атамана въ Москвѣ съ донесеніями о приходѣ Калмацкихъ людей ¹⁾..... и т. д. Въ другомъ дошедшемъ до насъ актѣ 1703 года читаемъ: родословную „неверстаннаго“ сына боярскаго Василія Галкина—что „въ прошлыхъ годѣхъ прадѣдъ его Алексѣй *Галкинъ* служиль великому Государю въ Сибири съ Ермакомъ *Тимосеевымъ* ²⁾ и взялъ Сибирское царство. И послѣ де того, прадѣдъ его служиль на Березовѣ въ Атаманѣхъ 30 лѣтъ и по великаго Государя указу былъ съ Березова на великаго Государя службѣ въ Мангазеѣ, а въ Мангазеѣ отъ инородцевъ убитъ. И дѣдъ его Иванъ Галкинъ служиль въ Енисейскѣ въ дѣтахъ боярскихъ многіе годы“ и т. д. Многіе изъ бывшихъ Березовскихъ казаковъ носящихъ фамилію Мещеряковыхъ, Пановыхъ, Михайловыхъ считаютъ себя прямыми потомками сподвижниковъ Ермака. До самаго послѣдняго времени эти потомки хранили въ мѣстной Березовской церкви какъ святыню унаслѣдованную ими отъ предковъ хоругвь съ двухстороннимъ изображеніемъ святого Дмитрія Солунскаго и Михаила Архангела. Въ настоящее время эта хоругвь-знамя подъ именемъ „Ермакова знамени“ хранится въ гор. Омскѣ, въ войсковомъ Никольскомъ Соборѣ Сибирскаго казачьяго войска.

¹⁾ Русск. Истор. Библиотека т. II. 1875 г.

²⁾ Не слѣдуетъ ли величаніе Ермака *Тимосеевымъ* признать вмѣстѣ съ тѣмъ и за настоящую его фамилію, какъ это не рѣдко практикуется даже и теперь при назначеніи фамилій по именамъ отцовъ крестьянамъ не имѣющимъ прозвищъ соответствующихъ понятію „фамилія“.—?

Г Л А В А III-я.

УПРОЧЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СИБИРИ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ ГЛУБЬ КУЛУНДИНСКИХЪ И ИШИМСКО-ТОБОЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Устроение первыхъ русскихъ городковъ и острожковъ въ Сибири.—Приборъ для новыхъ городковъ служилыхъ, пахотныхъ и всякаго рода жилацкихъ людей.—Заложение города Тары и военныя экспедиціи противъ Кучума вверхъ по Иртышу за рѣку Омь и черезъ Барабу на Обь.—Мѣсто послѣдней битвы съ Кучумомъ.—Окончательное распаденіе царства Кучума.—Странствие дѣтей и внуковъ Кучума среди ногаевъ и казачьей орды:—мѣста тогдашнихъ кочевокъ киргизъ-кайсаковъ.

Нельзя сказать, чтобы принимая на себя занятіе и утверждение за Русью наслѣдія оставшагося отъ волжско-камыской вольницы, Московское правительство бралось за легкую задачу. Нужно было не только избрать, занять и надлежащимъ образомъ укрѣпить необходимое для обладанія обширною и далекою странюю, число опорныхъ пунктовъ, но и обезпечить эти пункты достаточно сильными для обороны и разсылки „сторожевыхъ“ и „отъѣзжихъ“ — „станицъ“ гарнизономъ; нужно было обезпечить ихъ продовольствіемъ въ странѣ, гдѣ не существовало еще, можно сказать, никакого хлѣбопашества; гдѣ не было даже предмета первой необходимости русскаго человѣка—соли ближе 700—800 верстъ; обезпечить эти гарнизоны всѣмъ необходимымъ воинскимъ запасомъ, нарядомъ, зельемъ и проч.; обезпечить безпрепятственное сообщеніе по единственнымъ тогда воднымъ, мало извѣстнымъ, путямъ сообщенія за тысячу и болѣе верстъ отъ первыхъ русскихъ поселеній на дальнемъ мало-населенномъ востокѣ русскаго государства. Устроить то, что называется на стратегическомъ языкѣ базу для дальнѣйшихъ операцій во вновь

занимаемой странѣ. Только при той настойчивости, и такъ сказать, упрямствѣ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, какими издавна отличились московскіе собиратели земли русской и при томъ нечеловѣческомъ терпѣніи, выносливости и привычкѣ къ несенію тяжелаго государственнаго ярма, которыми издревле (особенно въ Московскій періодъ) отличались русскіе тяглые люди, можно было, при тогдашнихъ обстоятельствахъ взяться за присоединеніе къ Москвѣ такой дикой и некультурной страны, какою была въ тѣ времена Сибирь.

Нужно было подобрать ратныхъ людей, въ которыхъ такъ нуждалось тогдашнее Московское государство для устроения не только своихъ дѣлъ на западной и южной границахъ, но и внутри государства. Нужно было дать для новой страны всякаго рода земскихъ людей, которые-бы и пашню пахали, и суда и острожки рубили, и ямщину гоняли и всякіе припасы давали для новой неустроенной страны.... Гдѣ было ихъ взять при тогдашнемъ общемъ „настроеніи“ Руси?

Принялись прежде всего за тѣхъ-же Строгановыхъ, которые дали первыми подмогу Ермаку и которые по царскому указу дали первыхъ стружниковъ для похода въ Сибирь князя Болховского въ 1584 году. И теперь указомъ отъ 3-го мая 1590 года имъ писалось: „велѣно-де у Соли Вычегодской и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ выбирать въ Сибирь на житье 30 человекъ пашенныхъ людей съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы; а на всякаго-бы человекъ по три мерины добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятеру куровъ, да по два утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь; а на подмогу имъ велѣно дати по двадцати пяти рублевъ человекъ.... и т. д.“.

Имъ-же въ 1592 году писалось: „велѣно есмя съ вашего соленого промыслу съ Орла и Чусовой въ Пермь великую для Сибирскихъ татаръ приходу сто человекъ ратныхъ людей и съ ружницами и съ луки, съ кремни и съ рогатинными и со всякимъ ратнымъ боемъ, и для тѣхъ ратныхъ людей посланъ къ вамъ Михайло Шокуровъ, а велѣно ему тѣхъ ратныхъ людей взявъ у васъ отвести въ Пермь великую и ожидать воеводѣ Микифору Траханиотову (который былъ по-

сланъ съ Москвы въ Сибирь для устройства русскихъ городковъ на рѣкахъ Лозвѣ и Тавдѣ¹⁾ и т. д. и т. д.

Въ другихъ актахъ того-же времени читаемъ какъ Московское правительство, разсылая „бирючей“ „кличь кликать, потребныхъ для новой страны служилыхъ людей и съ Москвы, и Перми великой и изъ плѣнныхъ литовцевъ и изъ выѣзжихъ черкасъ, и изъ стрѣльцовъ и казаковъ разныхъ приграничныхъ городковъ, и изъ дѣтей боярскихъ и изъ служилыхъ дворянъ и изъ мурзъ татарскихъ и изъ мѣстныхъ инородцевъ, и изъ „гулящихъ людей“ и изъ всякаго рода бывальцевъ и видальцевъ къ ратному дѣлу обычныхъ.....“. Что это были за люди, во многихъ случаяхъ, и съ какою охотою они шли на службу въ дальнюю, невѣдомую, пустынную страну, видно изъ того, что принимались они и снабжались для службы всякимъ воинскимъ доспѣхомъ не иначе какъ подъ „поручныя записи“, образцы которыхъ частью дошли и до насъ. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, прописывается: „Се азъ десятникъ Тимофей Евтихѣевъ сынъ *Пермитинъ*; да его десятка Федоръ Евсѣевъ сынъ, по прозвищу житкой *поморецъ*; да Иванъ Михайловъ сынъ *Ненокшенинъ*; да Левка Степановъ сынъ *Москвитиновъ*; да Андрей Дмитревъ сынъ *Галичанинъ*; да Федоръ Давыдовъ сынъ Шаламъ *Устюжанинъ*; да Владимиръ Калининъ сынъ Рогова, *Пермитинъ*; да Михайло Никитинъ сынъ, прозвище Пятко Опалихинъ, *Пермитинъ съ Покия*; да Михайло Захарьевъ сынъ, прозвище Зеть *Черепковецъ*; да Осипъ Яковлевъ сынъ *Даниловецъ*, поручились есмя промежь себя всѣмъ десяткомъ, десятью человекъ, другъ по другъ у сотника у стрѣльцаго у Клима Шокурова въ томъ—быти намъ на государевѣ службѣ въ новомъ городѣ Тоборѣ²⁾, на жптьѣ въ стрѣльцахъ, и государева служба служить, а не воровати, корчмы и блянди не держати, и зерню не шрати и не красти; а кто изъ насъ изъ десяти человекъ сбѣжитъ, и на насъ на поручниковъ, на мнѣ на десяцкомъ и на товарищахъ моихъ, государево жалованіе и хлѣбное, и пеня государева, а въ пенѣ что государь укажетъ, и наши поручниковы головы въ его голову мѣсто“³⁾.

¹⁾ Акты Историческ. т. I.

²⁾ Не долго существовавшемъ на р. *Лозвѣ* въ качествѣ промежуточнаго пункта между *Цельмью*, *Верхотурьемъ* и *Тюменью съ Тобольскомъ*.

³⁾ Русск. Историч. Библиотека т. II. 1875 г.

Съ еще меньшей охотой шли въ Сибирь всякаго рода „жилицкіе люди“, которымъ, какъ мы видимъ выше, приходилось тащить съ собою предметы первѣйшей для русскаго человѣка необходимости, которыхъ въ то время въ этой странѣ не было никакой возможности найти.

Изъ Наказа князю Петру Горчакову, посланному въ Сибирь для устроенія Лозвинскихъ и Тавдинскихъ городковъ, видно, до какихъ мелочей доходила заботливость руководимаго сначала Правителемъ, а потомъ Царемъ Борисомъ Годуновымъ центрального Московскаго правительства въ обезпеченіи всѣмъ необходимымъ, посланныхъ въ Сибирь на постоянную и временную службу воинскихъ и жилецкихъ людей.

За сотни верстъ везлись транспорты хлѣба, крупъ, соли, кожъ, желѣза, воинскихъ запасовъ, вина кабацкаго и церковнаго, веревокъ и разнаго рода издѣлій... Можно сказать все, отъ ложки до плошки приходилось везти съ собою... И все это дѣйствительно везлось подѣ присмотромъ воинскихъ и обязанныхъ службою земскихъ людей. По прибытіи на мѣсто всѣмъ имъ надлежало „безъ всякаго молчанія“ приступить къ исполненію возложеннаго на нихъ дѣла— „присмотрѣть подѣ городъ мѣсто гдѣ пригоже, гдѣ быти новому городу... и высмотря мѣсто, сговорясь съ воеводами (имя рѣкъ), заняты городъ и на чертежъ нанести и всякія крѣпости выписать; а сперва острогъ на томъ мѣстѣ занять и поставить и на городъ всѣми людьми всею ратью лѣсу припаста....., выкатить на рать на всю, на служилые казаки по пяти бревенъ на человѣка, и на Пермичъ и на Вымичъ и на Усольцовъ (земскихъ людей) по пятнадцати бревенъ или по 10 бревенъ, какъ будетъ пригоже“¹⁾. Потомъ— „и люди устроить и мѣста подѣ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакамъ, по тамошнему мѣсту, какъ-бы впредь было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакамъ говорить жалованное слово, чтобы они государю послужили. А которые захотятъ въ жилицы, туто изво всякихъ ратныхъ людей... ихъ переписати; и устроить туто-человѣкъ конныхъ, тѣ имъ земли помѣтивъ отдавати; а жалованіе годоваго *сулитъ* имъ: польскимъ казакамъ по 7 рублевъ, а атаману 10 рублевъ, да хлѣба по 5 четьи муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человѣку; а земли бы имъ всѣмъ

¹⁾ Русск. Историч. Библіот., т. II. 1875 г.

давати чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ и *хлѣба не возитъ*. „А лучшіе мѣста пашенные выбравъ, оставить про государевъ обиходъ до 300 четви; а впередъ та земля пахать по Государя жилецкимъ людямъ, которыхъ устроить на житье“. „Да память воеводѣ Петру Ивановичу Горчакову (держать)— велѣно послать въ Сибирь—образы и книги и колокола и все церковное строеніе; а поа въ..... новый городъ велѣно..... взять изъ Перми Углецкого; а дьякона ѣдучи въ Сибирь взять въ Ростовѣ, котораго владыка велѣлъ выбрать, а подмогу тому дьякону взять въ Сибирь съ поповъ, съ посадскихъ и съ уѣзду 40 рублей. И.... (имя рѣкъ) взявъ образы и книги и все церковное строеніе и въ Ростовѣ дьякона и подмогу, ѣхати въ Сибирь въ новый городъ.... А пріѣхавъ на Таборы (какъ и въ другіе города), какъ городъ обложить и почнуть дѣлать, и въ ту пору велѣти..... и церковь поставить *всею ратью*“.

По отношенію къ мѣстнымъ инородцамъ всегда рекомендовалось при заложеніи острожковъ „промышлять“ (воеводамъ съ товарищами), чтобы такъ или иначе заманивать къ себѣ вліятельныхъ „князьковъ, и племянниковъ (ихъ) и внучатъ и лучшихъ людей... которые самые пушіе, отъ которыхъ *смута* была. Про тѣхъ сыскавъ, переимавъ ихъ *извести*“—подобно тому, какъ мы уже видѣли при занятіи Тобольска было сдѣлано Чулковымъ съ Сейдякомъ, Карачей и Урасмахомедомъ—или выслать въ Москву „на службу Государеву“—какъ то было при Ермакѣ послѣ плѣненія царевича Маметкула и при князѣ Кольцовѣ-Масальскомъ (въ 1587 году) послѣ захвата одного изъ сыновей Кучума—Абулханра.

Рядовымъ-же „чернымъ“ инородцамъ при этомъ всегда объявлялось „государево жалованье“ съ присловьемъ „чтобы они были въ государевомъ жалованьѣ, а ясагъ сполна платили и къ городу приходили и ни о чемъ не опасались, а государева милость къ нимъ будетъ. А кто вороваль (изъ вліятельныхъ людей), надъ тѣми *потому стало*....., а до нихъ до ясачныхъ людей ничего и не въ чемъ дѣла нѣтъ и впередъ не будетъ“.

Благодаря этому, мы видимъ, что какъ въ первые годы занятія Сибири, такъ и въ послѣдующіе, всегдашними ретивѣйшими способниками русскихъ служилыхъ людей, при развѣдкахъ новыхъ земельъ и подведеніи ихъ жителей подъ вы-

сокую Царскую руку были „обезглавленные“ инородцы этой страны.

Весьма важнымъ шагомъ въ закрѣпленіи Сибири за Московскимъ государствомъ было заложение города Тары въ 1594 году въ правление Бориса Годунова. Это было, можно сказать, первымъ шагомъ русскихъ людей въ глубь Средней Азіи, хотя несомнѣнно, что и до того времени русскіе проникали не только до этого пункта, но и далѣе вверхъ по Иртышу, ибо уже въ указѣ о строеніи того-же Тарскаго города, между прочимъ, говорится — „взять на расходъ разнымъ людямъ 70 пудовъ соли и къ тому прибавку послать изъ новаго города на Тарѣ на озеро Ямышъ и велѣть соли привезти на стругѣхъ“¹⁾; то есть говорилось о посылкѣ за 700 верстъ отъ только что намѣченнаго къ возведенію города къ нынѣшнему г. Павлодару, какъ о дѣлѣ совершенно возможномъ и въ мѣстность достаточно хорошо извѣстную.

Въ составѣ служилыхъ людей, заложившихъ этотъ городъ значилось: „съ сотникомъ Стрѣлецкимъ Лодыженскимъ, московскихъ стрѣльцовъ 100 человекъ; съ другимъ сотникомъ съ Замѣтнею Шокуровымъ (помянутымъ выше при заложеніяхъ Пелыма и Тавора) 47 человекъ. Да изъ Казани и съ Уфы татаръ казанскихъ и свіяжскихъ 100 человекъ, башкирцевъ 300 человекъ, да къ нимъ дѣтей боярскихъ 4, со сту по человекъ. Да съ сотникомъ изъ Казани 50 стрѣльцовъ конныхъ, да изъ Ланшева съ тѣмъ-же сотникомъ 50 человекъ съ пицали, полонениковъ; да съ Тетюшъ съ сотникомъ съ Микитою съ Коряковымъ 50 человекъ казаковъ польскихъ. Да изъ Тобольскаго города Литвы и Черкасъ и казаковъ добрыхъ конныхъ съ вогненнымъ боемъ съ Головою Рупосовымъ 100 человекъ. Да татаръ тобольскихъ служивыхъ конныхъ съ атаманомъ съ Черкасомъ Александровымъ, да съ Головами—100 человекъ. Да изъ волостей татары ясапныхъ добрыхъ конныхъ 300 человекъ. Да пѣшихъ татаръ 150 человекъ,..... на судахъ. Да изъ Тюмени, литвы и черкасъ и казаковъ 40 человекъ. Да татаръ Тюменскихъ, Верхотурскихъ, Ондреевскихъ и Бѣлаковцевъ и Зырянцевъ у которыхъ заклады пойманы²⁾ и измѣны отъ нихъ не почашь, добрыхъ

¹⁾ Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. С.-Петербургъ, 1750 г.

²⁾ Т. е. заложники въ лицѣ болѣе знатныхъ и вліятельныхъ инородцевъ.

50 человекъ конныхъ. Да изъ Таборовъ 30 татаръ конныхъ. Да изъ Комуковъ 20 человекъ конныхъ. Да Пермичъ плотниковъ изъ Тобольскаго 30 пѣшихъ, да еще Пермичъ 20 человекъ плотниковъ“. А всего 1194 человека конныхъ и 547 пѣшихъ. Большая часть этихъ людей по возведеніи новаго острожка, была распуцна по домамъ; въ Тарѣ же оставлено не болѣе 450 человекъ добрыхъ конныхъ изъ литвы, черкасъ, казаковъ и стрѣльцовъ, часть которыхъ также на зиму была уволена за женами. Эти люди и послужили основой *новыхъ Сибирскихъ казаковъ—Тарскихъ*.

Закладывая Тару, Московское правительство (главнымъ образомъ будущій Царь и устроитель Сибири Борисъ Годуновъ), очевидно, задавалось весьма широкими планами, а именно: *во-первыхъ*, какъ неоднократно писалось первымъ Тарскимъ воеводамъ—„Кучума Царя въ конецъ истѣснить“, т. е. покончить съ этимъ беспокойнымъ властителемъ сибирскихъ пустынь, не желавшимъ признать здѣсь русской власти, не смотря на то, что къ этому времени въ Сибири были заложены уже, какъ сказано во 2-й главѣ, Тобольскъ, Тюмень, Пелымъ, Березовъ, Таборы, Сургутъ; *во-вторыхъ* — завести торговля и всякія иныя сношенія съ народами тогдашней южной Сибири и Средней Азии, для чего наказывалось: „ежели Бухарскіе и Ногайскіе купцы пріѣдутъ въ городъ Тару съ товарами, лошадьми и рогатымъ скотомъ, то тамошнимъ жителямъ имѣть съ ними свободный торгъ, обходясь съ ними дружески, привлекать ихъ черезъ то къ себѣ и по продажѣ товаровъ отпускать ихъ безпрепятственно. Ежели-же которые изъ нихъ пожелаютъ ѣхать съ товарами своими и со скотомъ въ Тобольскъ или Тюмень, то сіе имъ тоже позволять“¹⁾; *въ-третьихъ*, — открыть ближайшія посольскія сношенія съ вліятельнѣйшими изъ владѣльцевъ средне-азиатскихъ странъ— „принимая (ихъ) пословъ въ Тарѣ надлежащимъ образомъ, выслушавъ ихъ предложеніе, писать въ Москву, а ихъ самихъ отпускать назадъ въ ихъ землю“²⁾. Съ другой стороны, какъ видно изъ помянутаго предложенія о посылкѣ струговъ за солью на Ямышъ озеро (гдѣ издавна уже существовалъ родъ ярмарочнаго обмѣна товаровъ сѣвера и юга), правительство

¹⁾ Фишеръ. Сибирская Исторія. С.-Петербургъ, 1774 г.

²⁾ Фишеръ. Сибирская Исторія.

наше открывало и русскимъ людямъ широкое поле дѣятельности въ этомъ направленіи.

Дѣйствительно, Тарѣ суждено было, если не вполнѣ, то въ большей части, особенно въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, выполнить намѣченныя ей широкія правительственныя задачи.

Первое, за что принялись тарскіе воеводы,—это по цареву указу „Кучума царя истѣснять“, благо онъ самъ, слышавъ о намѣреніи русскихъ продолжать наступательное движеніе вверхъ по Иртышу, выступилъ къ нимъ на встрѣчу, пославъ впередъ сына своего Алея, въ населеннѣйшую изъ близкихъ къ русскимъ татарскихъ волостей Ялынскую, съ цѣлью отведенія ея съ наступательнаго пути русскихъ, въ ближайшее свое вѣдѣніе. Въ этой-то волости и велѣно было возвести г. Таръ на рѣкѣ Тарѣ.

Устроившись, однако же вмѣсто оказавшагося неудобнымъ для засѣленія устья р. Тары, на р. Архаркѣ, но назвавъ новый городъ все-таки, какъ предписывалось, Тарою, новый ея воевода князь Андрей Елецкій немедленно же отправилъ вверхъ по Иртышу развѣдчиковъ провѣдывать, гдѣ стоитъ царь Кучумъ и куда откочевала большая часть ялыньскихъ татаръ. Развѣдчики эти были: Гриша *Ясырь* съ 90 товарищами тюменскими и тобольскими казаками и литвою. Возвратившись въ Тару 30-го декабря съ 23-мя плѣнными оялыньцами, они объявили, что ходили вверхъ по Иртышу въ „малогородскія“ волости „до Вузюковы деревни, что на Вузюковѣ озерѣ и тѣ всѣ татарове на томъ озерѣ *ловятъ рыбу на Кучума царя...*“ Перебивъ часть этихъ татаръ, казаки подъ пыткой допросили остальныхъ и дознали при этомъ, что — „какъ-де слышалъ Кучумъ царь что идутъ наши воеводы съ воинскими людьми вверхъ по Иртышу до Ялы, города ставить, и онъ Кучумъ царь прислалъ къ нимъ сына своего Алея и велѣлъ ихъ всѣхъ забрать къ себѣ и Алей собралъ оялыньскія волости татаръ сто пятьдесятъ человекъ и отвелъ ихъ вверхъ по Иртышу на *Черный островъ*, и тутъ-де они на Черномъ острову поставили *городокъ*, и въ томъ городѣ зимуютъ; да съ ними-жъ малогородцевъ 50 человекъ... и ловятъ приходя на Вузюковѣ озерѣ рыбу на царя и посылаютъ къ царю Кучуму; а отъ царя къ нимъ люди приѣзжаютъ ежедень, а царь-де Кучумъ стоитъ вверхъ по Иртышу

межъ *двухъ рѣчекъ* одернувся *телтами*, за Омь рѣкою, пѣшимъ ходомъ днища съ два; а ходу до Кучума отъ ихъ городка отъ Чернова острова, *пѣшими* людьми не скорымъ ходомъ *днищъ съ пять или шесть*“ ¹⁾.

Узнавши, гдѣ находятся бѣглецы оялынды и самъ Кучумъ, князь Елецкій снарядилъ на поискъ за ними отрядъ въ 276 человекъ разнаго рода служилыхъ людей, подъ начальствомъ головы Бориса *Доможирова*, казацкаго атамана Казарина *Волнина* и двухъ стрѣлецкихъ сотниковъ. Отрядъ этотъ немедленно же лыжнымъ ходомъ бросился къ зимовью на Черномъ островѣ, разорилъ его, выжегъ и нагнавъ немногихъ спасшихся было отъ погрома бѣглецовъ, возвратился въ Тару съ 23-мя плѣнными кучумовцами.

Въ слѣдующемъ 1595 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, произведенъ былъ новый поискъ съ 483-ми служилыми людьми во главѣ съ тѣмъ же Доможировымъ и головою *Рупосовымъ*, въ волостяхъ Чунгулу, Лугуй, Турашъ, Тереня и др., признававшихъ до сего власть „*Ногайскаго мурзы Алея*“ ²⁾. Слѣдствіемъ этого второго поиска было признаніе названными татарскими волостями власти русскихъ, съ уплатою установленнаго ясака въ Тару и выбѣгъ на Тару же матери известнаго плѣннаго царевича *Маметкула* съ мурзою Чиномъ и 30-тью другими ближними къ нимъ татарами ³⁾.

Второй тарскій воевода, смѣнившій Андрея Елецкаго въ 1595 году, *Федоръ Елецкій же*, успѣшно продолжалъ дѣло своего предѣстника. Во главѣ съ 467-ми человекѣми служилыхъ людей, ему удалось въ 1596 году настигнуть, повидимому, самого Кучума въ городкѣ *Тунусъ*, разбить его и взять городокъ: хотя Кучумъ и здѣсь, какъ нѣсколько разъ ранѣе сего, спасся бѣгствомъ ⁴⁾.

Въ 1598 году мы видимъ Кучума кочующимъ на *Черныхъ водахъ* (несомнѣнно на рѣчкѣ Кара-сукъ въ Кулундинской степи), по прежнему будирующимъ противъ русскихъ и отводящимъ отъ нихъ цѣлыхъ семь волостей на Обь рѣку.

¹⁾ Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства.

²⁾ Повидимому, старшаго сына Кучума Алея, жеватаго на Ногайской княжнѣ.

³⁾ Мюллеръ. Царскій указъ Долгорукову отъ 26-го іюля 1703 года.

⁴⁾ Буднинскій. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ населениковъ. Харьковъ. 1889 г.

Московское правительство требуетъ отъ тарскихъ воеводъ энергическаго преслѣдованія врага. Согласно этого требованія, второй (т. е. младшій) тарскій воевода Андрей *Воейковъ*, 4-го августа того же года выступаетъ розыскивать Кучума съ однимъ татарскимъ головою, двумя атаманами, тремя боярскими дѣтьми и до 400 казаковъ, литвы и пр. служилыхъ людей. Отъ 4-го сентября онъ доносилъ въ Москву: „И августа Государь въ 10-й день послалъ я холопъ Твой въ посылку сына боярскаго Илью Беклемишева да голову татарскаго Черкаса Александрова въ волости для языковъ, которые волости отъ тебя Государя Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича всеа Русіи, *отвелъ Кучумъ Царь въ 106 году*, въ Турашскую и въ Любарскую волость. И августа въ 10-й день привели ко мнѣ изъ посылки...“ лучшихъ людей, которые сказали на распросѣ — „велѣлъ-де имъ Кучумъ Царь всемъ волостнымъ лучшимъ людямъ Курницкимъ и Турашскимъ и Любарскимъ... и Чойскимъ и Куромскимъ жить на Уби...“ ¹⁾. „Кучумъ Царь кочуетъ... *въ Черныхъ водахъ*, а въ собраньи-де и съ Кучумомъ его людей 500 человекъ, да *Бухарскихъ торговыхъ людей 50 человекъ*. И я Государь по тѣмъ вѣстямъ пришелъ на Убь озеро августа въ 15 день, и на Уби озерѣ лучшихъ волостныхъ людей поималъ *которыхъ отвелъ отъ тебя...* Кучумъ Царь въ прошломъ 106 году ²⁾ и въ распросѣ мнѣ холопу Твоему лучшеіе люди сказали про Кучума Царя: *пошелъ-де и Кучумъ Царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку*, съ дѣтьми своими и со всеми людьми гдѣ у него *хлѣбъ съянъ*; а имъ-де и велѣлъ жити на Уби озерѣ, а ясаку-де и Тебѣ... имъ давати не велѣлъ, а приказалъ-де имъ беречь своей волости Барабинскому лучшему человекъ Ескигильдею Турундаеву. И я холопъ Твой лучшихъ волостныхъ людей поималъ... И велѣлъ я холопъ Твой имъ жити *по своимъ старымъ юртамъ*; а въ Барабинскую, Государь, волость я холопъ твой послалъ сына боярскаго Илью Беклемишева да атамана Казарина Волнина. И августа Государь въ 16 день привели ко мнѣ изъ Барабинскія волости... трехъ луч-

¹⁾ Какъ пояснено будетъ ниже, Убь—озеро Убинское въ Барабинской степи.

²⁾ То-есть въ 1598 году; — бумага Воейковымъ писана 4-го сентября 107 года, т. е. 4-го сентября 1598 г.; не нужно забывать, что въ то время новый годъ начинался съ 1-го сентября.

шихъ (и 15 ясачныхъ) — и въ распросѣ мнѣ холопу твоему и съ пытки Кучумовы люди (имена) сказали: Кучумъ-де и Царь кочуетъ на Оби на рѣкѣ гдѣ у него хлѣбъ посѣянь, а въ собраньи-де и съ Кучумомъ Царемъ его людей 500 человекъ; а хочеть-де и поидти Кучумъ подѣ твой Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, городъ подѣ Тару, и на Ялынскую и на Кіардацкую волость войною вскорѣ, да и Кучумовыхъ-де и людей живетъ на Икѣ озерѣ ¹⁾ семей съ тридцать не доходя Кучумова кочевья *четыре днища*. И я холопъ твой по тѣмъ вѣстямъ послалъ на Икѣ озеро дѣтей боярскихъ (имена) да татарскую голову (имя) а съ ними 100 человекъ казаковъ и служилыхъ татаръ. И (они) Кучумовыхъ людей на Икѣ озерѣ сошли и побили, а живыхъ привели ко мнѣ пять человекъ (которые показали): Кучумъ-де и Царь кочуетъ на Оби рѣкѣ, а по нихъ еси присылалъ, чтобъ они шли къ нему собраны, а хочеть де и Кучумъ Царь идти подѣ городъ подѣ Тару, и на Ялынскую и Каурдацкую волость войною вскорѣ; а иные-де и Кучумовы люди кочуютъ отъ Кучумова кочевья *въ днищѣ въ дву днищахъ* семей съ двадцать. И я холопъ Твой послалъ дѣтей боярскихъ Мосѣя Глѣбова да Федора Лопухина да съ ними тарскихъ конныхъ казаковъ да тарскихъ юртовскихъ татаръ, а велѣлъ имъ на Кучумовы люди приходити ночью чтобъ ихъ съ вѣстью къ Кучуму Царю не упустить. И (они) Кучумовыхъ людей которые кочевали отъ Кучума въ днищѣ и въ дву днищахъ побили на голову ни одного человека къ Кучуму съ вѣстью не упустили. А самъ я Государь побиня кошъ на Икѣ озерѣ и пошелъ на Кучума царя наспѣхъ и день и ночь и станъ Кучума царя на Оби рѣкѣ *выше Чатъ три днища* на лугу на *Ормени* ²⁾ *отъ Калмаковъ въ дву днищахъ*. И пришелъ Государь я холопъ твой на Кучумъ Царя въ 20-й день, на солнечномъ восходѣ и бился съ Кучумъ Царемъ до полдень; и Божіимъ милосердіемъ и твоимъ государевымъ (имя) счастіемъ Кучума Царя побилъ, а дѣтей его царевичевъ и царицъ его поималъ и брата Кучумова...³⁾ и т. д. ³⁾.

¹⁾ Вѣроятно слѣдуетъ читать не Икѣ, а Итъ-озеро, или полное названіе Итъ-куль, т. е. Собачье озеро, находящееся въ барабѣ.

²⁾ Т. е. на р. Ирмень, впадающей въ Обь.

³⁾ *Акты историческіе*. Т. II. Отписка царю Борису Феодоровичу Тарскаго воеводы Андрея Воейкова отъ 4-го сентября 1598 года.

Изъ росписи, приложенной къ донесенію Воейкова, видно, что при окончательномъ пораженіи Кучума на Оби, были взяты пять его сыновей съ Асманакъ царевичемъ во главѣ, 8 кучумовыхъ женъ и 8-же дочерей; жена Алея съ сыномъ и дочерью — „да Канай царевича царица, Уруса князя *Ногай-скаго* дочь, съ двумя дочерьми“, не считая прочихъ лучшихъ и черныхъ людей.

Самому Кучуму удалось однако же какъ-то скрыться и всѣ поиски внизъ и вверхъ по Оби оказались тщетны.

Путь слѣдованія Воейкова съ казаками и литвою въ рѣшительный походъ 1598 года на Кучума, можно приблизительно намѣтить отъ города Тары вверхъ по Иртышу до рѣчки Тары, затѣмъ — вверхъ по этой рѣкѣ лѣвымъ ея берегомъ въ страну большихъ и малыхъ Барабинскихъ озеръ чрезъ рѣки Тартасъ, Ичу и Омь къ большому Убинскому озеру; отсюда къ Ить-кулю и не доходя до „Чать“ (такъ называлась болотисто-лѣсная мѣстность близъ нынѣшней Колывани въ низовьяхъ рѣки Чикъ, впадающей въ Обь), на юго-востокъ степью черезъ вершины р.р. Карасука и Чика на р. Ирмень, впадающую въ Обь съ лѣвой стороны. Тутъ на берегу Оби въ окрестностяхъ Ирменьскаго бора и нынѣшнихъ деревень Луговой, Верхъ-Ирменьки, Половинной и др., противъ рѣчекъ Ельцовки и Атаманки съ деревнями Завьяловой и Атаманкой и произошла битва, рѣшившая участь Кучума царя Сибирскаго. Это было 2-го августа 1598 г.

Намъ неизвѣстно существуютъ ли въ той мѣстности какія-либо преданія объ этой битвѣ и записаны ли они гдѣмъ-либо; если существуютъ, то желательно было бы обратить на это обстоятельство должное вниманіе. Названія мѣстныхъ урочищъ — Атаманово, Ельцовка, Завьялова, быть можетъ, имѣютъ историческое происхожденіе, связанное съ пребываніемъ здѣсь тарскихъ служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ были атамапы и казаки съ фамиліей Завьяловыхъ. По крайней мѣрѣ, исторически извѣстно существованіе тарскаго казацкаго головы *Завьялова*; а названіе рѣчки Ельцовки, быть можетъ, имѣетъ какую-либо болѣе или менѣе бликую связь съ фамиліей первыхъ тарскихъ воеводъ князей *Елецкихъ* „въ конецъ истѣснившихъ“ царя Кучума и загнавшихъ его на Ирмень.

Не найдя Кучума ни въ числѣ плѣнныхъ, ни въ убитыхъ, Воейковъ кинулся розыскивать его вверхъ и внизъ по Оби, по островамъ и за рѣкою. Въ донесеніи своемъ къ Царю Борису Феодоровичу по этому случаю онъ пишетъ: „А про Кучума царя Государь, языки многіе сказываютъ что Кучумъ въ Оби рѣкѣ утопъ, а иные языки сказываютъ что Кучумъ въ суднѣ утекъ за Обь рѣку и я холопъ твой плавалъ на плотѣхъ за Обь рѣку со всею твоею Государя Царя и Великаго Князя..... ратью и Кучумъ Царя за Обью рѣкою по лѣсомъ въ крѣпяхъ и по островамъ на Оби рѣкѣ искалъ и нигдѣ его не нашель¹⁾).

Пробывъ на мѣстѣ побоища пять дней и покончивъ съ остатками разбѣжавшихся по окрестностямъ кучумовцевъ, Воейковъ съ отрядомъ своимъ и съ плѣнниками отправился обратно, боясь сосѣдства *калмыковъ*, собравшихся, по слухамъ, всего въ двухъ дняхъ пути южнѣе въ количествѣ до пяти тысячъ душъ. Не пошелъ онъ и на Чать, не будучи увѣренъ въ томъ, что найдетъ тамъ Кучума и боясь съ другой стороны быстраго наступленія глубокой осени и паденія снѣга, ибо отрядъ его снаряженъ былъ по лѣтнему. На Чать имъ отправленъ былъ лишь одинъ изъ плѣнныхъ мурзь съ товарищами приведенный къ шерти на вѣрность Царю, съ наказомъ развѣдать про Кучума и, буде послѣдній найдется, убѣждать его не боясь дурна, ѣхать на Русь въ подданство Московскаго Царя. Идя обратно, Воейковъ сзывалъ отведенныхъ Кучумомъ ясачныхъ татаръ и наказывалъ имъ идти обратно на прежнія кочевья, грозя въ противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ ослушникамъ. Страхась исполненія угрозы, часть татаръ-кочевниковъ немедленно-же послѣдовала къ Иртышу за Воейковымъ и плѣнною Кучумовой семьей, часть общала прикочевать въ слѣдующемъ году (что и исполнила), часть-же, пообщавшись, такъ и осталось на новыхъ мѣстахъ; такова была, напримѣръ, Турашская инородческая волость, существующая и до сихъ поръ въ Барабѣ къ сѣверу отъ озера Чаны.

Такъ закончилось начатое еще Ермакомъ покореніе татарскаго „царства Сибирскаго“. Собственно „царства“ въ обще

¹⁾ Акты историческіе, т. II. Отписка *Воейкова* къ царю Борису Феодоровичу отъ 4-го сентября 1598 года.

принятомъ смыслѣ, какъ видно уже изъ вышеизложеннаго, не существовало, ибо нельзя назвать царствомъ сборища ничтожныхъ, малолюдныхъ кочевыхъ волостей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, безъ всякой между собою органической связи, за исключеніемъ одного властолюбиваго князька, насильно заставлявшаго себѣ платить дань эти разрозненные бродячія волости. Наболѣе сгущенное населеніе этого эфемернаго царства, до ермаковскаго разгрома, размѣщалось по нижнему теченію рѣкъ Туры, Тобола и частью по Иртышу отъ впаденія въ него Тобола до Тары. Все прочее пространство вверхъ по Иртышу до Оми и за Омью, по Барабѣ и Кулундѣ, равно какъ и верховья Ишима и Тобола составляли лишь область, большею частью, только лѣтнихъ кочевокъ тѣхъ-же татаръ и ногаевъ, сгруппированныхъ въ названныхъ прірѣчныхъ и озерныхъ мѣстностяхъ. Несомнѣнно, однако-же, что духъ и власть татарщины царила на всей этой обширной площади; масса татарскихъ (ногайскихъ) названій рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ на отмѣченномъ пространствѣ, существующихъ еще и до настоящаго времени (хотя на этихъ урочищахъ издавна живутъ уже исключительно русскіе люди), несомнѣнно это подтверждаетъ. Власть татарская или, въ частности, кучумовская распространялась и на еще болѣе слабыхъ инородцевъ нетатарскаго племени, обитавшихъ въ низовьяхъ Иртыша и Оби,—остяковъ, вогуличей, пелымцевъ, кондинцевъ, платившихъ дань Кучуму ¹⁾).

Понятно, что первымъ завоевателямъ громадной страны, какъ и впослѣдствіи во время Хивинскихъ и Туркменскихъ походовъ, приходилось бороться не столько съ людьми, сколько съ необъятными пространствами и суровою природою Сибири съ ея страшными морозами, буранами, сугробами снѣгу, громадными рѣками и рѣчками, непролазными болотами и тундрами, безпредѣльными степями, непроходимыми лѣсами, урманами и всякою бездорожицею.... Приходилось однимъ и тѣмъ-же людямъ дѣйствовать въ погонѣ за быстроходнымъ, трусливымъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ непріателемъ — „и пѣше, и конно, и лыжно и стружно“. Оставлять же этого трусливаго и безсильнаго непріателя безъ всякаго

¹⁾ См. о сѣверныхъ инородцахъ Кучумова царства статью А. Оксенова въ Томскихъ Губ. Вѣд. за 1888 г. „Сибирское царство до эпохи Ермака“.

вниманія, не подводя подъ высокую царскую руку и не приводя къ шерсти на вѣрность, было нельзя, ибо, по весьма мѣткому выраженію помянутаго боярскаго сына *Ремезова*-лѣтописца, этотъ непріятель— „*скрыто пакостяше* русскимъ и ясачнымъ зельне“—не давалъ ни воинскимъ, ни мирнымъ поселеніямъ и жителямъ, ни житья, ни покоя. Постоянно подкарауливая и набѣгая „воровски“ то на пашни, то на луга, то на скотскіе табуны, то на рыбныя ловли и одинокихъ беззащитныхъ людей, проѣзжающихъ, женщинъ и дѣтей, то на отдѣльно стоящіе хутора и замки, разоряя и сжигая ихъ до тла,—сибирскіе кочевники держали первыхъ русскихъ поселенцевъ въ постоянномъ страхѣ за свои животы. При такихъ невозможныхъ условіяхъ думать о культурномъ заселеніи страны и ея мирномъ развитіи было совершенно невозможно; нужно было во что-бы то ни стало „извести“ врага или прочитъ настолько серьезно, чтобы онъ не смѣлъ „пакостить“. И служилые люди дѣйствительно изводили и учили пакостниковъ, неустанно гоняясь за ними за сотни верстъ. Поискъ Воейкова за Кучумомъ отъ Тары чрезъ Барабу и Кулунду до Ирмени, несомнѣнно долженъ занять весьма видное мѣсто въ длинномъ ряду подобныхъ-же поисковъ казаковъ за все время нашей борьбы съ сибирскими кочевниками. Пройти съ отрядомъ въ 500 человекъ по степямъ и болотамъ съ переправами чрезъ множество болѣе или менѣе широкихъ рѣчекъ, на протяженіи не менѣе семисотъ верстъ, всего въ 16 дней, удавалось немногимъ изъ военачальниковъ; особенно если принять во вниманіе, что на всемъ этомъ пути отряду Воейкова приходилось постоянно высылать разъѣзды и легкіе отряды на поискъ „языковъ“ и для захвата всѣхъ вѣстовщиковъ, которые могли-бы предупредить Кучума о проходѣ русскихъ; что ему и удалось въ полной мѣрѣ. Совершенно неожиданно для Кучума и его сторонниковъ Воейковъ напалъ на него на солнцевосходѣ 20-го августа и „бился съ Кучумомъ Царемъ до полдня и Божіемъ милосердіемъ и Государевымъ счастіемъ, того Царя Кучума побѣдилъ“.

Захваченная въ чемъ попало семья Кучума, привезена была въ Москву въ такомъ жалкомъ видѣ и одѣяніи, что гордый и самолюбивый царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ, чтобы не компрометировать себя и все дѣло завоеванія Сибирскаго царства, не рѣшился впустить ее въ такомъ видѣ

въ столицу. Приказано было всѣхъ членовъ этой семьи, прежде чѣмъ торжественно ввезти въ Москву и показать народу, одѣть заново на казенный счетъ съ головы до ногъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, старшему изъ захваченныхъ сыновей Кучума—*Асману* даны были вновь сшитыя фезези „сукно багрець червчатъ на корсакѣхъ (корсакахъ), завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ, кафтанъ камка казылбашская (персидская), шолкъ аль и зеленъ, на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ кызылбашскій озямской камчатъ, шапка лисья черна, сапоги сафьянные желты, *рубашка*“. Царицамъ: старшей *Салтанымъ*— „шуба камка адаманка рудожелта, на куницахъ опушена атласомъ съ серебромъ, кругъ ея и по швамъ кружево, шолкъ чернъ съ серебромъ, петли шолкъ чернъ, пуговицы корольковыя“.... Другая царица *Сюйдеджанъ*: „шуба камка адаманка бѣла на пупкахъ на собольихъ, опушена атласомъ золотымъ, кругъ ея кружево и по швамъ шолкъ червчатъ да чернъ съ золотомъ, пуговицы серебряныя“ и т. д. всѣмъ прочимъ членамъ царской семьи и чинамъ свиты¹⁾.

Торжественный въѣздъ всей плененной кучумовской семьи въ Москву состоялся 17-го января 1599 года. Во главѣ поѣзда въ надлежащихъ мѣстахъ, по два въ рядъ, ѣхали главнѣйшіе виновники захвата въ плѣнъ кучумовичей: Савинъ Васильевичъ *Воейковъ* (повидимому братъ втораго Тарскаго воеводы и начальника экспедиціоннаго отряда Андрея Воейкова), дѣти боярскія Илья *Беклемишевъ*, Федоръ *Допухинъ*; казацкіе атаманы—Казаринъ *Волнинъ*, Третьякъ *Жаряной*; девять человекъ литвы, одиннадцать конныхъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ и шесть пѣшихъ казаковъ. Сами плѣнники и плѣнницы, согласно Высочайше одобреннаго церемоніала, ѣхали (взрослые порознь, а малыя при матеряхъ или подвое) въ особыхъ росписанныхъ савяхъ, запряженныхъ цугомъ и ведомыхъ на поводьяхъ особыми проводниками въ собольихъ шубахъ; „а которые ѣдутъ съ царицами (писалось въ церемоніалѣ) „и тѣмъ всѣмъ шубы надѣты *выворачивая* подпоясався—а всѣхъ будетъ ихъ въ шубахъ 50 человекъ²⁾“.

Между тѣмъ приведенный Воейковымъ къ шерсти и по-

¹⁾ *Акты историческіе*, т. II-й. Роспись пожалованнаго Государемъ Кучумову семейству платья.

²⁾ *Акты историческіе*, т. II-й. Роспись отъ 16 января 1599 г. какъ въѣхать въ Москву.

сланный въ Чаты на развѣдки о пропавшемъ Кучумѣ, Мурза Сеить Туль-Маметъ, дѣйствительно пустился въ поиски за бывшимъ своимъ повелителемъ и, на третій день, нашель его съ тремя сыновьями и тридцатью оставшимися вѣрными сторонниками въ лѣсу. По словамъ посланца, Кучумъ во время боя, пользуясь общей беспорядочною свалкою, бросился въ „судно“ и самъ-третей съ сыновьями „утекъ“ внизъ по Оби. На предложеніе Сеита смириться и послѣдовать на Русь за своею семьею, упорный Кучумъ отвѣчалъ: „Не поѣхалъ я къ Государю и по Государевѣ грамотѣ, своею волею, въ кою пору я былъ совсѣмъ цѣль, а за саблюю мнѣ теперь ѣхать къ Государю не по что; нынѣ я сталъ глухъ и слѣпъ и безъ всего живота: взяли у меня промышленника сына моего Асманака; если бы у меня всѣхъ дѣтей поймали, а одинъ-бы у меня остался Асманакъ, я бы съ нимъ еще промыслилъ; а нынѣ я *иду въ Ногаи, а сына своего посылаю въ Бухары* ¹⁾). Съ такимъ отвѣтомъ Сеить и прибылъ въ Тару 5-го октября.

Убѣдившись, что рассчитывать на поддержку кулундинскихъ и чатскихъ татаръ нечего, Кучумъ рѣшилъ, какъ онъ и говорилъ Сеиту, бѣжать въ Ногаи, гдѣ у него, повидимому, находились въ это время не послѣдовавшіе на Обь, сыновья Алей и Канаи, изъ которыхъ первый былъ женатъ на дочери Ногайскаго князя Тинъ Ахмата, а послѣдній на плѣненной русскими при Ирмени, дочери Ногайскаго князя Уруса; тамъ-же находилась и одна изъ дочерей Кучума, выданная за Ногайскаго Акъ-Мирзу ²⁾). Едва одѣтый и снабженный чатскими татарами, изъ милости, лошадьми для бѣгства, Кучумъ направился знакомымъ путемъ между р.р. Карасукъ и Бурлу, сначала на Иртышъ, а затѣмъ въ верховья Ишима и Нуры къ громадному озеру Кургальджинъ въ нынѣшней Акмолинской области (на картахъ обозначаемому обыкновенно подъ названіемъ Денгизъ), гдѣ въ это время кочевала Ногайская орда и гдѣ, повидимому, находились и Алей съ Канаемъ. По крайней мѣрѣ, какъ мы вслѣдъ за симъ увидимъ, отсюда эти царевичи производили свои набѣги на русскія и татарскія поселенія въ верховьяхъ рѣкъ Тобола, Міаса, Ницы и др.

¹⁾ *Акты историческіе*, т. II-й. Отписка Тарскихъ воеводъ отъ 17 октября 1598 года.

²⁾ *К а р а м з и н ъ*. Т. IX. примѣчаніе 658.

О бѣгствѣ къ Кургальджину упоминаетъ и Тобольскій лѣтописецъ боярскій сынъ *Ремезовъ*, прибавляя при этомъ, что первоначально Кучумъ направился вверхъ по Иртышу къ озеру Зайсанъ въ „калмыцкую землю и похитивъ у калмыковъ коней многое число и побѣжа на ино мѣсто со своими; калмыки-же гнаша во слѣдъ его и достягоша на Норъ-Ишимъ у озера Кургальчина, и ту многихъ кучумлянъ побиша и коней, свои стада отъяша и достальное имѣніе его пограбиша. Кучумъ-же бѣжа отъ нихъ съ малыми людьми въ ногайскую землю жити и кормится нищетою“. Странствіе Кучума на Зайсанъ и вообще къ калмыкамъ представляется намъ мало-вѣроятнымъ. Правдоподобнѣе дѣло объяснить такимъ образомъ, что Кучумъ во время бѣгства своего въ верхъ Ишима, натолкнулся на кочевья калмыковъ (начинавшихъ въ это время, родъ за родомъ, выдвигаться изъ Монголіи въ верховья Оби и Иртыша), и по старой привычкѣ степныхъ кочевниковъ не воздержался отъ того, чтобы воровскимъ манеромъ не отогнать часть нужныхъ ему для дальняго пути коней; и подвергся за то преслѣдованію калмыковъ. Дальнѣйшая судьба Кучума намъ мало извѣстна. Умеръ онъ, повидимому, насильственной смертію въ 1601 году, такъ какъ съ этого года, старшій сынъ его Алей сталъ именовать себя *ханомъ Сибирскимъ*. Изъ показаній спутниковъ помянутаго выше боярскаго сына Артемьева по этому поводу, между прочимъ, видно, что приѣзжавшіе въ этомъ году къ Алею и Канаю-царевичамъ въ верховья р. Абуги бухарскіе купцы съ лошадьми, передавали Канаю поклонъ отъ матери его, давно отпущенной Кучумомъ „за старость“ на родину въ бухарскій городъ Сауранъ, и предложеніе прибыть въ тотъ городъ „на княженіе“, но Канай не поѣхалъ—„для того что отца де ихъ Кучума заманивъ въ колмаки обманомъ убили... да у нихъ въ Бухарѣхъ многихъ ногайскихъ мурзъ заманивъ обманомъ, побили ¹⁾“. О томъ-же событіи сибирскій лѣтописецъ боярскій сынъ *Ремезовъ* пишетъ: „Егда-же Кучумъ со своими къ ногаямъ явился тогда ногаи ни мало потерпѣша, собрався съ роды своими, убиша Кучума и прочее имѣніе отъяша, а людей его похолопиша и глаголаша ему: вѣдомый ты и славный воръ, Муртазелеевъ сынъ, и отецъ твой намъ много зла содѣлалъ и ты

¹⁾ Русская историческая библиотечка, томъ II, ст. № 99.

хотя и нищъ, тоже и намъ учинишь, что и протчіе твои люди отъ тебя-же убиты и озлоблены“. Противорѣчіе этого послѣдняго сказанія съ показаніемъ спутниковъ Артемьева, намъ кажется, можно примирить предположеніемъ, что вѣмощный тѣломъ, но не падавшій никогда духомъ, Кучумъ и послѣ Воейковскаго погрома въ Барабѣ, не успокоился: съ толпою добровольцевъ изъ ногайцевъ онъ видимо кинулся съ верховьевъ Абуги и Ишима искать счастья и сторонниковъ на Сыр-Дарью, въ Сѣверный Туркестанъ, давнее гнѣздо всякаго рода искателей вольной добычи киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ и бродячихъ калмыковъ—джунгаръ; но вмѣсто поддержки и счастья, нашель себѣ смерть въ средѣ неустойчивыхъ въ своихъ симпатіяхъ хищниковъ.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ видно, что въ 1600 году, четверо изъ уцѣлѣвшихъ сыновей Кучума—Алей, Канай, Азимъ и Кубей-Муратъ кочевали въ только что помянутыхъ верховьяхъ р. Ишима около озера Кургальджина въ Акмолинской области и далѣе на сѣверо-западъ въ вершинахъ р. Тобола, совместно съ немногими своими приверженцами и ногайскою ордою. Наученные неудачею отца своего въ борьбѣ съ русскими, они первое время вели себя чрезвычайно осторожно и не разъ даже засылали въ Тюмень, Тобольскъ и Уфу посланцевъ съ самыми мирными предложеніями; даже младшій изъ братьевъ отданъ былъ при этомъ въ атаманы. Но уже въ 1605 и 1606 годахъ эти мирныя сношенія перешли во враждебныя и царевичи не разъ производили, болѣе или менѣе удачныя набѣги на русско-ясачныя поселенія по Тоболу, Турѣ и Міясу.

Этимъ начались тѣ, тянущіеся чрезъ все XVII и первую половину XVIII столѣтія набѣги на Юго-Западную Сибирь (южные уѣзды Тобольской и Цермской губ. и восточные Оренбургской), которые производились сначала подъ знаменемъ кучумовичей, а потомъ и безъ всякаго змении и предлога, ногайцами, калмыками, башкирами и казачьей ордою (киргизами).

Въ первые годы XVII столѣтія, насколько о томъ можно судить по развѣдкамъ казаковъ и другихъ служилыхъ людей, набѣги производились почти исключительно ногайцами: родственные имъ башкиры еще не успѣли сдѣлать имени своего памятнымъ для тогдашнихъ сибиряковъ, почему упоминаніе о

нихъ мы изрѣдка лишь встрѣчаемъ въ донесеніяхъ сибирскихъ служилыхъ людей того времени; калмыки только-что стали выдвигаться изъ предѣловъ нынѣшней Монголіи въ Кулундинскія, Иртышскія и Ишимскія степи. Вся сѣверо-восточная часть нынѣшней Акмолинской области, Павлодарскій и Каркаралинскій уѣзды Семипалатинской области, представляли сплошныя пустыни, не занятыя никѣмъ. О киргизахъ, нынѣ обитающихъ въ этихъ мѣстностяхъ или „казакахъ“, какъ они долго назывались русскими (и какъ они сами себя именуютъ до сихъ поръ), въ показаніяхъ и донесеніяхъ тогдашнихъ сибирскихъ служилыхъ людей нигдѣ не упоминается; очевидно, ихъ совсѣмъ здѣсь не было.

Болѣе положительныя данныя о киргизахъ или „казачьей орды“ того времени мы встрѣчаемъ лишь въ памятникахъ сношеній самого Московскаго правительства съ азіатскими народами. Еще въ 1534 году посланный въ ногайскую орду Иваномъ Грознымъ служилый человекъ Данило Губинъ, доносилъ царю: „А казаки Государь сказываютъ добре сильны, а сказываютъ Государь Ташкенъ воевали и Ташкенскіе царевичи сказываютъ съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали“. Въ 1569 году посланный къ тѣмъ-же ногайцамъ Семень Мальцевъ писалъ о нападеніи на ногайскіе улусы на Яикѣ „казацкія орды“ Акъ-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича. Очевидно, „казацкая орда“ того времени давала себя знать болѣе западу, чѣмъ востоку, хотя и въ западномъ направленіи, она далеко не доходила до тѣхъ границъ, у которыхъ мы ее видимъ теперь. „Книга большаго чертежа“, составленіе которой относится къ 1600 году, мѣстомъ главныхъ киргизскихъ кочевій указываетъ среднее теченіе рѣки Сыръ-Дарьи и мѣстности, лежащія сѣвернѣе ея на 600 верстъ“, въ верховьяхъ р. Сарысу и окрестностяхъ горъ Улу-тау.

Въ годъ прихода Ермака въ кучумовскую или Туринско-Тобольско-Ишимскую Сибирь (1582 г.) въ только что названныхъ мѣстахъ древнихъ кочевокъ киргизъ или казачьей орды, происходили событія не меньшей важности; здѣсь разыгралась одна изъ памятливейшихъ драмъ въ исторіи Средней Азіи: разгромъ знаменитымъ Бухарскимъ ханомъ *Абдуллою*, при помощи киргизъ, исконнаго своего врага *Баба-Султана*, или такъ называемый Улутавскій походъ въ нынѣшнюю Акмо-

линскую область. Преслѣдуя врага по пятамъ, Абдулла до-
ходилъ, по выраженію его панегириста-историка, до „пре-
краснѣйшаго изъ всѣхъ мѣстъ Дешты-Кипчака“—Улу-Тау;
передовые-же полки его подъ начальствомъ казакскихъ *Ши-
гай-Хана* и сына его *Тевекель*-султана заходили далеко даль-
ше въ страну мангитовъ (ногайцевъ), въ верховья р.р. Ишима
и Тобола. На рѣкѣ „Саукъ“ произошла рѣшительная битва,
въ которой самъ Баба-Султанъ и виднѣйшіе изъ его сторон-
никовъ погибли, войска-же Бухарскаго хана побѣдоносно
возвратились во-свои. Киргизскій ханъ Шигай и его сынъ
Тевекель, были осыпаны ханскими милостями, съ предостав-
леніемъ въ пользованіе ихъ многихъ земель и города Турке-
стана.

Не болѣе какъ хитростью, рассчитанною на незнаніи рус-
скими положенія дѣлъ въ Джиты-Кипчакѣ, слѣдуетъ, послѣ
этого, объяснить посольство Тевекеля въ 1594 г. въ Москву
съ предложеніемъ яко-бы вступить съ казачьею ордою въ
русское подданство, на условіи возврата захваченнаго въ плѣнъ
подъ Тобольскомъ племянника его Уразъ-Магомета.

Послѣдующія событія еще болѣе усилили значеніе „ка-
зачьей орды“ въ Средней Азійи и передвинули ея интересы
отъ нынѣшнихъ киргизскихъ степей еще далѣе къ югу.
Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ хищническихъ
набѣговъ на сѣверныя страны осѣдлаго Турана, Тевекель въ
1598 году (въ годъ окончательнаго пораженія Кучума на
Оби), пользуясь тѣмъ, что монархія грознаго Абдуллы послѣ
его смерти, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, стала рас-
падаться на части, съ нѣсколькими мелкими владѣльцами во
главѣ, кинулся съ многочисленнымъ войскомъ изъ разныхъ
племенъ сѣвернаго Турана и узбековъ, въ самый центръ
Средней Азійи, быстро подчинивъ себѣ Ахсы, Андижанъ, Таш-
кентъ и Самаркандъ. Оставивъ здѣсь брата своего Ишима
съ 20.000 человекъ, самъ Тевекель съ 80.000 человекъ
двинулся къ самой Бухарѣ, гдѣ въ это время было не болѣе
15.000 войска. Упорное сопротивленіе защитниковъ Бухары,
вскорѣ заставило стянуть сюда всѣ силы „казаковъ“, кото-
рые, простоявъ въ окрестностяхъ Бухары нѣсколько мѣся-
цевъ и разграбивъ массу осѣдлыхъ бухарскихъ поселеній,
удалились къ Туркестану и Ташкенту, гдѣ они съ этого вре-
мени на долго водворяются, живя на счетъ трудолюбиваго

покореннаго осѣдлаго народа ¹⁾. Занятія было ордою степи Джиты-Кипчака, какъ показано въ книгѣ Большаго Чертежа, съ этого времени надолго остаются почти впустѣ, какъ это мы узнаемъ въ послѣдующихъ главахъ изъ показаній бывавшихъ здѣсь въ XVII столѣтїи сибирскихъ казаковъ.

Немудрено, послѣ этого, что ни въ донесенїяхъ, ни въ распросахъ сибирскихъ служилыхъ людей конца XVI и начала XVII столѣтїя, мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстїй о нынѣшнихъ киргизахъ или „казакской ордѣ“. Сибирь и даже нынѣшнія киргизскїя степи, въ то время не интересовали киргизъ: всѣ ихъ интересы сосредоточивались на благодатномъ, густо заселенномъ югѣ. Даже Ногаи съ присоединившимися къ нимъ сибирскими кучумовичами, не смотря на только что потерянное послѣдними вытѣсненїе изъ давно насиженныхъ мѣстъ въ Ишимскихъ, Тобольскихъ и Иртышскихъ степяхъ, присматривались къ дѣламъ юга или Средней Азїи не меньше, чѣмъ къ пустынной Сибири. Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ, какъ сказано выше со словъ боярскаго сына Артемьева, что и Кучумъ, явившись послѣ Воейковскаго погрома въ Ногаи, не отказался отъ попытки поискать счастья на томъ-же югѣ, во владѣнїяхъ только что распавшагося къ тому времени государства Абдуллы. Совершенно вѣроятенъ и другой разсказъ Артемьева о предложенїи пустопорожняго княженїя сыну Кучума Канай-царевичу, мать котораго была бухарскаго владѣтельнаго рода, гдѣ и проживала. Сообщение тобольскихъ и туринскихъ татаръ и ногаевъ съ сѣвернымъ Туркестаномъ и Бухарою (черезъ верховья Тобола, Абуги, Ишима, мимо оз. Кургальджинъ, Улутавскихъ горъ, по рѣкѣ Сары-Су) было издавна проторено. О родственныхъ связяхъ бухарскихъ владѣльцевъ съ владѣльцами ногайскими, киргизъ-казачьими и сибирско-татарскими, интересующїеся могутъ найти подробныя свѣдѣнїя въ обстоятельномъ изслѣдованїи *Вельяминова-Зернова* о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ и позднѣйшихъ статьяхъ г. *Оксенова* о сибирскомъ царствѣ до эпохи Ермака.

Упомянутое сибирскихъ лѣтописей: Ремезовской о томъ, что Кучумъ пришелъ въ „Сибирь“ — „отъ казачьей орды со

¹⁾ Вельяминовъ-Зерновъ. Изслѣдованїе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Т. II (стр. 297—400). Вambeри. Исторїя Бухары. Т. II (стр. 44—46).

многими вой“ и Строгановской, что онъ явился „изъ степи съ поля“ долго служило доказательствомъ того, что самъ Кучумъ былъ родомъ киргизъ-казакъ. Это мнѣніе поддерживалъ и извѣстный исторіографъ казачьей орды Левшинъ. Послѣднія болѣе точныя изысканія по этому вопросу убѣждаютъ, однако-же, что помянутыхъ выраженій лѣтописцевъ нельзя толковать въ сказанномъ смыслѣ. Кучумъ несомнѣнно не былъ „казакѡмъ“ и если при сверженіи имъ Бекбулата съ княженія на устьѣ Тобола въ Кашлыкѣ, Искерѣ или „Сибири“ и участвовали степные татарскіе „казаки“, то это можетъ служить лишь указаніемъ на то, что въ предъ-кучумовскую эпоху, разбойническія вольныя ватаги всякаго рода средне-азіятскихъ выходцевъ, носившія сборное имя „казаковъ“ бродили по Сары-Су, Тургаямъ, Кенгирамъ, въ окрестностяхъ Кургальджина значительно сѣвернѣе тѣхъ мѣстъ, которыя значатся ихъ главнымъ обиталищемъ по „книгѣ Большаго Чертежа“, откуда они, какъ мы выше сказали, въ концѣ XVI столѣтія, увлекаемые открывшеюся обильною добычею въ городахъ сѣвернаго Туркестана, откочевали далѣе на югъ къ Сыръ-Дарьѣ.

ГЛАВА IV-я.

РУССКІЕ ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ РѢКЪ ОБСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОИСКИ ВОДНЫХЪ ПУТЕЙ ВЪ ИНДІЮ И КИТАЙ.

Заложеніе Обдорска, Нарыма, Мангазѣи, Туринска и Томска.—Смутное время въ Сибири.—Борьба съ кучумовичами, ногаями и калмыками на Тоболѣ и его притокахъ.—Калмыки на Камышловскихъ озерахъ и р. Оми.—Первыя развѣдки верховьевъ Иртыша и соляныя экспедиціи къ Ямышъ-озеру.—Указъ Царя Михаила Феодоровича о заложеніи острога при устьѣ р. Оми.—Заложеніе Кузнецка.—Поиски истоковъ р. Оби и водныхъ путей въ Индію и Китай.—Экспедиція казака Ивана Петлина.

Укореняясь и устраиваясь въ новой странѣ, шагъ за шагомъ, Московское Правительство вслѣдъ за Тюменью, Тобольскомъ, Тарою и другими городками, помянутыми въ предшествующихъ главахъ, основало въ Сибири въ 1595 году—Обдорскій острожекъ на Оби; въ слѣдующемъ 1596 году Нарымъ, на той же Оби и Кеть. Въ 1600 году Мангазѣю на р. Тазь—главномъ тогдашнемъ центрѣ промысла пушнинаю, Туринскъ и въ 1604 году—Томскъ, заложанный казацкимъ письменнымъ головою Писемскимъ, командированнымъ сюда изъ Сургута.

Все это были городки и острожки самой сѣверной лѣсистой и болотистой части Сибири, богатой пушнинаю и обитаемой наиболѣе мирными инородцами. Укореняясь здѣсь, русскіе въ первое время весьма мало думали о движеніи на югъ въ нынѣшнюю степную и горную Сибирь съ ея благодатными залежами пахатнаго чернозема и рудными богатствами. Ни залежи эти, ни рудныя богатства еще не были извѣстны; да и обитатели Сибирскаго юга являлись далеко не тѣми безобидными сѣверянами, каковы были остяки, самоѣды, вогуличи, пелымцы и проч. Несомнѣнно, русскіе долго бы еще держались исключительно звѣроловческаго сѣвера и

сѣверо-востока Сибири, если бы не два, главнѣйшимъ образомъ, обстоятельства, понуждавшія ихъ не только не терять изъ вида югъ страны, но и постепенно подвигаться въ этомъ направленіи далѣе и далѣе. Обстоятельства эти были: съ одной стороны оборона южныхъ границъ звѣропромышленнаго сѣвера Сибири отъ вторженій южныхъ кочевниковъ ногаевъ, саянско-кузнецкихъ киргизъ, калмыковъ и „казачьей орды“, а съ другой — желаніе не дать западнымъ иноземцамъ проникнуть сибирскими рѣками въ баснословно-богатые Китай, Бухару и Индію раньше русскихъ. Чередуюсь одно съ другимъ, или же воздѣйствуя совмѣстно, оба эти обстоятельства непрестанно побуждали русскихъ людей проникать на югъ гораздо далѣе того, чѣмъ это требовалось интересами занятія собственно Сибири, какъ страны всякаго рода пушнины.

Не знаемъ, какъ бы пошла дѣла при благополучномъ царствованіи перваго устроителя Сибири царя Бориса Феодоровича Годунова, такъ какъ ему не суждено было довести до конца свои широкія начинанія... Преждевременная кончина царя и его преемника — сына, а затѣмъ самозванщина и смутное время на Руси, надолго остановили естественный ходъ культурнаго развитія русскаго государства. Тоже самое отразилось и на Сибири, ибо какъ ни отдаленна была она отъ своей зауральской метрополи, и какъ ни труденъ былъ путь отъ Москвы до сѣверныхъ инородческихъ пустынь Сибири и обратно, но охватившая въ началѣ XVII столѣтія всю Русь „смута“ сказала и въ этомъ далекомъ краѣ. Правда, роль русскихъ людей вообще и служилаго казачества въ сибирской смутѣ была совсѣмъ не та, что по западную сторону Урала, гдѣ „вольное“, „воровское“ казачество открыто стало въ ряды враговъ Московскаго государства; здѣсь, въ Сибири, волновались, можно сказать, почти исключительно инородцы, вознамѣрившіеся, пользуясь постоянными перемѣнами правительства на Москвѣ и междуцарствіемъ — „быть себѣ царствомъ какъ было при Кучумѣ царѣ“. Сибирскимъ казакамъ въ смутную эпоху приходилось думать и хлопотать не о своихъ вольностяхъ, а о сбереженіи, такъ сказать, собственной шкуры, которой угрожала серьезная опасность отъ поднявшихъ голову инородцевъ. Не о внѣшнихъ, также, приобрѣтеніяхъ думалось и тогдашнимъ здѣшнимъ воеводамъ, а лишь объ отстаиваніи занятыхъ русскими позицій въ новой

странѣ какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Время было трудное. Просматривая даже тѣ немногіе изъ архивныхъ документовъ того времени, которые дошли до насъ не уничтоженными, мы то и дѣло наталкиваемся на донесенія, рисующія ненадежность положенія русскихъ въ обширной инородческой странѣ. Въ одномъ, на примѣръ, документѣ читаемъ показаніе служилаго человѣка о томъ, — „что хотять-де Вогуличи въ Сибирскихъ городѣхъ воевать: чѣмъ-де намъ на Русь идти войною, мы и здѣсь воюемъ въ Сибирскихъ городѣхъ...“¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ читаемъ — воеводы жалуются на недостатокъ служилыхъ людей, такъ какъ — „служилые люди по городамъ въ разсылкѣ въ Мангазеѣ и въ Сургутѣ для *измѣннаго дѣла*“; въ третьемъ документѣ повѣствуется какъ казаки, ѣдучи за сборомъ ясака, находятъ у Сосвинскихъ остяковъ стрѣлу, — „а на стрѣлѣ нарѣзаны одиннадцать шайтановъ и поперегъ шайтановъ рѣзано-жь“. Стрѣла эта, какъ оказалось на допросѣ, разсылалась изъ конца въ конецъ отъ однихъ инородцевъ къ другимъ, какъ символъ призыва ихъ къ борьбѣ съ русскими (шайтанами, перерѣзанными на стрѣлѣ пополамъ); въ четвертомъ мѣстѣ читаемъ челобитную Березовскихъ казаковъ о пожалованіи ихъ за то, что они два мѣсяца отсиживались въ своемъ острожкѣ отъ окружившихъ его со всѣхъ сторонъ „въ великомъ множествѣ“ инородцевъ, ровъ копали и во рву острогъ ставили и городъ крѣпили и Божіею милостію отсидѣлись, многихъ воровъ переимали и т. д., и т. д. И не одному Березову въ то время приходилось, будучи въ осадѣ, отсиживаться и „быть въ великомъ береженіи“; отсиживались и гонялись за измѣнниками кетскіе казаки въ 1605 году; сургутскіе въ 1606 году; въ 1609 году, татары, вогулы и остяки пытались разрушить Тюмень; въ 1612 году вогулы осаждали и поджигали Пелымъ. Даже самъ, такъ сказать, стольный Тобольскъ не разъ былъ въ большой опасности. Нечего говорить уже о такихъ окраинныхъ городкахъ, какъ Томскъ и Тара, гдѣ приходилось биться какъ съ внутренними, такъ и съ внѣшними врагами.

Первыми воспользовались затруднительностью положенія смутнаго времени, какъ и слѣдовало ожидать, кучумовичи съ

¹⁾ Русская историческая бібліотека. Т. II-й. 1875 г. № 100, столб. 285.

поддерживавшими ихъ татарами или ногаями разныхъ наименованій, а затѣмъ присоединившимися къ нимъ калмыками, все болѣе и болѣе подвигавшимися съ юга къ сѣверу нынѣшнихъ Аymoлинской и Тургайской областей и Томской губерніи. Изъ показаній командированныхъ для развѣдокъ изъ Тобольска, Тюмени и Уфы служилыхъ людей, видно, что въ первые года XVII столѣтія Кучумовы дѣти держались все болѣе верховьевъ р. Тобола и его притоковъ, откуда и производили болѣе или менѣе частые набѣги на подчинившихся русской власти тюменскихъ татаръ. Старшій, унаслѣдовавшій титулъ царя или хана, Алей, кочевалъ совмѣстно съ тестемъ своимъ ногайскимъ княземъ Урусомъ сѣвернѣе впаденія въ эту рѣку лѣваго ея притока Уя (т.-е. частью въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи и частью въ Бурганскомъ округѣ, Тобольской губерніи); Канай и Азимъ (Азій) — южнѣе въ верховьяхъ праваго притока Тобола — Абуги совмѣстно съ табынцами, поддерживавшими этихъ кучумовичей. Табынцы, по показаніямъ тѣхъ же служилыхъ людей, были собственно Башкиры, составившіе одну или нѣсколько волостей, подвѣдомыхъ сибирскимъ ханамъ-царямъ. По словамъ помянутаго въ третьей главѣ боярскаго сына Гаврилы *Артемьева*, во время бытности его въ 1601 году, въ посольствѣ къ Кучумовымъ дѣтямъ, въ Каратабынскую башкирскую волость — „пришли двадцать семей башкирцевъ, съ жонами и дѣтьми; а бывало-де онѣ прежь сего тое-жь Каратабынскія волости есапные-же башкиры *были съ Кучумомъ*“¹⁾. Последнее показаніе служить косвеннымъ подтвержденіемъ приводимаго въ извѣстномъ трудѣ Рычкова²⁾ показанія башкирскаго старшпны Алдара, что „*башкирскій народъ изстари былъ одинъ съ ногайцами* и жилъ около сибирскихъ границъ, гдѣ они отъ сибирскихъ хановъ великія раззоренія претерпѣвать принуждены“, — вслѣдствіе чего часть ихъ, снявшись съ своихъ мѣстъ, ушла на Яикъ, Каму и Волгу и только часть „еще будучи подъ именемъ ногаевъ“, осталась на прежнихъ мѣстахъ жительства, получивши отъ ушедшихъ ногайцевъ ругательное прозвище „Башкуртъ“, т.-е. главный волкъ или воръ“³⁾.

¹⁾ Русская историческая бібліотека. Т. II, стр. 24.

²⁾ Топографія Оренбургская. С.-Пб. 1762 г. ч. I, стр. 82—83.

³⁾ Если переводъ названія „башкиръ“ совсѣмъ необходимымъ для бродячаго человѣка прозвищемъ „главный волкъ“ или „воръ“ не есть излишняя, а быть можетъ и цензурная скромность Рычкова, то слово это вѣрнѣе пе-

Въ такомъ состояніи достались они сначала казанскимъ и сибирскимъ ханамъ, раззорившимъ ихъ въ конецъ, а затѣмъ приняли подданство русскихъ. Участіе Табынскихъ волостей въ борьбѣ Кучума и его дѣтей съ русскими показываетъ, что и въ началѣ XVII столѣтія башкирцы еще невольнѣ освободились отъ владычества уже павшихъ сибирскихъ хановъ. Даже въ 1623 году, какъ видно изъ показаній одного служилаго татарина, младшій сынъ Кучума царя, Ишимъ, кочевавшій на р. Уй, ходилъ въ Уфимскія волости — „старыхъ своихъ людей табынцевъ сыскивати“¹⁾.

Судя по немногимъ, дошедшимъ до насъ, отрывочнымъ цифровымъ даннымъ, нужно думать, что численность сосредоточившагося къ тому времени на Tobолѣ съ его верхними притоками татарско-ногайско-башкирскаго населенія, была еще болѣе ничтожна, чѣмъ населенность только-что разсѣянаго русскими сибирско-татарскаго царства по Иртышу, Ишиму, Оми и въ Барабѣ. Tobольскимъ, тюменскимъ и тарскимъ служилымъ посланцамъ нашимъ и казацкимъ небольшимъ партіямъ, розыскивавшимъ и гонявшимся за кучумовичами и ихъ сторонниками, приходилось по цѣлымъ недѣлямъ рыскать, не видя ни одного человѣка и проходить по нѣскольку сотъ верстъ, чтобы то тамъ, то здѣсь натолкнуться на жилье или проѣзжихъ. При этомъ оказывалось, что, напримѣръ, Канай и Азимъ царевичи расположились зимовать въ верховьяхъ Абуги въ дубровѣ, всего со 150 табынцами, а лошади у нихъ ходятъ отъ зимовья въ полднищѣ; Алей ханъ расположился на Tobолѣ ниже впаденія Абугана съ немногими татарами и зырянцами, численностью всего въ 300 душъ; тесть его Урусъ стоитъ на Уѣ и Тагизакѣ съ „великими силами“ въ 500 душъ, а по другимъ въ 700 душъ, ногайцевъ и башкирцевъ Уфимскаго или Бѣло-воложкаго края; братъ Уруса Казій съ дѣтьми и прочими ногайскими силами до 7.000 душъ кочуетъ въ странѣ по верховьямъ Яйка, Уя, Исети и Міаса. Вотъ и все. Замѣчательно, что, занимая со столь ничтожнымъ населеніемъ пространство бо-

ревести болѣе обиднымъ словомъ башъ — голова, киръ — дѣтородный членъ. Тогда выйдетъ названіе башкиръ, однозначущее съ руганью — „членова голова“ или „членоголовый“.

¹⁾ Какъ извѣстно, Табынскіе волости и до сихъ поръ существуютъ въ Башкиріи; точно также, какъ часть сибирскихъ тюменскихъ татаръ (нолаевъ) долго составляли особую Башкирскую волость.

лѣе чѣмъ въ 250 т. квадратныхъ верстѣ въ самомъ благодатнѣйшемъ и плодороднѣйшемъ краѣ всей сѣверо-западной Сибири, гдѣ теперѣ ютятся двухмилліонное населеніе, тогдашніе сибирскіе кочевники считали свое экономическое положеніе до крайности стѣсненнымъ, и, напримѣръ, Алей и Канай съ Азимомъ, имѣя при себѣ, какъ сказано, до 500 душъ, кочевали и зимовали порознь „для того, что имъ живучи вмѣстѣ прокормица не чѣмъ“; мало того: они вынужденными находились время отъ времени посылать къ бывшимъ своимъ данникамъ башкирамъ вѣрныхъ улусныхъ людей — „просить у башкирцевъ одежды и кормы“ — какъ о томъ писалъ посланный для развѣдокъ боярскій сынъ Артемьевъ ¹⁾).

Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, кучумовичи, конечно, не могли сколько-либо серьезно думать объ отмщеніи русскимъ за отцовскій разгромъ, и хотя въ Тюмени и Тобольскѣ то и дѣло получались вѣсти о сборахъ ихъ напасть съ большими силами на Тюмень, тѣмъ не менѣе нападений сколько-либо значительныхъ не было, и первыя пять лѣтъ новаго столѣтія прошли лишь въ угрозахъ съ одной стороны и „непрестанномъ береженіи отъ прихода воинскихъ людей“ — съ другой, да въ посылкахъ развѣдчиковъ и посланцевъ для переговоровъ съ обѣихъ сторонъ, пока съ юго-востока къ кучумовичамъ не подошло совершенно неожиданно подкрѣпленіе въ видѣ скопищъ *калмыковъ*.

Мы уже ранѣе изъ донесеній Тарскаго воеводы *Воейкова*, съ пути въ поискахъ за Кучумомъ, видѣли, что всего въ двухъ днпцахъ отъ мѣста послѣдняго побоища съ Кучумомъ на Оби, въ 1598 году расположились пришедшіе съ юга калмыки въ пяти тысячахъ душъ. Не ограничившись занятіемъ этихъ мѣстъ, они, тѣснимые съ одной стороны Алтынъ-ханомъ монгольскимъ, а съ другой обуреваемые междоусобіями, съ все болѣе и болѣе прибывающими силами, родъ за родомъ стали подвигаться къ сѣверу и сѣверо-западу нынѣшнихъ Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областей и Барабы.

Въ 1606 году впервые Тарскій воевода *Сила Гагаринъ* донесъ о появленіи калмыковъ въ Тарскомъ уѣздѣ. Съ этого года улусы ихъ одинъ за другимъ появляются на Оми, по

¹⁾ Русская историческая бібліотека. Т. II. стр. 99.

Камышлову, на Ишимѣ и Тоболѣ. Безсильные въ противо-дѣйствіи столь могучему переселенческому потоку, ногаи съ удѣлѣвшими отъ русскаго разгрома кучумовичами частью передвигаются еще далѣе на сѣверо-западъ, въ верховья Яика и южные отроги Уральскаго хребта, къ Общему-Сырту, частью присоединяются къ пришельцамъ и общими съ послѣдними силами начинаютъ тѣснить какъ подвластныхъ русскимъ ясачныхъ инородцевъ, такъ отчасти и самихъ русскихъ, особенно подъ Тарою и Тюменью. Русскіе, въ свою очередь, ясно сознавая, съ одной стороны, свою крайнюю малочисленность, а съ другой—неустойчивость положенія, вспомнившихъ о Кучумѣ царѣ сѣверныхъ инородцевъ, находившихся по отношенію къ южному фронту дѣйствій русскихъ въ тылу, дѣйствуютъ чрезвычайно осторожно, высылая на встрѣчу неожиданнымъ пришельцамъ, смотря по обстоятельствамъ, то развѣдчиковъ, то посланцевъ, то вооруженные отряды. Развѣдчики, казачьи атаманы и боярскія дѣти, доносили, что калмыцкіе люди, большіе и малые тайши „идутъ съ старыхъ кочевницъ отъ Алтыновыхъ людей и мугальцевъ (монголовъ); а кочуютъ-де тѣ Алтыновы люди у Иртышскихъ у соляныхъ озеръ, а калмыцкіе тайши съ своими улусами людьми на Камышловѣ *рыкъ*, что „промежъ Иртыша и Ишима и тутъ-де у нихъ скотъ ѿ животь“ и между Омью и Чаны озеромъ, и на Ишимѣ и на Абугѣ ¹⁾, гдѣ передъ этимъ, какъ мы видѣли, только что кочевали ногаи. А калмыцкій-де большой тайша Каракула ходилъ „къ Алтыну царю войной, а людей съ нимъ ходило 4000 и улусъ-де у Алтына царя повоевалъ и полону взялъ много, и взявъ-де пошелъ назадъ; и Алтынъ-де царь послалъ на переемъ къ тому Каракулѣ тайшѣ 4000 людей и 3000 сзадѣ, и у тайши-де Каракулы людей всѣхъ побилъ и Каракула ушелъ съ сыномъ... ²⁾. Что Ишимъ-де царевичъ вмѣстѣ съ калмацкими тайшами (породнившись съ однимъ изъ послѣднихъ), кочуетъ на Ишимѣ. А наряжаются-де они вновь войною на мугальскихъ людей, а женъ и дѣтей своихъ и скотъ и животь отсылаютъ на Камышловъ. Похваляется-де Ишимъ царевичъ, что-де и русскіе городки отъ нихъ не

¹⁾ Донесеніе тюменскихъ воеводъ Михайлы *Долнорукаго* и Юрья *Редрикова*.

²⁾ Показанія коннаго казака Куземки Толмачева. Русск. Историч. Библ. т. II.

уйдутъ, что „*Сибирскіе-де казаки отца его Кучума извели, а братью его Алея и Азія разорили* и ему-де Ишиму приходится за то на государевы города войною“¹⁾ и т. д.

Русскіе посланцы въ отвѣтъ на то говорили тайшамъ и царевичамъ царское жалованное слово: „чтобы тѣмъ тайшамъ быти подъ Его царскою рукою, и на государевой-бы землѣ тайшамъ не кочевати, царскихъ вотчинъ на Оми и Камышловѣ не зорити; на государевы волости войною не приходити и на звѣровыи звѣровщиковъ не побивати, не грабити, и п тайшамъ-бы на томъ Государю шерть держати по своей вѣрѣ“²⁾. А тайши Бобуга да Казенекъ, да Казанаръ имъ отвѣчали: „мы тайши кочуемъ на своей землѣ, а не на Государевѣ, а подъ Государевой рукою мы не хотимъ быти, хотимъ-де съ Государевыми людьми воеватца“ и т. д. И шли то подъ Тюмень, то подъ Тару. А русскіе люди въ свою очередь гонялись за кучумовичами, ногайцами и калмыками. Извѣстно, напримѣръ, что при тобольскомъ воеводѣ Матвѣѣ Годуновѣ учинено было два похода; одинъ подъ начальствомъ казачьяго атамана Дружины *Юрьева* въ мартѣ 1607 г., послѣ разграбленія кучумовичами Кынурскаго городка, а другой подъ начальствомъ головы Назарья *Изединова* въ іюлѣ того-же года на Ишимъ, въ то время, какъ царевичъ Алей съ братомъ Азимомъ громили тарскихъ ясачныхъ инородцевъ, причемъ Дружиной Юрьевымъ была захвачена мать Алеева, а Изединовымъ захвачены на становищѣ близъ лѣса *Шамши-Караай* Алеева жена съ двумя сыновьями, двѣ жены Азимовы съ дочерьми и др. знатные полоненники. Извѣщенные о нападеніи, царевичи, оставивъ Тару, быстро кинулись въ погоню за Изединовымъ, но безуспѣшно; плѣнники перевезены были въ Тюмень и въ слѣдующемъ году отправлены въ Москву, кружнымъ путемъ на Вологду и Новгородъ. такъ какъ прямое сообщеніе съ столицей, окруженною поляками и сторонниками втораго лже-Дмитрія, было прервано. Изъ Новгорода плѣнники были доставлены въ Москву съ войсками князя Скопина-Шуйскаго.

Мстя за похищеніе семействъ своихъ родственниковъ. отецъ плѣнной Алеевой жены, помянутый выше не разъ

¹⁾ Показанія служилого челоѣка Васылъ Трубачева.

²⁾ Донесеніе боярскаго сына Дмитрія *Черкасова* съ спутниками казаками Лазаремъ *Васильевымъ* п Офонькой *Тобанакъ*.

ногайскій мурза Урусъ съ сторонниками также кинулся подъ Тюмень и, не доходя до нея всего 20-ти верстъ, на Пышмѣ разграбилъ всѣ русскія и инородческія ясачныя поселенія. Затворившіеся въ началѣ въ Тюменскомъ острогѣ русскіе служилые люди, убѣдившись, что силы Уруса не такъ велики, какъ предполагалось въ началѣ, вышли изъ острога и подъ начальствомъ помянутаго выше казацкаго атамана Дружины *Юрѣва* погнались за грабителями, настигли ихъ за Исетью, побили и возвратили полонъ¹⁾.

Умѣстно будетъ сказать здѣсь о той роли, которая, благодаря умѣлой политикѣ тогдашняго русскаго правительства, выпадала при подобнаго рода экспедиціяхъ на долю только что покоренныхъ мѣстныхъ татаръ. Обласканные русскими властями и одаренные царскимъ жалованьемъ, эти инородцы весьма часто являются самыми ревностными помощниками русскихъ людей въ подведеніи непокорныхъ аборигеновъ страны подъ высокую царскую руку. Въ одномъ изъ актовъ того времени мы, на примѣръ, читаемъ относительно только что изложенныхъ событій Царскій указъ Тюменскому воеводѣ князю Корподинову о заслугахъ татарскаго служилаго головы Маитмаса Ачокматова, который „служить намъ (царю) въ Сибѣри больше 30 лѣтъ, какъ и Тюменскій городъ сталъ (1586 г.); и какъ де былъ на Тюмени воевода Василій Сукинъ и посланы были съ Тюмени на царя Кучума служивые люди и юртовскіе тюменскіе татаровя, и какъ де на той службѣ намъ служилъ, убилъ трехъ мужиковъ да дву живыхъ взял; и послѣ того голова Алексѣй Безобразовъ посылалъ съ Тюмени станицу для воинскихъ людей тюменскихъ казаковъ и татаръ 20 человекъ, и онъ де у Алея царя взял пзъ улуса языка. Да при Алексѣѣ-же де Безобразовѣ ходили тобольскіе и тюменскіе казаки и татаровя зимою на калмацкихъ людей, и въ томъ походѣ въ улусѣ убилъ онъ тайшу, а его ранили въ руку; да при бояринѣ и воеводѣ при Матвѣѣ Михайловичѣ Годуновѣ ходили тобольскіе-же и тюменскіе казаки и татаровя войною на Алея царя и съ Алеемъ де царемъ у нихъ было дѣло, и на томъ де дѣлѣ взял онъ Алееву матеръ; при бояринѣ-же и воеводѣ при Матвѣѣ Ми-

¹⁾ Сиб. Ист. Миллера. т. II. Ежемѣсячн. сочин. къ пользѣ и увес. служ. С.-Пб. 1755 г. Русск. Истор. Библіот. т. II, № 115.

хайловичѣ приходили подъ Тюмень городъ войною ногайскіе люди и повоевали въ Тюменскомъ уѣздѣ наши ясачные волости и бояринъ де Матвѣй Михайловичъ Годуновъ посылалъ съ Тюмени за тѣми ногайскими людьми казаковъ и татаръ и съ тѣми ногайскими людьми было у нихъ дѣло, и на томъ де дѣлѣ убилъ онъ ногайскихъ людей семи человекъ да дву живыхъ взял; да при бояринѣ-же де при Матвѣѣ Михайловичѣ Годуновѣ какъ ходили съ Тюмени на царя Алея голова Назарей Изединовъ, и въ томъ де походѣ взялъ онъ Алееву жену, да дву царевичей Алеевыхъ дѣтей; да при бояринѣ-жъ де при Матвѣѣ Годуновѣ въ прошломъ 121 г. (1613 г.) ходили изъ Тюмени зимою на калмацкихъ людей съ тѣми калмацкими людьми было у нихъ дѣло, и на томъ де онъ дѣлѣ бился и взялъ улускаго мужика; да въ прошломъ-же де въ 124 году какъ измѣнили намъ тюменскіе терсяцкіе волости ясачные татарове и за тѣми-де татары, посланъ былъ съ Тюмени атаманъ Степанъ Молчановъ, а съ нимъ была литва и конные казаки и татаровя, и съ тѣми-де измѣнниками была у нихъ драка и онъ-де на той дракѣ убилъ, взялъ ясачнаго татарина и т. д.“

Интересно сравнить эту послужную выписку съ такою-же приведенною во 2-й главѣ относительно многосторонности послугъ казацкаго тюменскаго атамана Григорья Иванова, сподвижника Ермака.

Въ то время, какъ Тюмень отбивалась отъ Ногаевъ, поддерживавшихъ сыновей и внуковъ знаменитаго сибирскаго царя Кучума, а Тобольскъ, Березовъ, Пелымъ, Мангазья и другіе сѣверные города усмиряли вогуличей, пелымцевъ и остяковъ, Тара выдерживала главный напоръ калмыковъ, родъ за родомъ, и улусъ за улусомъ занимавшихъ признаваемые за русскія урочища по Камышлову, Оми и Иртышу сѣвернѣе Омскаго устья.

Мирные переговоры объ отступленіи калмыковъ дальше отъ занятыхъ русскими мѣстъ ни къ чему не привели и изъ Тары пришлось командировать для отгона калмыковъ воинскія команды. На самой р. Оми въ двухъ дняхъ отъ ея устья устроенъ постоянный такъ называемый Барабинскій караулъ, изъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ, наряжавшихся туда погодно. На правомъ русскомъ берегу, по одному изъ позднѣйшихъ калмыцкихъ показаній, нашему посланцу *Уртюмову*,

въ видѣ граничнаго знака вырѣзанъ былъ даже на одномъ изъ отдѣльно стоящихъ деревьевъ воинъ на лошади въ полномъ вооруженіи ¹⁾.

Но ни этотъ воинъ, ни Барабинскій острожекъ на Оми, ни малолюдные воинскіе поиски за хищниками, ни посольскіе переговоры, какъ оказалось, не могли привести къ полюбовному разграниченію русскихъ сѣверянъ съ калмыками-южанами. Въ 1611 году послѣдніе, почувствовавъ за собою силу, дошли даже до того, что не пропустили въ степь русскія мелкія команды, шедшія на озера для добычи соли въ потребность населенія г.г. Тары, Тобольска и др.

Пришлось прибѣгнуть къ посылкѣ болѣе значительныхъ соляныхъ отрядовъ. Въ 1613 г. первая такая большая команда въ нѣсколько сотъ человекъ тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ казаковъ была сформирована подъ начальствомъ ротмистра—казацкаго атамана Барташа *Станиславова* и благополучно прослѣдовала на досчанникахъ вверхъ по Иртышу до самаго оз. Ямышъ, 450 верстъ южнѣ устья р. Оми, и, нагрузившись солью, такимъ-же порядкомъ возвратилась въ Тару. Съ этого времени подобныя же экспедиціи стали снаряжаться на Ямышъ почти ежегодно, хотя и нельзя сказать, чтобы всегда съ столь-же хорошими результатами. Въ одинъ разъ эти воинскія экспедиціи, сопровождаемыя обыкновенно и торговыми людьми изъ русскихъ и бухарцевъ, встрѣчались весьма дружелюбно: калмыки помогали русскимъ въ выломкѣ соли, открывали торгъ или обмѣнъ русскихъ произведеній на произведеніе кочевниковъ; но въ иной разъ кончались и открытыми вооруженными столкновеніями. Бывали случаи, что русскіе советѣмъ уходили безъ соли.

Особенно яркими противниками всякихъ дружескихъ сношеній съ русскими были кучумовичи (сыновья и внуки бывшаго царя Сибирскаго), которые, породнившись съ калмыцкими тайшами, и здѣсь, на Иртышѣ, подобно тому, какъ мы видѣли на Ишимѣ и Тоболѣ, будировали противъ исконныхъ враговъ своего знаменитаго дѣда. Такимъ образомъ, начатыя было тайшами *Баатуромъ*, *Орлекомъ* и *Туренемъ* въ 1615 г. переговоры о мирѣ съ русскими, окончились ничѣмъ, благодаря вмѣшательству извѣстнаго царевича Ишима, который, кочуя

¹⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Дѣло о посольствѣ Угрюмова.

въ это время около Семи палатъ (близъ нынѣшняго города Семипалатинска), и принявъ послѣ смерти старшаго своего брата Алея титулъ Сибирскаго Царя, не постѣснился въ сношеніяхъ съ нашими служилыми посланцами прибѣгнуть къ обычной коварной измѣнѣ, имѣвшей для этихъ посланцевъ самыя печальныя послѣдствія.

Чтобы наказать предателей, въ 1618 году съ нашей стороны, подъ начальствомъ Алексѣя Вельяминова *Воронцова*, снаряжена была въ степь серьезная военная экспедиція, закончившаяся сильнымъ пораженіемъ названнаго царя и его сторонниковъ гдѣ-то въ верховьяхъ р. Ишима. Въ числѣ богатой добычи захвачено было болѣе 70-ти навьюченныхъ всякимъ добромъ верблюдовъ, часть которыхъ осталась въ Тарѣ, а часть (большая) черезъ Тобольскъ была въ качествѣ рѣдкостныхъ трофеевъ доставлена ко двору въ Москву¹⁾.

Съ этого времени мысль о включеніи озера Ямышъ въ районъ безспорныхъ и постоянныхъ русскихъ владѣній вверхъ по Иртышу дѣлается постоянною; особенно послѣ того, какъ въ 1624 году начальникомъ соляной экспедиціи къ Ямышу тобольскимъ казацкимъ атаманомъ *Грозою Ивановымъ* совместно съ товарищемъ его, уже не разъ помянутымъ выше, боярскимъ сыномъ *Дмитріемъ Черкасовымъ*, были привезены въ Тобольскъ образцы наломаннаго въ 30-ти верстахъ къ югу отъ Ямышева (въблизи нынѣшняго казачьяго поселка на Иртышѣ Лебяженскаго) *алебаstra*, принятаго въ первое время за слюду.

Какъ только о такой находкѣ было получено извѣстіе въ Москвѣ, такъ немедленно-же присланъ въ Тобольскъ приказъ добыть той „слюды“ еще и подлинно провѣдать, нельзя-ли въ тѣхъ мѣстахъ построить русскій острожекъ для охраны соляного озера и другихъ мѣстныхъ богатствъ, буде таковыя откроются.

Исполненіе этого порученія возложено было на тѣхъ-же атамана *Грозу Иванова* съ *Черкасовымъ*, которые въ 1626 году между прочимъ писали, что они-де „приѣхавъ къ соляному озеру Ямышу разѣзжали и разсматривали у озера по обѣ стороны и по Иртышу вверхъ и внизъ мочно-ли ли у того озера Ямыша острогъ поставить, чтобы былъ у крѣпостей и

¹⁾ Фишеръ, Сиб. Ист. кн. II, отд. втор.

чтобъ было угодно и пашни и сѣнные покосы и лѣса и рыбныя ловли къ тому острогу были близко или не близко и въ колькихъ верстахъ и мочно-ли тѣ пашни государевымъ людямъ, которые въ томъ острогѣ будутъ пахать и сѣна косить и лѣсъ сѣтчи и рыбныя ловли ловить, и не будутъ-ли отъ калмацкихъ людей государевымъ людямъ какія тѣсноты и порухи и съ калмацкими людьми мочно-ли будетъ торговати и и какіе товары“. Таковъ былъ данъ имъ наказъ выше.

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго донесенія атамана Грозы *Иванова* съ его товарищемъ. Вотъ что, на примѣръ, писали наши развѣдчики объ окрестностяхъ оз. Ямыша. „А около озера соляного и прѣснаго прилегла степь, чистое мѣсто, земля, песокъ, а трава на степи растеть типецъ, не велика въ вершокъ. А противъ соляного пристанища за рѣкою займище, а за займищемъ протока, а за протокою степь, чистое мѣсто, а земля песокъ, а трава тоже типецъ. А займищъ вверхъ по Иртышу лѣсныхъ мѣстъ въ лодкѣ ѣхать два днища; а внизъ по Иртышу займищъ лѣсныхъ мѣстъ по обѣ стороны много; а лѣсъ въ займищахъ топольникъ, а иного никакого лѣбу нѣтъ“ и т. д.

„А сѣнныхъ Государь покосовъ опричь займищъ нѣтъ; а по займищамъ и по лѣсомъ, по край рѣки межъ таловъ и межъ топольнику и ветельнику травы добыть мочно и то не на великъ скотъ“.....

Про пашни писалось: „А пашни пахати у соляного озера и вверхъ по Иртышу по обѣ стороны Иртыша отнюдь нельзя, и хлѣбъ не родится, потому что земля песокъ и трава не растеть; а внизъ по Иртышу пахотныхъ мѣстъ черной земли до Оми рѣки нѣту; а отъ Оми рѣки ходу до соляного пристанища большими судами вверхъ по Иртышу 4 недѣли“ и т. д.

— „А рыбной ловли въ рѣкѣ въ Иртышѣ и въ прѣсномъ озерѣ мочно быть; въ томъ государевымъ людямъ нужи не будутъ, только бы калмацкіе люди не учинили какой тѣсноты“.

— „Калмацкіе торги будутъ-ли и прибыль Его Царскому Величеству будетъ-ли, про то невѣдомо, потому что съ колмаки не по вся годы мы ходячи къ Ямышу озеру выдаемъ и торгуемъ, и калмацкіе люди приносятъ продавать лисиченки красныя польскіе, и бобришка и корсаки, и

овчины и тулупы овчинные, а больши того рухлядь не многая; а большихъ товаровъ никакихъ нѣту, только продають много лошадей и рогатаго скота; а купя лошади рогатый скотъ въ города проводить страшно, отъ нихъ-же отъ калмацкихъ людей. А только-бы острогу у Ямыша озера будетъ надобно, людей надобѣ въ этомъ острогѣ въ вогненнымъ оружіемъ съ пять сотъ человекъ, и нарядъ (пушки) съ ними надобе-жь, потому что около Ямыша озера кочуютъ калмаціе люди многіе и обереганіе отъ нихъ держати надобе“¹⁾.

При сказкѣ грозы Иванова и Черкасова приложены были особо чертежъ и роспись, до насъ, повидимому, не дошедшіе или теперь утраченные.

Донесеніе атамана Грозы Иванова по полученіи въ Москвѣ было тщательно рассмотрѣно, соображено и доложено Государю Михаилу Федоровичу. О результатѣ этого доклада, на оборотной сторонѣ воеводскаго донесенія по сему написано: „Государь слушалъ и указалъ писать въ Тобольскъ къ воеводамъ: по тому ихъ высмотру и по допросу острогу жилого у соленого озера ставить не велѣлъ, потому что они пишутъ отъ тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ мѣстъ нѣтъ, и пашни завестъ и хлѣба на служилыхъ и на жилецкихъ людей напахать негдѣ и всякихъ угодій мало и лѣсу хороннаго нѣту, и съ калмацкими людьми чайтъ небольшого и въ томъ острогѣ прибыли чайтъ мало. И они-бъ воеводы впредь посылали по вся годы на Ямышъ озеро ратныхъ людей и судовъ по соль передъ прежними годы съ прибавкою, чтобы соли нагрѣвать предъ прежнимъ съ прибылью и промыслятъ о томъ, смотря по тамошнему дѣлу какъ-бы Государю было лучше и прибыльнѣе“.

Такъ и было исполнено; мысль о возведеніи острога на Ямышѣ озерѣ временно оставлена, а составъ соляныхъ экспедицій усиленъ. Но при этомъ сильнѣе, чѣмъ до сего времени выяснилось и неудобство столь дальнихъ ежегодныхъ плаваній, безъ какого-бы то ни было промежуточнаго между Тарою и Ямышевымъ опорнаго пункта и базиса для склада всякаго рода запасовъ, на случай зазимованія и вообще обезпеченія сношеній съ столь отдаленнымъ пунктомъ. Возникла мысль объ устройствѣ передоваго для всей при-Иртышской

1) Русск. Историч. Библиот. т. VIII.

стени опорнаго пункта или острожка при устьи Оми, въ мѣстности, за которую уже давно было признано, выражаясь по современному, стратегическое значеніе въ смыслѣ узла для всевозможныхъ начинаній какъ для защиты, такъ и нападеній.

Въ 1628 году, въ виду неоднократныхъ нападеній калмыковъ на ясачныя тарскія волости и выяснившейся безуспѣшности погони за ними отъ самой Тары, тамошніе воеводы Шаховской и Кайсаровъ били Государю челомъ, что впредь для государевыхъ непослушниковъ калмыцкихъ людей безъ острожку вверхъ по Иртышу быти не мочно и рекомендовали для этого устье Оми, „гдѣ у калмацкихъ людей черезъ Иртышъ перевозъ“ — и всякихъ угодій довольно и пашенныхъ людей устроить можно и на подмогу тѣмъ, что ходятъ ежегодно на Ямышъ озеро, ратныхъ людей и запасы содержать тоже можно.

Въ Москвѣ къ этому послѣднему предложенію отнеслись чрезвычайно сочувственно, особенно послѣ того, какъ посланные туда съ Тары казачій голова *Назарій Жадовскій* и конные казаки Безсонко *Учужниковъ* съ товарищами заявили, что „на устьѣ рѣки Оми острогъ поставить мочно, мѣсто хорошо и лѣсу близко много“ — что „только-де на томъ Омскомъ устьѣ острогъ поставивши, изъ того-де острогу оберегати наши ясачныя волости мочно и перевозъ черезъ Иртышъ на Омскомъ устьѣ у калмацкихъ людей отняти мочно и ясачнымъ людемъ будетъ береженье великое отъ калмацкихъ людей“; что, поставивши острогъ на устьѣ Оми, можно будетъ снять другой, имѣющійся на Оми Барабинскій острожекъ, служба въ которомъ затруднительна и сношеніе съ нимъ не всегда возможно.

Въ царскомъ указѣ тобольскимъ главнымъ воеводамъ, по поводу представленія *Шаховскаго* и *Кайсарова*, данномъ 31-го августа 1628 года, наказано: — по тщательной провѣркѣ тарскими воеводами и казаками, поставить на Омскомъ устьѣ острогъ. — „А какъ служилые люди тотъ острогъ поставятъ и крѣпостми укрѣпятъ и вы-бѣ на Омское устье на пашню велѣли послать крестьянъ изъ пашенныхъ изъ ближнихъ городовъ, откуда пригоже, что-бѣ пашни завести, а сѣмена велѣли послати изъ Тобольска или откуда будетъ ближе“.

Къ сожалѣнію, этому благому указу Царя Михаила Федоровича съ его разумно намѣченною колонизаціею средняго и верхняго Иртыша, не суждено было осуществиться ранѣе какъ черезъ 88 лѣтъ, при внуцѣ его Петрѣ 1-мъ и при томъ далеко не на тѣхъ раціональныхъ началахъ, какъ предполагалось въ 1628 году. Возникшія въ 1629 году и въ послѣдующіе года волненія въ средѣ калмыковъ и нашихъ пограничныхъ ясачныхъ инородцевъ, пытавшихся съечь самую Тару (какъ о томъ будетъ подробно сказано въ послѣдующихъ главахъ), а затѣмъ возникновеніе сильнаго Джунгарскаго царства, поставившаго себѣ сѣвѣрною гранью ту-же рѣку Омь, вынудили тобольскихъ и тарскихъ воеводъ отложить заложеніе острога при Оми на неопредѣленное время. Но мысль о необходимости такого предпріятія, какъ оказывается, съ того времени уже никогда не покидала мѣстныхъ сибирскія власти, до самаго осуществленія его въ дѣйствительности въ 1716 году. На извѣстномъ Ремезовскомъ чертежѣ сибирской земли въ концѣ XVII столѣтія мы видимъ отмѣтку противъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ Омскъ: „*Край калмыцкой степи пристойно вновь быти городу*“.

Одновременно съ этимъ особенно сильно давали себя чувствовать дѣла на юго-востокѣ тогдашней Сибири, въ нынѣшнемъ Кузнецкомъ краѣ, гдѣ очутившіеся въ сосѣдствѣ съ русскими „киргизы“ стали нападать на наши новыя поселенія въ окрестностяхъ Томскаго острога, такъ энергично, какъ нигдѣ въ другой части Сибири.

Съ первыхъ-же дней основанія Томска русскіе почувствовали, что они вторглись въ страну обитаемую народомъ стойкимъ и готовымъ энергично отстаивать свою независимость. Нападенія на Томскій острогъ слѣдовали одно за другимъ; скоть, выгоняемый въ окрестности города немедленно-же отгонялся „киргизами“; пашни вытаптывались, земледѣльцы и ихъ семьи умыкались въ горы ¹⁾.....

Послѣ ряда стычекъ съ „киргизами“ — томскіе воеводы, въ цѣляхъ огражденія города отъ постоянныхъ нападеній съ юга, вынуждены были въ 1618 году выдвинуть передовый опорный пунктъ внутрь Кузнецкаго края въ верховья р. Томи.

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ киргизъ, бывшихъ обитателей Саяно-Кузнецкаго края, съ нынѣшними обитателями степей киргизъ-кайсаками: и по племени и по своей исторіи они имѣютъ мало общаго.

Это былъ Кузнецкъ, заложенный казацкимъ головою Молчаномъ *Лавровымъ*. Не дешево досталось намъ это заложеніе. Просматривая дошедшіе до насъ письменные акты того времени, мы то и дѣло встрѣчаемъ челобитныя томскихъ и кузнецкихъ казаковъ, на то, какъ они—не щадя живота своего Кузнецкихъ людей покоряли; какъ прійдя въ кузнецкую землю „на Обинскій улусъ, Божіею милостію и Государевымъ счастьемъ измѣнниковъ кузнецкихъ (киргизъ) воевали, городокъ у нихъ взяли и князковъ лучшихъ взяли на дракѣ живыхъ. И сотникъ стрѣлецкій Иванъ Пущикъ и казачей атаманъ Бажень *Костянтиновъ* ихъ холопей государевыхъ пятьдесятъ человекъ посылали на другихъ государевыхъ измѣнниковъ въ Сарачеры, и Божіею милостію тамъ улусъ повоевали, сарачерскаго князъка лучшева взяли и привели къ городамъ къ сотнику стрѣлцкому къ Ивану Пущику, да къ атаману Бажену *Костянтинову*“. Или въ другомъ актѣ читаемъ какъ они, казаки, — „холопи государевы Государю служили на дракѣ съ государевыми измѣнниками явственно бились. И генваря въ 15-й день тѣ государевы измѣнники Кузнецкіе люди собрався со многими людьми съ калмыками тысячъ съ пять и больши, и ихъ холопей государевыхъ, тѣ измѣнники въ городкѣ осадили и къ городу многими приступы приступили, и сидѣли они (казаки) отъ нихъ въ осадѣ десять недѣль, и голодною смертію помирали. И прося у Бога милости изъ городка на вылазку выходили и съ тѣми измѣнниками бились явственно; и Божіею милостію и Государевымъ счастьемъ тѣхъ измѣнниковъ на дракѣ побили и князковъ и лучшихъ людей взяли на дракѣ живыхъ“. Въ третьемъ актѣ того времени читаемъ: „Быютъ челомъ холопи Государевы дальние отчины изъ Сибири Томскаво города конные стрѣльцы и казаки и литва и цѣшіе казаки... во всѣхъ своихъ товарищей двусотъ тридцати человекъ. Служимъ мы холопи Государевы..... всякіе царскіе службы зимніе и лѣтніе, лѣтомъ о дву конь и въ проѣзжіе станицы и зимніе погоды и дальние послышки на лыжахъ недѣльпо 10 и по 15-ти, и голодъ и нужду всякую тершимъ, и съ голоду Государь и съ ознобу помираемъ на царскихъ службахъ, а..... хлѣбнаго жалованья намъ холопемъ государевымъ преже сего съ Руси приходило въ наши оклады на прошлые годы четь муки по пяти пудъ съ четью и по семи пудъ съ четью, а крупъ и толокна по томужъ. А

нынчи Государевъ запасъ приходитъ малъ, четь муки по три пуда и по четыре, а крупъ четь и толокна по томужъ; и намъ холопамъ Государевымъ съ женишками и съ дѣтишками прокормиться нечѣмъ, Царскаго хлѣбнаго жалованья на годъ не доставаетъ“.....—Далѣе читаемъ: „Въ прошломъ Государь въ 122 году (1614 г.) подѣ Томской городъ войною твои Государевы измѣнники киргизскіе и ясашные люди и служивыя татаровя багасарскія и казымскіе и Чулымскіе и Мелесскіе и Керекулы и Кузнецкіе люди войною и отогнали Государь у насъ холопей твоихъ лошадей и коровъ и многихъ служивыхъ людей казаковъ побили и твой Государь (казенный) хлѣбъ и казачей на сланѣ выжгли и вытоптали..... и насъ холопей твоихъ послали на твою Царскую службу и на твоихъ Государевыхъ измѣнниковъ на Кузнецкихъ людей войною. И Божіею Государь милостію и твоимъ Государевымъ счастіемъ Кузнецкихъ людей побили и доставленные, Государь, Кузнецкихъ людей привели подѣ Твою Царскую высокую руку къ шертѣ, и теперь Государь кузнецкіе люди тебѣ Государю служить и пряматы и ясакъ съ себя платятъ и заклады у нихъ въ городъ пойманъ“.....

Или еще: „Да насъ-же Государь холопей Твоихъ лѣтомъ посылаютъ твои Государевы воеводы на отѣзжіе караулы и въ проѣзжую станицу человекъ по 30, по 40; а живемъ Государь на отѣзжемъ караулѣ и въ проѣзжей станицѣ недѣль по десять и по пятнадцати; а пѣшихъ Государь казаковъ посылаютъ за льдомъ (т. е. по проходѣ весенняго льда) въ Тобольскъ противъ (т. е. за) твоея Государевы денежныя казны и хлѣбныхъ запасовъ человекъ по сороку и по пятидесяти; а наймемъ Государь противъ твоихъ Государевыхъ запасовъ въ Тобольскѣ рубли по четыре и по пяти; а ходили Государь въ Тобольскъ недѣль по двадцати и по тридцати. Да и насъ-же Государь холопей твоихъ посылаютъ въ Чаты къ Мурзамъ и къ Томскимъ татарамъ на обереженіе отъ черныхъ и бѣлыхъ калмыковъ человекъ по двадцати и по тридцати. И мы Государь холопи Твои съ твоея Государевы службы и зиму и лѣто не бываемъ; лѣтомъ Государь по отѣзжимъ карауламъ и въ проѣзжую станицу ѣздимъ и у татаръ по городкамъ для береженія живемъ и въ Тобольскъ Государь съ весны до осени для твоихъ Государевыхъ запасовъ ѣздимъ. Зимой насъ холопей твоихъ, твои Государевы воеводы по

землямъ и по городкамъ разсылають для твоего Государева ясаку и мы Государь холопи твои на твоихъ Царскихъ службахъ голодь и нужду терпимъ и въ подъемахъ Государь намъ холопомъ твоимъ убытки великіе ставятца; а насъ Государь въ Томскомъ городѣ служилыхъ людей немного всего двѣсти тридцать четыре человекъ“ и т. д. просьба о прибавкѣ служилыхъ людей и хлѣбнаго жалованья.

Одновременно съ этимъ на долю тѣхъ-же томскихъ и езунецкихъ казаковъ, можно сказать, съ первыхъ-же дней ихъ образованія, выпала зарубежная развѣдочная служба за Саянскимъ хребтомъ въ Монголіи и Китаѣ. Развѣдки эти вызвались съ одной стороны необходимостью имѣть вѣрныя свѣдѣнія о подвигавшихся изъ за Саянъ и Алтая въ нынѣшнія при-Обскія и при-Иртышскія степи калмыкъ и одномъ изъ болѣе видныхъ ихъ самостоятельныхъ владѣльцевъ Алтынъ-Ханѣ, а съ другой общеустановившимся въ то время, какъ у насъ на Руси, такъ и въ Западной Европѣ мнѣніемъ, что великими сибирскими рѣками, слѣдуя вверхъ по ихъ теченію, можно проплыть не только въ Китай, но и въ издавна служившую приманкою для всѣхъ государствъ богатую Индію.

Первымъ изъ русскихъ людей перевалившимъ „за Камень“ въ страну монголовъ былъ тарскій казакскій атаманъ Василій *Тюменецъ*, съ десятникомъ Иваномъ *Петровымъ*, бывшіе у Алтынъ-Хана Монгольскаго въ 1616 году. Фишеръ въ своей исторіи Сибири приводитъ довольно подробную выписку изъ отчета этихъ посланцевъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими за время слѣдованія къ „Золотому Царю“ и пребыванія у него ¹⁾. Такъ, между прочимъ, пишутъ они: „изъ киргизъ мы Васько да Ивашко ѣхали до Золотова Царя конемъ мѣсяць; а ѣхали мы отъ киргизъ десять денъ каменными горами (Саянскими) и бывали палаты (т. е. палаты, постройки), а нынѣ то мѣсто пусто. Имъ Васькѣ и Ивашкѣ про тѣ палаты сказывали, что де тутъ живали Китайскіе и Золотова Царя люди. А къ Золотому Царю мы Васько да Ивашко пришли за недѣлю до Дмитріевской субботы (т. е. до Дмитрія Солунскаго — 26 октября); а жили у Царя восемь денъ, а царь золотой отпустилъ насъ отъ себя въ Митревскую субботу. А какъ шли мы къ Золотому Царю, проѣхали трои снѣжныя

¹⁾ „Алтынъ“ въ переводѣ значить—золотой; Ханъ—Царь, владѣлецъ.

горы; а гдѣ Царь кочуетъ тутъ снѣгъ и зима не бываютъ; а наѣхали мы Золотова Царя у озера а имя, ему тому озеру Убса“.

Не останавливаясь на подробностяхъ донесенія нашихъ посланцевъ, скажемъ лишь о томъ, что приняты они были Алтынъ-Ханомъ съ должнымъ уваженіемъ и много угощаемы. Исполняя свою посланническую миссію, Тюменецъ и Петровъ, не упускали случая провѣдать чрезъ Алтыновскихъ людей и о дальнихъ странахъ, и о мѣстныхъ обычаяхъ. „А избы у него (т. е. Алтынъ-Хана)—писали Васько да Ивашко, полстяные, а кочуетъ де на верблюдахъ. А бой у Золотова Царя лучшей. И были де у Золотова Царя иныхъ государствъ люди, и про тѣ де государства, они Васько да Ивашко спрашивали. И они имъ сказывали, есть де у нихъ Китайское государство, и Царь де у нихъ есть, а имя ему Тайбынь. А Китайское государство стоитъ на край губы морской (т. е. Желтаго моря и Пичилійскаго залива); а городъ де кирпичной, а около де городу ходу конемъ десять день (Пекинъ?). А бой де у нихъ въ Китайскомъ государствѣ пищали и пушки. А подъ Китай де приходятъ суды большіе парусами, а на нихъ де люди торговые, а на суднѣ де человѣкъ до двѣсти и по триста. А платя де они (китайцы) носятъ съ бухарской статьи. Ходу де до Золотова Царя до Китая конемъ мѣсяць; а рѣкъ де большихъ нѣтъ, а мѣсто де ровное, а горъ нѣтъ..... Да были у Золотова Царя Топинскаго (Японскаго?) государства люди, и они Васько да Ивашко про то Топинское государство спрашивали, а они имъ сказывали, что у нихъ-де Топинскомъ государствѣ два царя (духовный и свѣтскій?), а города у нихъ каменные и деревянные; а бой въ Топинскомъ государствѣ пищали и пушки.... да Калханскаго царя люди (т. е. одного изъ Халхасскихъ монгольскихъ владѣльцевъ) сказали имъ, что у нихъ царь есть, а царство де у нихъ кочевное, а кочуютъ на верблюдахъ, также какъ и Алтынъ-царь кочуетъ; а бой у Калханскихъ людей лучшей....“

Когда Алтынъ-хану переданы были казаками отъ Московскаго Царя Михаила Феодоровича подарки и сказано Царское милостивое слово—„Золотой Царь и жолтова царя (Манчжурскаго?) князь Кошучукъ говорили:—„рады де мы бѣлому великому Государю служитьи и прями“. И на томъ Государю шертвовали и вѣру утвердили по своей бусорманской вѣрѣ,

подымали на руки чесно своего бога и со всѣмъ Кутухтинымъ крылосомъ. И послѣ того Царь-Золотой намъ сказалъ про Кутухту— „то де у насъ по нашей вѣрѣ святой, а присланъ-де онъ отъ Кута изъ Лабинскаго государства (т. е. отъ Далай-Ламы); а какъ де тотъ Кутухта родился, и онъ де грамотѣ умѣлъ, да жилъ де онъ отъ рожденія своего три годы, да умеръ; да лежалъ-де онъ въ земли пять лѣтъ мертвъ, да ожилъ-де, да опять по старому и грамотѣ умѣть сталъ, людей своихъ по старому сталъ знать, а у того Кутухты по своей вѣрѣ боги ихъ и кононика и книги“ и т. д. и т. д.

Ограничиваясь этимъ въ выпискахъ изъ показаній казакаго атамана Тюменца съ десятникомъ Петровымъ, скажемъ, что возвратились они назадъ не одни, а съ таковыми-же посланцами отъ Алтынъ-хана ¹⁾.

Посольство этихъ двухъ казаковъ однако-же мало видимому удовлетворило любознательность сибирскихъ воеводъ и Московскаго правительства, хотя въ общемъ добытыя ими свѣдѣнія по тому времени нельзя не признать довольно обстоятельными.

Въ слѣдующемъ-же 1619 году изъ Томска, по приказу Правительства, былъ вновь командированъ томскій казакъ Иванъ *Петлинь* съ товарищами, „провѣдывать про Китайское Государство и про Обь рѣку великую и про инья государства“.

Нужно имѣть въ виду, что въ тѣ времена не только у насъ, но и вообще въ Европѣ были самыя смутныя понятія о внутренней Азiи, Китаѣ, Бухарѣ, Индiи и проч. Большинство тогдашнихъ западныхъ ученыхъ было убѣждено, что кратчайшiй морской путь изъ Европы въ Индiю лежитъ вокругъ Сибири по Карскому морю, Ледовитому и Восточному океану; начало послѣдняго предполагалось не далѣе устья р. Енисея. Другiе ученые предполагали, что еще лучше проникнуть въ Китай и Индiю рѣкою Обью, истоки которой тогда думали доходить до этой страны. Отсюда понятны настоячивыя экспедици англичанъ и голландцевъ къ сѣверу Сибири въ цѣляхъ проникнуть этимъ путемъ въ Китай, Японiю и Индiю; экспедици въ 1553 году Ченслера въ Бѣлое море, Стефана Бурро къ Новой землѣ и Вайгачу въ 1555

¹⁾ Фишеръ. Сибирская Исторiя, вн. 2-я, отд. 2-е. С.-Пб. 1774 г.

году, Джаксона въ 1580 году, голландца Корнилія Ная къ полуострову Ялмалъ чрезъ Карское море и Югорскій шаръ въ 1594 году, Баренца, обогнувшего Новую землю въ 1595 году; ходатайство англичанина Джона Мерикса о дозволеніи ему основать вольную торговлю по р. Оби съ Индіей въ 1614 году и проч. и проч. ¹⁾).

Понятно, что и Московское правительство, занявши чрезъ Сибирь сѣверо-западную часть Азіи, не могло отнестись равнодушно къ сказаннымъ поискамъ ближайшаго воднаго пути въ Индію и Китай черезъ Сибирь и ея многоводныя рѣки. Ревниво слѣдя за попытками иностранцевъ, наше правительство въ свою очередь старалось всѣми мѣрами обследовать берега Ледовитаго океана и истоки Сибирскихъ рѣкъ Иртыша, Оби, Енисея. Сибирскимъ воеводамъ было строго наказано провѣдывать можно-ли плавать сѣвернымъ моремъ и не проникаютъ-ли уже этимъ моремъ англичане и голландцы въ Индію, не завели-ли въ ущербъ Московскому правительству, обратившему сибирскую пушнину въ свою регалию, какихъ либо торговыхъ сношеній съ сѣверными инородцами и т. д. Въ одномъ изъ тогдашнихъ посланій Московскаго правительства въ Сибирь читаемъ: „сибирскіе-де служилые и торговые люди сказывали про великую рѣку — ходятъ-де тою великою рѣкою суды большіе, и колоколы-де на нихъ великіе есть, и звонъ-де они слышатъ часто и изъ пушекъ-де съ тѣхъ большихъ судовъ стрѣляютъ; а какіе люди и какихъ вѣръ и изъ которыхъ земель или государствъ въ которые земли и въ государства ходятъ и съ какими товары, или воинскіе люди, того-де они не вѣдаютъ...“ и т. д., и т. д. ²⁾. А потому наказывалось сибирскимъ воеводамъ, чрезъ служилыхъ людей „провѣдывать тою великою рѣку“ и дознать есть-ли на ней „лѣсъ угожей судовой“ и „въ какихъ судахъ можно на тою великою рѣку подняться... до коихъ мѣстъ... и прямо-ли (это) рѣка или море, или переуль морская; да буде (это) рѣка... по обѣ стороны рѣки смотрѣть какіе у тою великіе рѣки берега и есть-ли на нихъ какіе выметы и есть-ли какіе угожіе мѣста и лѣсъ который бы къ судовому и ко всякому дѣлу пригодился; или горы и какія горы, ка-

¹⁾ Магаз. Землев. и путеш. изд. Н. Фролова т. 4-й. М. 1855 г.

²⁾ Дѣло, повидному, шло о рѣкѣ Амурѣ съ ея притоками.

менныя-ли и сколько высоты... и откуда та рѣка выпала и куда устьемъ и въ которую рѣку или море впала, и рыбная-ль рѣка, и какова въ ней вода, и мечеть-ли изъ себя какой звѣрь...“ и т. д., и т. д. ¹⁾. Въ другомъ актѣ того времени читаемъ: — „казакъ-де Васька Пустозерецъ былъ-де на Обдори съ атаманомъ Иваномъ Боборыкинымъ въ толмачехъ для ясашнаго сбору и слышалъ... прїѣзжали-де съ большого моря въ Карскую губу, въ дву корабляхъ люди, а бывъ въ Карской губѣ отъѣхали въ море. А въ Карскую губу впала Мутная рѣка, которою прежь сего ѣзжали въ Мангазью торговые люди изъ Архангельскаго города съ большого моря малыми кочами...“ и т. д., и т. д.— А потому на первыхъ порахъ предлагалось — „послать изъ Тобольска межъ Мутныя и Зеленыя рѣки на волокъ, на заставу тобольскихъ служилыхъ людей 20 человекъ, да съ Березова атамана Ивана Боборыкина, да съ нимъ березовскихъ служилыхъ людей 24 человекъ, да въ вожахъ того березовскаго казака Ваську Пустозерца... а разсмотри мѣста поставить острожекъ.. и быши въ томъ острожкѣ до Семена дни (1 сентября) или до Покрова (1 октября) и „караулы ставить крѣпкіе чтобъ Нѣмецкіе люди и Самоядь на тотъ острожекъ безвѣстно не пришли и дурна ни какова не учинили; и изъ того острожка посылати служилыхъ человекъ по пяти и по шести по переѣмамъ къ морю водянымъ путемъ и сухими дорогами, откуда чаять проходу, провѣдывать про Нѣмецкихъ людей накрѣпко, чтобъ въ Сибирь, въ Мангазью нѣмецкіе люди водянымъ путемъ и сухими дорогами ходу не проискали...“ и т. д. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, пока Московское правительство и сибирскіе воеводы путемъ „великаго стороженія“ и неоднократныхъ „провѣдываній“ береговъ и устьевъ рѣки Оби и Енисея и Обской губы и Тазовской, не убѣдились, что нѣмецкіе люди въ тѣ края ходить перестали, а моря тѣ устья и губы омывающія „зело студены“ и непроходимы.

Несравненно долѣе продолжались попытки провѣдать южные водные и сухопутные пути въ Китай и Индію. Вслѣдъ за атаманомъ Тюменцемъ, какъ мы уже сказали, командированъ былъ провѣдывать про Китайское государство, про Обь рѣку великую и про инья государства томскій казакъ Иванъ

¹⁾ Русск. Истр. Библ. т. II-й, № 121, 1875 г.

Петлинъ. Доѣзжая запись этого послѣдняго посланца настолько характерна, любопытна и обстоятельна по тому времени, что мы позволяемъ себѣ привести здѣсь изъ списка, напечатаннаго Спасскимъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ за 1818-й годъ, рядъ наиболѣе характерныхъ и интересныхъ выписокъ ¹⁾. По описанію Петлина, отъ Томска „до киргизъ“, въ тѣ времена ходу было 12 дней, причемъ приходилось переѣхать двѣ рѣки ²⁾; „отъ киргизъ“ до р. Абакана (лѣваго притока р. Енисея) 6 дней, отъ Абакана до р. Кемчикъ (также лѣвый притокъ Енисея, носящаго здѣсь названіе Улу-Какъ) 9 дней; отъ Кемчика до большаго озера „гдѣ Иванъ Петровъ (спутникъ Тюменца) сказывалъ самоцвѣтъ камень“ 3 дня ³⁾; а около его 12 дней ходу конемъ; да въ то же озеро 4 рѣки пали; а всѣ тѣ рѣки текутъ въ озеро; а въ озерѣ воды не прибываетъ не убываетъ; да въ то озеро рѣка впала промежъ востоку и сѣверу, имя Накесъ ⁴⁾; а ходу по той рѣкѣ отъ озера до вершины, гдѣ царь Алтынъ сошелъ съ кочевьемъ, 15 дней; а дорога итти все по камени ⁵⁾; а отъ царя Алтына итти до улусовъ 5 дней, а улусъ зовутъ Алгу-табуръ, а князь въ немъ Тармышень...“ и т. д. Дальнѣйшій маршрутъ Петлина по современнымъ картамъ весьма трудно прослѣдить, такъ какъ названія урочищъ и обитателей тѣхъ странъ теперь совсѣмъ не тѣ, что были; да и неизвѣстно кто были при Петлинѣ переводчики, и на какомъ языкѣ передавались собственные имена этихъ урочищъ и обитателей. Судя же по тому, что въ числѣ этихъ именъ встрѣчаются — Часақты, Кегень, Чечень-Ноёнъ, Вушукты, Малчи-кагунъ и проч., нужно думать, что путь Петлина шолъ близъ обычнаго и въ настоящее время пути чрезъ Монголію и Гоби на Калганъ и Пекинъ. Отсылая интересующихся къ подлиннику, остановимся на болѣе характерныхъ описаніяхъ видѣннаго и слышаннаго Петлинымъ на пути по Монголіи и Китаю. „А земля Мугальская, пишеть нашъ путешественникъ, велика, долга и широка; отъ Бухаръ

¹⁾ Сиб. Вѣстн. 1818 г. ч. II-я. Путешествіе сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1620 году. Подъ заглавіемъ: „Роспись Китайскому государству и Обинскому и инымъ государствамъ жилимъ и кочевымъ улусамъ и великой Обѣ рѣкѣ и дорогамъ“.

²⁾ Названій не приведено.

³⁾ Несомнѣнно это озеро Убса.

⁴⁾ На нынѣшнихъ картахъ — Тесъ.

⁵⁾ По хребту Танну-ола.

и до Моря; а города въ Мугальской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ роскаты; а съ исподи у городовъ кладенъ камень сѣрой, а къ верху кирпичъ у воротъ у городовыхъ исподъ такожь, что въ русскихъ городахъ, а на воротахъ на городовыхъ на башнѣ колоколь пудовъ въ двадцать; а башни крыты образцами (изразцами) кирпичными; а дворы въ Мугальской землѣ кирпичные на четыре угла, а ограды кругъ дворовъ высоки, а на дворѣхъ палаты не высоки кирпичныя, а у палатъ подволоки выписаны травами, разными красками зѣло урядно, не хочется изъ палатъ и выйти. Да въ той мугальской землѣ стоять два храмы Лобинскіе ¹⁾ кирпичные; по коихъ мѣсть сдѣлають храмы клинчатые, а стоять храмы дверьми промежь востокомъ и полуднемъ, а на храмѣхъ крестовъ нѣтъ, стоять на нихъ звѣри каменные невѣдомо какіе; а какъ влѣзишь во храмы, неизрѣченное чудо: противъ дверей сдѣять три болвана великіе женской полъ сажени по полутрети вызолочены сусальнымъ золотомъ съ головы и до ногъ, а сидятъ на дверяхъ каменныхъ въ сажень высоко, а двери всякими образцы выкрашены разными красками; а въ рукахъ болваны тѣ держатъ по горшечку съ кашею, а передъ ними горятъ свѣщи негасимыя съ саломъ говяжьимъ; а на правой сторонѣ во храму стоять восемь болвановъ мужской полъ, а на лѣвой сторонѣ стоять восемь-же болвановъ всѣ дѣвки, а вызолочены съ головы и до ногъ, а руки протянули что поклониться хотятъ, какъ кланяются мугальскіе люди болванамъ; а по сторонѣ тѣхъ болвановъ стоять два болвана нагихъ, какъ бытъ человѣкъ въ тѣлѣ живъ не узнаешь издали что тѣло человѣческое или глина, какъ бытъ человѣкъ; а передъ ними стоять свѣчи тонки что солома, а горятъ безъ огня углемъ; а поють въ тѣхъ храмахъ въ двѣ трубы великія сажени по полуторы и какъ затрубятъ въ трубы да стануть бити въ бубны, да припадутъ на колѣни, да руками сплеснуть, да опять размахнуть, да падутся о средю, да на средѣ лежать съ полчаса, а въ тѣ поры какъ поють, идти во храмъ такъ великъ страхъ человѣка изыметъ и неизрѣченное диво во храмѣхъ: а крыты тѣ храмы образцами кирпичными“.

„А хлѣбъ въ мугальской землѣ родится всякій: проса, пшеница, рожъ и ярица, и ячмень и овесъ и иныхъ сѣмянъ

¹⁾ Ламайскіе—буддійскіе.

всякихъ много, только мы не знаемъ; а калачи бѣлы добрѣ; а овощи въ мугальской землѣ и сады всякіе есть: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны, огурцы, лукъ, чеснокъ и иные всякіе овощи“.

„А люди въ мугальской землѣ мужской полъ нечисты (неопрятны, грязны), а женскій добрѣ чистъ; а платье носятъ по своей вѣрѣ бархатное и камчатное, а ожерелье у кафтановъ у мужчинъ и у женщинъ большіе по плечамъ; а вино курять въ мугальской землѣ изъ хлѣба безъ хмѣлю. Каменья дорогова и жемчугу и золота нѣтъ, а серебра много, а идетъ серебро изъ Китая. А сапоги носятъ своимъ образцомъ; а лошадей добрыхъ нѣтъ; а катырей ¹⁾ и ишечниковъ много; а орютъ плугомъ и сохамн, также что у тобольскихъ татаръ, а бороны узки и долги“.

„А Кутухты у нихъ, а по нашему Патріархъ, а только въ мугальской земли два Кутухты, одинъ въ 20 лѣтъ, а другою въ 30 лѣтъ, нѣтъ ни усы ни бороды; а въ храмѣхъ у нихъ сдѣланы мѣста, какъ придутъ во храмъ да сядутъ по мѣстамъ; а по ихъ вѣрѣ имъ кутухтамъ и цари поклоняются: а то солгано что Кутухта умеръ да въ землѣ лежалъ пять лѣтъ, да опять ожилъ, и то враки Ивана Петрова: человекъ-де умереть и какъ-де опять оживеть ²⁾. Да по ихъ языку лобы ³⁾, то у нихъ старцы, а постригаются лѣтъ въ десять, а блуда женскаго не знаютъ отъ матери; а бороды и усы щиплютъ и брѣютъ, а ходятъ безъ штановъ, а мясо ѣдятъ во вся дни, а манатъи у нихъ камчатые, разные цвѣты, а боры у манатей что у нашихъ старцевъ, а клубуки у нихъ желтые; а говорятъ такъ: ваша-де вѣра одна съ нашей была, а ваши-де старцы черные, а наши-де бѣлые, а того-де мы не вѣдаемъ, какъ наша вѣра отъ вашей отскочила“.

А за мугальскою землею и Бухарамъ есть три государства *Ортуурское* ⁴⁾, а царь (князь) въ немъ Юкананъ, а городъ ска-

¹⁾ Муловъ.

²⁾ Здѣсь очевидно говорится объ упомянутомъ раиѣ спутникѣ атамана Тюменца, казака Иванѣ Петровѣ, ведшемъ дневникъ путешествія къ Алтынъ-Хану. Отзывъ Пеллина о Петровѣ нельзя не признать рѣзкимъ. ибо Петровъ, говоря о перерожденіи кутухты, говорилъ не о своемъ вѣрованіи, а о монгольскомъ, гдѣ и до настоящаго времени твердо держится вѣра въ то, что кутухты умирая, вновь воскресаютъ въ измѣненномъ видѣ.

³⁾ Ламы—монахи.

⁴⁾ Это несомнѣнно Ордосъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ современныхъ намъ монгольскихъ аймаковъ въ большомъ изгибѣ рѣки Хуанъ-хе.

зываютъ каменной и царство богато; второе царство *Тангутское*, а царь въ немъ Суланчикъ, а городъ сказываютъ каменный и царство богато же всѣмъ¹⁾; третье царство словоетъ желѣзное, а городъ Шарь, а въ немъ царь Темиръ (т. е. желѣзный), а царство сказываютъ богато, а отъ Бухарь недалеко изъ того государства отъ желѣзнаго царя идетъ въ Китайское государство камень алмазь²⁾; а тѣ три государства подъ полднемъ стоятъ. А по другую сторону черныхъ мугаль живутъ *жолтые* мугалы (манчжуры?) и до моря и городовые и кочевые³⁾.

„А отъ мугальской земли отъ Мальчикатуна города до китайскаго крыма (кремля — каменной стѣны) до рубежу, ѣзды конемъ два дня, а рубежная стѣна пошла подъ полдень къ Бухаромъ, два мѣсяца ходу до Обдоры-Царя; а городъ у Обдоры-Царя деревянной, а царство сказываютъ велико и богато, а другой конецъ того царства пошолъ на востокъ до моря четыре мѣсяца ходу; а стѣна ведена кирпичная (великая китайская стѣна), а мы сочили по рубежной стѣнѣ по обоимъ концамъ башень со сто, а къ Морю и Бухаромъ сказываютъ башень многое множество, а башня отъ башни стоитъ по стрѣльбищу (на разстояніи выстрѣла). И мы у китайскихъ людей спрашивали для чего та стѣна дѣлана отъ моря и до Бухарь и башни стоятъ на стѣнѣ часто? и китайскіе люди намъ сказывали, та-де стѣна ведена отъ моря и до Бухарь потому что двѣ земли — одна земля Мугальская а другая Китайская, что промежъ землями рубежъ, а башни-де потому часто стоятъ на стѣнѣ, какъ-де прійдутъ какіе воинскіе люди подъ рубежъ, и мы-де на тѣхъ башняхъ зажигаемъ огонь чтобы люди наши сходилися по мѣстамъ, чье гдѣ мѣсто по стѣнѣ и по башнямъ³⁾. А съ приходу къ рубежу живутъ обстѣну черные мугалы, а за рубежемъ земля и города китайскіе, а сквозь ту стѣну рубежа въ китайскій городъ Широкалгу (Калганъ?)

¹⁾ Это теперешнія провинціи Кугу-норъ и прославленная покойнымъ Пржевальскимъ страна Тавгутовъ.

²⁾ Упоминаемое здѣсь государство, повидимому, нынѣшній Кашгарь, или такъ называемый Алты-шарь, съ городами Карашарь. Янгшарь. Янгшисарь. Аксу. Кашгарь и проч.

³⁾ Нѣчто подобное, какъ извѣстно, предпринималось и у насъ въ XVIII столѣтіи на такъ наз. Украинской и Царицинской линіяхъ; а потомъ на Горькой и Прѣсногорьковской линіи между Омскомъ, Петропавловскомъ и Звѣриноголовскомъ: хотя въ концѣ концовъ свелось только къ возведенію маленькихъ крѣпостей, форпостовъ, редутовъ и маяковъ съ вышками, на которыхъ закипались по ночамъ пучки хвороста, при прорывѣ киргизъ черезъ границу.

пятеры ворота подь одну башню, а въ той башнѣ сидить дьякъ отъ Царя китайскаго Табуна (династія Да-Бинь?), а посланъ досматривать грамоты и печати отъ княгини Малчикатуни ¹⁾; а ворота проѣздные узки и низки, на конѣ наклонясь проѣдешь, а кромѣ тѣхъ воротъ у рубежа на стѣнѣ иныхъ нѣтъ; а изъ всѣхъ государствъ ѣздятъ въ тѣ однѣ ворота въ городъ Широкалгу; а за рубежомъ стоитъ о стѣну китайскій городъ каменной, а имя городу Широкалга, а воевода въ немъ князь Шубинь ²⁾, посланъ отъ царя Табуна на время; а городъ хорошъ и высокъ и мудръ дѣломъ, а башни также что Московскія высоки, а въ окнахъ пушки и по воротамъ и по башнямъ и по стѣнамъ стоятъ; а какъ солнце за лѣсъ закатится и караульщики изъ трехъ пищалей выстрѣляютъ тряжды; а города не отпираютъ по утру до шестого часу дня. А въ городѣ ряды многіе со всякими товары, а въ рядѣхъ лавки каменны, выкрашены всякими красками и рѣзными травами выписаны, а товары въ лавкахъ всякіе, кромѣ суконь, бархатовъ и камокъ, на золотѣ съ шолковыхъ много всякихъ цвѣтовъ, а каменя дорогово нѣтъ и овощей всякихъ сахаровъ разныхъ и гвоздики, корицы, анису, яблоковъ, дыней, арбузовъ, огурцовъ, луку, чесноку, рѣдьки, моркови, постарнаку, капусты, маку, рѣпы, мушкату, фильяку, миндальные ядра, инбирь, ремень и иныхъ овощей много, которыхъ мы не знаемъ какіе они; есть и харчевни и кабаки; а на кабакахъ питья разные, а ярыжекъ и жонокъ блядокъ много, а тюрьмы каменные стоятъ порядкомъ; а за татьбу у нихъ вѣшаютъ, а за разбой на колъ сажаютъ и головы сѣкутъ, а за прописку ³⁾ руки сѣкутъ“.

Далѣе идетъ описаніе сосѣднихъ, лежащихъ на пути къ столицѣ Богдыхана, городовъ—Широ (?), Ярѣ (?), Тайма⁴⁾ (?), повторяющее отчасти то, что было сказано о первомъ китайскомъ городѣ Широкалганѣ съ прибавкою—„а въ томъ городѣ торги прежняго города сильнѣе“ и т. д.

Остановимся на описаніи „Бѣлово города“, до котораго отъ Тайма города два дня ѣзды. „А тотъ городъ каменной.

¹⁾ Правительницы предстѣннаго монгольскаго аймака.

²⁾ Шу-Бинь.

³⁾ Подлогъ.

⁴⁾ Очевидно переводчики, сопровождавшіе Петлина были знакомы по преимуществу съ татарскимъ языкомъ и переводили всѣ китайскія названія на татарско-арабско-турецкій ладъ.

бѣль что снѣгъ... и великъ и высокъ, и сказываютъ кругомъ-де того города ѣхати три дня, а съ прїѣзду у того города трои ворота высоки широки, а тѣ ворота подъ одну башню, а затворы желѣзные, гвоздемъ убиты чернымъ, а пушки по башнямъ и по воротамъ великія и ядра пушечныя по два пуда и иного всякаго оружія много и караулы противъ прежнихъ городовъ и лавки въ томъ городѣ отъ воротъ до воротъ, а на лавкахъ избы и палаты каменныя, противъ тѣхъ лавокъ улицы кладены камнемъ сѣрымъ, а лавки и двory всѣ каменные, а передъ лавками рѣшетки деревянные выкрашены всякими красками, и лавки и палаты крыты образцами (изразцами) кирпичными, а подволоки у избъ и у палатъ и у лавокъ выписаны всякими разными красками, а по стѣнамъ стоятъ образцы писаны на толстой бумагѣ, а подъ тѣ образцы подкладываютъ камки и бархаты; а во храмѣхъ у нихъ образцы или болваны дѣланы глиняные и вызолочены съ головы до ногъ сусальнымъ золотомъ, какъ и въ Мугальской землѣ: страхъ отъ нихъ изыметъ! а во храмы смотрѣть пускаютъ всякихъ людей; да у нихъ-же мы видѣли въ Бѣломъ городѣ какъ сооруженье храма собираютъ: ходятъ три человѣки порядкомъ, два человѣки постукиваютъ палочками въ колоколець деревянной, а третій человѣкъ образъ носить за плечами, да такожь стучаетъ въ колоколець, а образъ великъ и широкъ, а у образовъ подписи нѣтъ, а писаны образы мудрено. Да въ томъ-же городѣ видѣли попугаевъ и павы и соколовъ носить сокольники и карлы, а тотъ городъ тѣхъ городовъ всякими товары и узорочьи и овощми и харчами полнѣе; а воеводы въ немъ князь Тайванъ, да князь Суланъ, и тѣ воеводы какъ поѣдутъ куда нибудь ко храму или гулять и передъ ними идутъ человѣкъ по двадцати съ протазаками и съ алебарды, а батожниковъ человѣкъ по тридцати, а говорятъ такъ: окъ-окъ! а по русски то: бѣги-бѣги; а на надъ воеводами несутъ солничники ¹⁾ великіе камчатые тельные; да въ томъ-же городѣ четыре кабака большіе“.

„А отъ Бѣлово городу ходу два дня до большова Китая гдѣ самъ царь Тайбунъ. ²⁾ Городъ великъ и высокъ; каменной, бѣль что снѣгъ, а стоитъ на четыре угла, кругъ, его ѣзду

¹⁾ Солнечные зонты.

²⁾ Вѣроятно Тай-цзу родоначальникъ и по нынѣ царствующей династїи Дайцинъ, занявшій въ этотъ годъ престолъ поднебесной Имперїи.

четыре дни, а по угламъ стоятъ башни, а по средѣ стѣны великія и высокія; а бѣлы что снѣгъ, съ подзоры разныхъ красокъ, а на башнѣхъ по окнамъ и по воротамъ стоятъ пушки великія и караулы по воротамъ стоятъ по двадцати человѣкъ. Да въ томъ-же большомъ Китаѣ стоитъ магнитовой городъ, гдѣ самъ Царь Тайбунъ живетъ ¹⁾. А Городъ магнитовой гдѣ самъ царь Тайбунъ живетъ украшенъ всякими узорочьи мудрыми, а дворъ царской стоитъ среди города Магнитова, а у палатъ верхи золочены. А мы у царя Тайбуна не были и царя не видали потому что идти къ Царю не съ чѣмъ, а мнѣ посольскій дьякъ сказалъ: „у насъ-де чинъ таковъ держатъ, безъ поминковъ-де передъ царя нашего Тайбуна не ходятъ, хотя-бы съ вами Царь Бѣлый послалъ къ нашему Царю Тайбуну не великіе дары, и васъ-бы де пословъ съ поминками нашъ Царь пустилъ къ себѣ и послалъ-бы къ нему свои дары; не то дорого что нашъ царь пустилъ къ себѣ, но то дорого что Бѣлый Царь къ нашему Царю послалъ-бы дары, да и васъ-бы пословъ пожаловалъ да отпустилъ; полно-де Царь нашъ даетъ вамъ грамоту къ вашему Царю“. А городъ китайской стоитъ на ровномъ мѣстѣ, а кругомъ его рѣка ²⁾, имя ей Юхо, а течетъ въ море Черное ³⁾; до моря отъ большого Китая подъ стѣну не ходятъ съ товары, а ходятъ въ малыхъ судѣхъ въ шнякахъ, и тѣ товары Царь Тайбунъ разсылаетъ по всѣмъ своимъ городамъ Китайскаго государства, а изъ Китайскаго государства изъ городовъ, тѣ товары идутъ за рубежъ въ Мугальскую землю и къ Алтынъ Царю и въ черные калмыки и инья во многія земли и государства и въ улусы и къ желѣзному царю въ Шаръ городъ подъ Бухары; а отъ рубежа съ тѣми товары ѣздятъ изъ Ортульскаго государства кутухты и лабы, а изъ Китайскаго государства изъ жолтыхъ мугалъ и отъ Малчикату китайскіе люди и Малчины и Кутухтины люди со всякими товары: бархаты, и съ атласы и съ камками и съ серебромъ и съ барсы и съ ирбизы съ черными зенденми по всѣмъ государствамъ за рубежъ, и на тѣ товары мѣняють и поку-

¹⁾ Несомнѣнно дѣло идетъ о Пекинѣ, состоящемъ, какъ извѣстно, изъ нѣсколькихъ городовъ, окруженныхъ каменными стѣнами; внѣшній городъ (китайскій), внутренній (манжурскій), Императорскій и Пурипуровый (запрещенный)—резиденція Бождыхана.

²⁾ Каналь.

³⁾ Т. е. желтое, Пичилийскій заливъ.

пають лошади и тѣ лошади идутъ въ Китайское государство, а изъ Китайскаго государства идутъ за море въ Манчи, а по нашему въ Нѣмцы ¹⁾; а серебро у нихъ крицами (слитками) крицы по пятьдесятъ рублевъ и по пяти и по три и по два рубля и въ гривну; а по нашему рубль и въ гривну а по ихъ—ланъ. А люди въ Китайскомъ государствѣ мужской полъ и женскій чисты, а платье носятъ своимъ образцомъ, рукава широки что у лѣтниковъ подъ исподомъ полукафтаны по русскому. А людей въ Китайскомъ государствѣ торговыхъ и воинскихъ множество, а бой у нихъ огненный, а люди китайскіе къ воинскому дѣлу робливы, воюють они съ Мугалы съ желтыми, а у Мугалъ бой лучной ²⁾

— Не забылъ конечно нашъ посланецъ разспросить по пути и про великую Обь—рѣку, откуда она взялась и не пріѣзжали-ли въ Китай по ней нѣмецкіе люди и проч. какъ ему наказано было отъ Тобольскихъ и Томскихъ воеводъ.

„Да спрашивали мы (пишетъ Петлинъ) у посольскаго дьяка (въ китаю) про великую рѣку Обь и онъ намъ сказалъ: „о той-де большія рѣки не слыхалъ и незнаемъ“ —А изъ за моря-де къ намъ прибѣгаютъ Манчи на корабляхъ но всякій годъ какъ свѣтъ сталъ со всякими товары, а того-де и не знаю устья-ли Обского они ищутъ или съ торгомъ пріѣзжаютъ“ и т. д.

Съ этими вѣстями Петлинъ и вернулся на Русь. Не знаемъ на сколько они удовлетворили послывшее его Правительство; что-же касается обыкновенной публики, то по свидѣтельству неоднократно упомянутаго выше Сибирскаго лѣтописца и географа боярскаго сына Ремезова переписанный многими „доѣздъ“ Петлина „и до днесъ“ т. е. до конца семнадцатаго столѣтія „въ Тобольску у спскаателей“ съ любопытствомъ читался. ³⁾

Вскорѣ послѣ Петлина именно въ 1620 г. (нужно думать еще до возвращенія его изъ китая обратно), были посланы въ

¹⁾ Т. е. за границу.

²⁾ Это очевидно слухи или пересказъ рѣшительной борьбы манжурской династїи Тай-цзи (Дай-цинъ) съ чисто китайскою—Минь.

³⁾ Ремезовъ какъ исторїографъ Карамзинъ приписывали доѣзжую записъ Петлина атаману Ивану Петрову ѣздившему „за Сибирь“ въ 1567 г. Но это несомнѣнно не вѣрно, ибо о поѣздѣ Петрова въ официальныхъ актахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ; доѣздъ же Петлина хранится и теперь въ Московскомъ гл. архивѣ. Мин. иностр. дѣлъ. Да и упоминаніе въ доѣздѣ города Томска и Тобольскихъ татаръ съ данными объ истокахъ Оби проч., что интересовало Московское Правительство гораздо позже указаннаго года, ясно показываетъ что разсказъ идетъ о событіяхъ имѣвшихъ мѣсто не до завоеванія Сибиря а послѣ.

Монголію къ Алтынъ-хану голова *Шарыинъ* и ранѣе того ѣздившій туда казаккій атаманъ Василій *Тюменецъ*. Въ 1634 г. туда-же ѣздилъ б. с. Тухачевскій. Въ 1636 г. изъ Томска б. с. Степанъ Гречанинъ и въ 1638 Томскій Боярскій сынъ Василій *Старковъ* съ казаками ¹⁾).

Поиски истоковъ великой рѣки Оби закончились въ 1633 году, когда томскіе казаки, подъ начальствомъ боярскаго сына Петра *Собанскаго* проникли до Телецкаго озера дающаго начало рѣки Біѣ, одной изъ двухъ рѣкъ отъ сліянія которыхъ образуется рѣка Обь.— Названіе этому озеру дано по имени мѣстныхъ инородцевъ (Телесовъ) обитающихъ около того озера. Въ 1642 году тотъ-же Собанскій съ атаманомъ Петромъ *Дорофеевымъ* вторично появляется на Телецкомъ озерѣ, громятъ телесовъ, осматриваютъ озеро, зимуютъ на немъ и возвращаются по рѣкѣ Біѣ обратно въ Томскъ съ предложеніемъ заложить на послѣдней при сліянніи съ Катунью острогъ именующійся теперь городомъ Бійскомъ Томской губерніи.

Г. Катанаевъ.

г. ОМСКЪ.
18 марта 1908 г.

¹⁾ Моск. арх. Мин. Иностр. д.—Монгольскіе дѣла. Указатель къ примч. М. Н. Пудило 1878 г. и Отеч. Зап. 1925 г. три статьи подъ названіемъ: Бытность въ въ Монголіи Ст. Гречанина и Андр. Семеонова у царя Алтына въ 1636 году.

